

ВЛАДИМИР МАУ

революция

МЕХАНИЗМЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ
И ПОСЛЕДСТВИЯ РАДИКАЛЬНЫХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Владимир Мау

Революция

Механизмы, предпосылки
и последствия радикальных
общественных трансформаций

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА · 2017

УДК 321.7

ББК 66.0

М12

Мау, В. А.

М12 Революция: механизмы, предпосылки и последствия радикальных общественных трансформаций / под науч. ред. Е. В. Антоновой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 368 с.

ISBN 978-5-93255-511-8

Настоящая книга посвящена проблемам теории и истории великих революций. На базе анализа английской (XVII в.), французской (рубежа XVIII–XIX вв.) и русской (начала XX в.) революций выявляются закономерности, конституирующие элементы радикальных общественных трансформаций. Основываясь на результатах сравнительных исследований революций прошлого, автор обосновывает тезис о специфическом, революционном характере посткоммунистической трансформации России. Особое внимание в книге уделяется российскому опыту коренных трансформаций, приходящихся на начало и конец XX столетия, что вполне естественно в год столетнего юбилея Русской революции 1917 г.

Книга предназначена для историков, экономистов, социологов, для всех тех, кто интересуется проблемами социально-экономических преобразований.

© В. А. Мау, 2017

© Издательство Института Гайдара, 2017

ISBN 978-5-93255-511-8

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. Тезисы о революции · 7

РАЗДЕЛ I. ЭКОНОМИКА И РЕВОЛЮЦИЯ: УРОКИ ИСТОРИИ

глава 1. Понятие революции · 23

глава 2. Революция и государственная
власть · 29

глава 3. Революционный экономический кризис:
общая формула и национальная специфика · 37

3.1. Фазы экономического кризиса революции · 38;

3.2. Основные элементы экономического кризиса
революции: общее и особенное · 45

РАЗДЕЛ II. ИЗ ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

глава 4. На полпути к советской модели:
вызревание советских экономических институтов
в предреволюционное десятилетие · 77

глава 5. Великая российская революция
и ее «самотермидоризация» · 99

глава 6. Формирование экономики
дефицита · 119

глава 7. Завершение революции и бюрократиче-
ская консолидация: исследования первого после-
революционного десятилетия · 139

РАЗДЕЛ III. РОССИЙСКАЯ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК РЕВОЛЮЦИЯ

глава 8. Революционный характер посткоммунистической трансформации в России · 165

8.1. Посткоммунистическая трансформация: общее и особенное · 165; 8.2. Закономерности революции в России конца XX века · 170; 8.3. Слабость государства · 174

глава 9. Экономические проблемы революций в посткоммунистической России · 179

9.1. Экономические особенности революционной трансформации России · 179; 9.2. Проблемы отложенной стабилизации · 189; 9.3. Социально-политические проблемы приватизации · 199; 9.4. Заключительные замечания · 206

ПРИЛОЖЕНИЯ

приложение 1. Интеллигенция, история и революция: очерки современной жизни России · 211

приложение 2. «Революция каузальна, но не телеологична...». Истоки, последствия и сущность революционных процессов современности
Беседа Владимира Мау и Бориса Капустина · 294

Библиография · 358

Summary · 366

Тезисы о революции

1. *Понятие революции*

Революция представляет собой механизм радикальной, системной трансформации всех сторон жизни общества (страны) в условиях слабого (рухнувшего) государства. Известны случаи радикальной трансформации при сохранении государства (реставрация Мэйдзи, большинство посткоммунистических трансформаций Центральной и Восточной Европы, постсоветских республик Центральной Азии). Возможен крах государства без системной трансформации (например, современная Ливия). Полномасштабная революция предполагает наложение двух названных обстоятельств, и именно они оказываются конституирующими для такой революции.

Понятие «революция» не является в современной науке строгим.

Исторически термин «революция» вошел в политическую жизнь (и политическую дискуссию) не для обозначения процесса как радикального, а для характеристики процесса неотвратимого — по аналогии с названием известной книги Коперника «*De Revolutionibus Orbium Coelestium*», в которой речь шла о постоянном движении небесных сфер. Во всяком случае, именно такой смысл приписывают словам герцога Франсуа Ларошфуко-Лианкура, обращенным к Людовику XVI¹.

1. Поздно вечером 14 июля 1789 года герцог де Лианкур, обла-

Помимо полномасштабных революций известны и другие виды революций, включая оборванные (или незавершенные), политические и др. Они не являются предметом обсуждения в настоящей книге.

2. Революция и насилие

Революция не может определяться и через насилие. Насилие играет значимую роль в революциях, однако было бы неверным говорить, что в революцию непременно должно происходить обострение насилия. Уровень насилия зависит от многих факторов и особенно от уровня благосостояния общества. Естественно, что в стране с преобладанием бедного крестьянского населения уровень насилия будет при прочих равных условиях выше, чем в стране, большинство жителей которой являются зажиточными горожанами.

3. Разрыв и непрерывность в условиях революции

Революция представляет собой разрыв естественного хода событий. Это шок, который многие предсказывают, но которого никто не ожидает. Говорят, что кризис случается позже, чем его прогнозируют, но раньше, чем его ожидают. Этот своеобразный закон более чем уместен при анализе предреволюционной эпохи и начала революции.

давший правом в любое время входить к Его Величеству, разбудил задремавшего короля и сообщил ему о взятии Бастилии. «Но это же бунт!» — воскликнул изумленный Людовик. «Сир, — ответил Лианкур, — это не бунт, это революция» («Mais c'est donc une révolte? — s'écriait Louis XVI effrayé de l'agitation du peuple. — Non, sire, fit gravement le duc; c'est une révolution!») (Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М.: ГПИБР, 2006. С. 20).

Вместе с тем революция при всей ее внешней радикальности не просто полностью порывает со старым. Ситуация оказывается более сложной.

Во-первых, многие элементы новой системы (модели) зарождаются уже при «старом режиме» и получают развитие в послереволюционной стране. Эволюция институтов — это достаточно сложный процесс (например, централизация и госрегулирование в начале XX века или рыночная модель в конце XX века).

Во-вторых, возникающий в результате революции режим может реализовывать довольно консервативные идеи, хотя и в новых формах. Это естественно, поскольку в революциях одной из активных действующих сил выступают небогатые классы (слои) населения, несущие значительный запас консервативной идеологии (крестьяне в 1917 году, работники ВПК в 1980-е годы). Они являются мощной движущей силой революции, но они же несут с собой архаику, которая дает о себе знать в ходе революции и особенно в постреволюционной системе — к немалому изумлению выживших революционеров.

В-третьих, ряд консервативных идей и институтов может быть использован для решения новых экономических и политических задач. В качестве примеров большевистской системы — восстановление империи в форме СССР, фактическое восстановление крестьянской общины с ее коллективной порукой и перераспределительными фискальными механизмами в форме колхозов. Именно поэтому вовремя сориентировавшиеся бенефициары старого режима могут неплохо вписаться в постреволюционную эпоху — в отличие от «пламенных революционеров».

4. *Уровень экономического развития и революции*

Революции нового времени происходили в странах сопоставимого уровня среднедушевого ВВП — около 1200–1400 долларов 1990 года (см. таблицу, где представлены расчеты А. Мэддисона). Похоже, что именно в этот период процессы социальной динамики настолько активизировались, что могли выйти из-под контроля элиты (власти) и привести к разрушению существующих государственных институтов. Таким образом, применительно к аграрному обществу можно говорить о наличии некоторого исторически и экономически обусловленного этапа, когда риск революции повышается.

Вместе с тем некоторые страны оказывались способными провести назревшие преобразования под контролем элиты и при сохранении государства. Как правило, это происходило на уровне среднедушевого ВВП, который был существенно ниже «уровня начала революции».

5. *Крах государства как конституирующая характеристика революции*

Крах государства проистекает из раскола общества, основных социальных и политических сил по вопросу о базовых ценностях и ориентирах развития страны. Этот крах является одновременно и крахом (банкротством) национальной элиты, поскольку именно элита должна направлять общественные силы по пути прогресса, обеспечивая одновременно социально-политическую устойчивость.

Накануне революции в элите наблюдаются сильные дезинтеграционные процессы, и верхние слои общества превращаются в сложную мозаику

ТЕЗИСЫ О РЕВОЛЮЦИИ

ТАБЛИЦА. Уровень ВВП на душу населения
в периоды революций

Страна	Год начала революции	ВВП на душу населения, долл. США 1990 г.	Примечания
Англия	1640	Близко к 1200	
США	1774	1820 г.: 1287	Война за независимость
Франция	1789	1820 г.: 1218	
Германия	1848	1850 г.: 1476	
Япония	1868	1885 г.: 818	Революция сверху
Россия	1905	1900 г.: 1218	
Мексика	1911	1913 г.: 1467	
Россия	1917	1913 г.: 1488	
Турция	1923	1922 г.: 561	Революция сверху
Китай	1911–1949	1950 г.: 614	В послереволюционный период не удалось перейти к устойчивому экономическому росту

Источники: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OECD, 1995; Стародубровская И., Мау В. Великие революции... Гл. 3.*

социальных групп с разнообразными и противоречивыми интересами: экономически сильные социальные группы, не имеющие доступа в элиту; «новички», не до конца признанные традиционной элитой (которая также изначально внутренне неоднородна), но, в свою очередь, стремящиеся не допустить ее дальнейшего расширения; преуспевающая часть традиционной элиты; разоряющаяся часть традиционной элиты и т. п.

6. Стихийность революционного процесса

Крах государства предопределяет доминирование элемента стихийности в разворачивании революционного процесса. Это менее управляемый период нежели «мирное время».

7. Стихийность и закономерность революционного процесса

Усиление стихийности обуславливает наличие некоторых закономерностей революции, которые имеют объективный характер².

Можно выделить следующие общие характеристики (закономерности) революционных трансформаций.

- 1) Системное и глубокое преобразование всех сторон жизни общества (комплексный характер преобразований).
- 2) Революция является продуктом развития внутренних сил данной страны. Именно поэтому революция не может быть навязана извне. Хотя внешний фактор нередко играет определенную роль — как катализатора революции, так и барьера на пути ее развития.
- 3) Наличие определенных фаз (этапов) революции.
- 4) Крах государства и сохранение слабого государства на протяжении революции.
- 5) Революционный экономический кризис как особый экономико-политический феномен.

2. Анализ закономерностей революции подробно рассматривается в: *Crane B. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition.* N.Y.: Vintage Books, 1965; *Стародубровская И., Мау В. Великие революции...*

6) Политический характер экономических процессов, прежде всего инфляции и преобразования отношений собственности.

8. *Фазы революционной трансформации*

Наличие фаз полномасштабной революции — одно из основных проявлений закономерностей революции.

Таковыми фазами являются:

- 1) «Розовый период» революции, когда все общество кажется единым в противостоянии старому режиму. Эта иллюзия единства становится, в частности, причиной принятия экономически необоснованных (по сути, популистских) решений, которые приводят к резкому усугублению экономического кризиса.
- 2) Поляризация, когда становится очевидно, что разные социальные силы (группы интересов) имеют не просто различные, а подчас противоположные представления о конечных целях революции. Начинаются продолжающиеся на всех дальнейших этапах попытки остановить революцию на той или иной ее стадии.
- 3) Радикальная фаза, на которой преобразования проходят точку невозврата.
- 4) Термидор, то есть начало торможения революции и появление контуров новой, постреволюционной нормальности.
- 5) Иногда в перечень фаз революции включают реставрацию. Однако это уже тот этап, который, очевидно, выходит за рамки собственно революционного цикла.

9. *Экономические закономерности революции*

К ним относятся следующие.

- 1) Наличие революционного экономического кризиса, связанного по крайней мере с двумя обстоятельствами:
 - предреволюционным экономическим кризисом, который может дать толчок краху государства и разворачиванию революции;
 - деятельностью ранних революционных правительств, как правило усугубляющей ситуацию и ведущей к обострению экономического кризиса.
- 2) Демонетизация ВВП, которая может проявляться в двух формах. В мире бумажно-денежного обращения демонетизация реализуется через инфляцию. В условиях доминирования металлических денег происходят тезаврация монет и, естественно, «денежный голод».
- 3) Бюджетный кризис, обусловленный политическим кризисом. Слабое государство не может сбалансировать доходы и расходы, постоянно лавируя и пытаясь купить себе поддержку. Завершение революции завершает и бюджетный кризис.
- 4) Соответственно, дефолт оказывается неизбежным феноменом как акт преодоления бюджетного кризиса и завершения революции. Дефолт происходит с учетом политических возможностей государства (отказ платить тем, кому новая власть может себе позволить не платить).

Дефолт, как это ни парадоксально, становится показателем укрепления власти, восстановления контроля государства над политическими, экономическими и социальными процессами.

Примеры можно найти во всех революциях — отказ Кромвеля платить голландским бан-

кирам, «банкротство двух третей» во Франции, отказ большевиков платить по царским долгам, финансовый кризис 1998 года в России.

- 5) Инфляция — политический феномен, отражающий соотношение политических сил и доступность для правительства иных финансовых ресурсов, помимо печатного станка.
- 6) Перераспределение собственности также является политическим феноменом, выступая прежде всего инструментом покупки поддержки революции и выживания революционных правительств (не только политического выживания, но подчас и физического). В условиях революции политическая задача перераспределения собственности доминирует над решением задач фискальной (обеспечение устойчивости бюджета) и экономической (появление эффективного собственника).

Революции могут задействовать обе возможные формы перераспределения собственности — и национализацию, и приватизацию.

- 7) Политическая неопределенность обуславливает рост трансакционных издержек в период революции.

10. *Постреволюционная стабилизация*

- 1) Термидор, названный так по месяцу революционного календаря, в который было свергнуто якобинское правительство во Франции, а его лидеры казнены (27 июля 1794 года или 9 термидора II года по республиканскому календарю), стал специальным термином для обозначения фазы начала спада революционной активности. Это момент поражения радикалов, хотя многие из них продолжают оставаться у власти.

- 2) Преодоление бюджетного кризиса — еще одна важная характеристика завершающей фазы революции. Разумеется, бюджетные кризисы могут повторяться и в будущем, но тогда они уже не будут связаны с логикой революционной трансформации.
- 3) Полномасштабная революция оказывает долгосрочное воздействие на политические процессы. Как правило, в странах, прошедших через полномасштабные революции, на протяжении примерно столетия с интервалом 15–20 лет происходили серьезные политические конфликты, существенно менявшие характер власти. Наиболее ярко это проявилось во Франции, которая прошла через реставрацию 1814 года, июльскую революцию 1830 года, революцию 1848 года с последующим установлением Второй империи, Парижскую коммуну и установление Третьей республики в 1871 году. В более мягкой форме подобные процессы происходили в Англии XVII–XVIII веков.

В истории такие процессы иногда тоже назывались революциями, хотя и не являлись полномасштабными трансформациями. Скорее, речь должна идти о политических революциях, в результате которых происходит модернизация социально-политической модели. Такие модернизации характерны для обществ в условиях современного экономического роста, однако уязвимость политических режимов постреволюционных стран делает более вероятной адаптацию к новым вызовам не через мирное развитие законодательства, а путем государственного переворота.

11. *Революция не является непременным средством разрешения противоречий, накопившихся в данном обществе*

Соответственно революция — это не способ достижения какой-то цели («цели революции»), а механизм разрешения противоречий. Механизм радикальный, но не необходимый и отнюдь не самый эффективный. Можно сказать, что революция не телеологична, хотя и казуальна, то есть является результатом определенной логики событий.

12. *Опыт революций в ходе революций*

Компромиссы в революциях практически исключены. Однако революции и революционеры учатся на опыте прошлых революций и революционеров. Более того, учет опыта предшественников позволяет существенным образом корректировать ход революции.

Участники Российской революции 1917 года с самого начала в своем анализе хода событий и в дискуссиях активно опирались на опыт Французской революции. Это касается и перспектив радикальной фазы («якобинства»), и перспектив отката революции («термидора»). Причем и та и другая фаза рассматривались одновременно и как угроза, и как надежда — в зависимости от политической позиции участников событий.

Уже в июне-июле 1917 года развернулась дискуссия о перспективах возникновения якобинской диктатуры в России. Правые, естественно, стремились не допустить реализации подобного сценария. О возможности развития событий по пути «якобинского эксперимента» писал в газете «Речь» лидер кадетов П. Н. Милюков, который, отождествляя якобинство с террором, видел в этом деградацию революции. Эта тема была немедленно

подхвачена на крайнем левом фланге В. И. Лениным, который, естественно, дал якобинству прямо противоположную оценку, охарактеризовав его как «один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение»³. Иными словами, большевики изначально считали себя современными якобинцами — и готовы были сыграть эту роль.

Из такого понимания своей роли вытекает и то, что термидор всегда был для большевиков кошмаром — и одновременно надеждой умеренных политических деятелей и исследователей.

Термидор стал важным уроком для революционеров будущего, которые, естественно, стремились не допустить повторения трагедии радикалов. Большевики всегда были озабочены тем, чтобы избежать судьбы якобинцев.

Отсюда их готовность к «самотермидоризации» в виде новой экономической политики (нэпа).

3. «Взяв „всю власть“, Советы скоро убедятся, что у них очень немного власти. И они должны будут восполнить недостаток власти испытанными в истории младотурецкими или якобинскими приемами... Захотят ли они... скатиться вниз до якобинства и террора...?», — писал П. Н. Милюков. Отвечая ему, В. И. Ленин писал: «Историк прав... *Либо* наступление, поворот к контрреволюции... *Либо* — „якобинство“. Историки буржуазии видят в якобинстве падение („скатиться вниз“). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами и что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог» (*Ленин В. И. Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1969. Т. 32. С. 374. Далее — ПСС*).

Объявленный весной 1921 года нэп отменил радикальные экономические и политические институты периода «военного коммунизма», что рассматривалось тогда как уступка мелкобуржуазному крестьянству. Характерно, что В. И. Ленин прямо назвал эти решения «самотермидоризацией» большевиков⁴. Впрочем, это не спасло жизнь многих лидеров радикальной фазы революции, которые позднее стали жертвами сталинского режима.

Отсюда же очень болезненная реакция сталинского руководства компартии на предсказания термидорианского перерождения режима (об этом писал Н. В. Устрялов «справа» и Л. Д. Троцкий «слева»⁵).

13. Отказ от этических оценок революции

Революцию не следует ни возводить на пьедестал, ни проклинать. Это определенный механизм снятия накопившихся в обществе противоречий. Нужен объективный анализ революционных трансформаций, а не эмоциональные оценки прошлого и настоящего.

14.

Опыт революций прошлого выступает важным фактором понимания посткоммунистической трансформации России, которое, в свою очередь, становится источником развития общих представлений о революциях.

4. Ленин В. И. Материалы к X Всероссийской конференции. Планы доклада о продовольственном налоге // Ленин В. И. ПСС. Т. 43. 1970. С. 403.

5. См.: Устрялов Н. В. Под знаком революции. Харбин, 1925; Троцкий Л. О термидорианстве и бонапартизме // Бюллетень оппозиции. 1930. № 17–18; Троцкий Л. Рабочее государство, термидор и бонапартизм // Бюллетень оппозиции. 1935. № 43.

Раздел I
*Экономика и революция:
уроки истории*

Понятие революции

ОПРЕДЕЛЕНИЕ революции не может быть абсолютным. Существует множество различных вариантов трансформации общества из одного состояния в качественно иное. Смена качественных характеристик нередко обуславливает использование термина «революционный». Однако все эти революции являются таковыми лишь по своему результату — они предполагают смену качественного состояния системы (в данном случае общества). Такое широкое понимание мало чем поможет осмыслить те или иные события, претендующие на звание «революционных». Очевидно, что, помимо глубины преобразований, важен еще и механизм их осуществления.

Здесь мы подходим к очень важному моменту. Традиционно революции трактовались как насильственные смены режимов, связанные с возникновением новой элиты и наличием новой идеологии. Опыт посткоммунистической трансформации требует пересмотра этой дефиниции. Да, революция представляет собой радикальную, системную трансформацию данного общества. Однако роль насилия, изменения элиты и идеологии не должны абсолютизироваться. Гораздо более важной характеристикой полномасштабной революционной трансформации является то, что она осуществляется в условиях резкого ослабления государственной власти. Политическое проявление этого кри-

зиса — острый конфликт элит (и вообще основных групп интересов), отсутствие между ними консенсуса по базовым ценностям, по ключевым вопросам направления дальнейшего развития страны. Для экономистов же слабость власти проявляется прежде всего в финансовом кризисе государства, в его неспособности собирать налоги и балансировать свои расходы со своими доходами.

Слабость государственной власти обуславливает стихийный характер протекания экономических и социальных процессов, что в свою очередь делает великие революции удивительно похожими друг на друга как по фазам развертывания экономического и политического кризиса, так и по базовым характеристикам. Общественное развитие вдруг оказывается результатом не чьих-то целенаправленных воздействий (иногда более, а иногда менее эффективных, но все же осмысленных), а результатом равнодействующей многих групп интересов, «тянущих» страну в разных направлениях. Отсюда возникает стихийность. Но отсюда появляются и закономерности, делающие великие (полномасштабные) революции столь похожими друг на друга.

Именно стихийность, а не насилие является конституирующим признаком революции. Насилие, несомненно, также имеет место. Острый конфликт основных групп интересов, невозможность найти общий язык по фундаментальным вопросам жизни страны делают практически неизбежным использование силы для навязывания определенной системы ценностей, относительно которой оказывается невозможно договориться при помощи обычных (легитимных на данном уровне развития страны) процедур. Однако уровень насилия не поддается внятной оценке, тем более количе-

ственной. Сколько нужно насилия, чтобы данная трансформация была признана революционной? Кто это способен оценить? Вряд ли можно согласиться с тем, что более великими считаются более кровавые революции. Эти основания становятся еще более зыбкими, когда мы переходим от аграрных стран к анализу революционных событий в урбанистических обществах. По мере роста общего уровня социально-экономического развития (а вместе с ним образования, культуры, материального благосостояния) роль насилия в принципе снижается, потому что населению теперь уже «есть что терять».

Смена элиты в ходе революции, несомненно, происходит. Однако ее не следует смешивать с немедленным физическим (на эшафот, в эмиграцию или в отставку) устранением представителей элиты старого режима. Здесь надо учитывать два обстоятельства. Прежде всего, радикальность обновления элиты, как правило, сильно преувеличивается историками революций¹. При обращении же к высказываниям современников этих событий почти всегда сталкиваешься с жалобами на сохранение у власти многих представителей старой элиты. Причем подобные жалобы характерны даже для таких, казалось бы, радикальных потрясений, как Великая французская революция. Лишь по прошествии времени ситуация меняется, появляется действительно новая элита, не связанная со старым режимом.

Более важен другой аспект данной проблемы. Смена элиты не должна в принципе отождеств-

1. На это обращал внимание и Дж. Голдстоун. См.: *Goldstone J. A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkley, CA: University of California Press, 1991. P. 296.*

ляться с представляющими ее физическими лицами. Новая элита — это готовность людей действовать в новых обстоятельствах, играть по новым правилам, в новой логике. К этому могут приспособиться как выходцы из старой элиты, так и новые лица. Вряд ли оттого, что епископ Оттенский был представителем старой элиты, Талейран не является ярчайшим представителем именно нового режима. Равно и присутствие В. Черномырдина в высших слоях советской номенклатуры (министр и член ЦК КПСС) не может приуменьшить его роль в становлении новейшего российского капитализма. Роль, которую он сыграл и как создатель и вдохновитель Газпрома, и как премьер-министр. Словом, роли важнее происхождения.

Аналогичные рассуждения применимы и к вопросам трансформации собственности. Аргументы смены собственника, несомненно, важны, но их не следует абсолютизировать. Гораздо важнее не физическая смена собственника, а смена формы собственности. Важный пример дает в этом отношении Английская революция середины XVII столетия. Большинство исследователей считают ее непоследовательной, половинчатой, поскольку в ее ходе не происходило радикальных перемен собственности, а аристократия в значительной массе была сохранена. Особое удивление вызывает готовность лидеров революции конфисковать у роялистов земельные владения и далее перепродать их старым же владельцам. Однако здесь важно другое: после перепродажи это была уже другая собственность, частная, освобожденная от старинных феодальных обязательств, составляющая основу для будущего капиталистического общества и обеспечивающая необходимую социальную базу для будущего экономического роста. Аналогично разви-

валась ситуация и в посткоммунистической России, где после начального этапа приватизации значительная часть собственности оказалась под контролем директоров этих же предприятий, а затем постепенно переходила в другие руки.

Не следует преувеличивать и роль возникновения новой идеологии. Революция, несомненно, связана с идеологией, однако связь эта более сложная, чем обычно принято думать. Революция не навязывает обществу новую идеологию. Напротив, революция происходит тогда, когда общество (и прежде всего его элита) оказывается захвачено новой идеологией, новыми представлениями о «правильном» общественном устройстве.

Просвещение, идеология «естественного порядка» и «духа законов» сформировали основу французской революции и общую базу деятельности практически всех революционных и постреволюционных правительств. Для рубежа XIX–XX веков были характерны кризис системы рыночной демократии и утверждение в мире идеологии индустриализма, монополизма и этатизма, и большевики не могут обладать монопольными правами на построенную в СССР экономико-политическую модель (другое дело — количество жертв, которые они заставили принести страну для воплощения этой модели). Посткоммунистические преобразования в полной мере вписываются в победившую в цивилизованном мире к началу 1980-х годов систему экономико-политических воззрений и ценностей, основанную на либерализме и индивидуализме, символом которой стал знаменитый тезис Ф. Фукуямы о «конце истории»². Словом, домини-

2. См.: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man*. L.: Penguin Books, 1992.

рующая идеология эпохи задает общие рамки революции вообще и ее экономической политики в частности.

Таким образом, революцию можно определить как системную трансформацию общества в условиях слабого государства. Точнее, это определенный механизм социальной трансформации, механизм прохождения через системный общественный кризис и адаптации к новым вызовам своей эпохи.

Возможны и другие механизмы адаптации страны к новым вызовам, среди которых постепенные реформы, осуществляемые старым режимом, завоевание иностранным государством и, наконец, «революции сверху». Однако общей чертой всех этих механизмов трансформации, отличающей их от революции, является наличие сильной власти (национальной или оккупационной), обеспечивающей контроль за характером и ходом реформ. Здесь нет места хаотической борьбе примерно равных сил с неясным политическим исходом. Борьбе, делающей всю общественную жизнь в высшей степени неопределенной — как в краткосрочной перспективе, так и в плане стратегическом.

Эта неопределенность, обусловленная политической борьбой, в значительной мере предопределяет облик революционного общества, включая экономические механизмы революционной трансформации.

Революция и государственная власть

РЕВОЛЮЦИЯ как определенный способ трансформации общественно-экономической системы характеризуется набором признаков, среди которых главными являются следующие.

Во-первых, системный характер преобразований, их глубина и радикальность. Революционная трансформация всегда предполагает глубокие изменения в отношениях собственности, не говоря уже о серьезном обновлении социально-политической структуры общества. Однако не всякие системные изменения, имевшие место в истории отдельных стран, могут рассматриваться как революции. Сильное правительство может осуществлять глубокие, радикальные преобразования, имеющие в перспективе несомненно революционные последствия, но остающиеся по сути своей реформой (иногда их называют «революциями сверху»). Примерами здесь могут служить революция Мэйдзи в Японии, реформы Бисмарка в Германии, а из более приближенных к нашему времени — посткоммунистические трансформации в странах Центральной и Восточной Европы. Радикальные, системные изменения могут происходить и в результате поражений в войнах и иностранной оккупации (как это было, скажем, в Пруссии после Наполеоновских войн или в Японии и Германии после Второй мировой войны).

Впрочем, глубину преобразований, происходящих в ходе революции, не следует и переоценивать. Приносимые революцией изменения представляются радикальными обычно лишь потомкам. Тогда как общество, выходящее из революционных катаклизмов, воспринимается большинством современников скорее как пародия на старый режим, нежели как принципиально новое слово в развитии данной страны. Некоторые исследователи подчеркивают, что революция решает задачи, которые были бы решены и без нее, но делает это с гораздо большими издержками³. Иногда в качестве критерия революционности рассматривается радикальность смены элит. Но при детальном рассмотрении революций прошлого выясняется, что представления о радикальности этого процесса были сильно преувеличены в общественном сознании потомков.

Во-вторых, революционная трансформация обусловлена внутренними кризисными процессами в той или иной стране. Она не может быть навязана извне. Это предопределяет политическую и идеологическую среду революции, когда вместе с разрушением государства рушатся и казавшиеся незыблемыми ценности (будь то святость монархии, единство нации или мессианская роль мирового коммунизма). Именно поэтому национально-освободительные движения, как правило, не являются революциями, в них всегда имеется идейно-политический стержень, служащий важнейшим фактором объединения разрозненных сил

3. Одним из первых это проанализировал Алексис де Токвиль. (См.: *Токвиль де А.* Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.) Более подробно эти вопросы рассмотрены в: *Хиршман А.* Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.

нации. Хотя сказанное не отменяет того факта, что задачи национального освобождения могут также решаться в рамках революций.

В-третьих, слабое государство. Революция характеризуется отсутствием сильной политической власти, способной консолидировать осуществление системных преобразований. Именно слабость власти предопределяет резкое усиление в революционном обществе стихийности осуществления социально-экономических процессов, с одной стороны, и появление по этой причине некоторых закономерностей революционной трансформации — с другой.

Последний фактор критически важен. На самом деле именно кризис и следующий за ним распад государственной власти делают практически неизбежной трансформацию общества по революционному (а не реформаторскому) типу. Радикализм революционной трансформации набирает силу и приобретает стихийный характер тогда, когда власть оказывается не способна контролировать и направлять развитие событий⁴. Можно выделить две основные причины резкого ослабления государства накануне и в ходе революции.

Одна из них — глубокий финансовый кризис. Он возникает, когда власть по тем или иным причинам лишается традиционных источников поступлений в бюджет и (или) происходит резкое уве-

4. К любой великой революции применима данная Франсуа Фюре характеристика Франции конца XVIII столетия: «В действительности революционный поток 1789–1794 гг. хотя и регулировался сменявшими друг друга у власти группами, на самом деле никогда не находился под контролем, поскольку состоял из противоположных интересов и представлений» (Фюре Ф. Постигание Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 132).

личение расходов бюджета. Первое может быть связано с изменениями социального характера, доходы начинают концентрироваться в новых секторах экономики, и налоговая система оказывается не способна адаптироваться к меняющимся условиям. Второе происходит при усилении внешних и внутренних факторов давления на существующий режим, при значительном увеличении расходов, являющихся в данную эпоху необходимыми атрибутами сильного государства. (Скажем, таким фактором выступает резкое возрастание военных расходов в форме или «удорожания войны», характерного для Европы XVII столетия, или качественно нового витка гонки вооружений в 1970–1980-х годах.)

Однако ослабляющий государство финансовый кризис еще не делает революцию неизбежной. Если власть оказывается способной с ним справиться, то дело, как правило, ограничивается реформами той или иной масштабности и глубины.

Другой причиной ослабления государства является фрагментация социальной структуры предреволюционного общества, в результате чего власть оказывается неспособной формировать и поддерживать устойчивые коалиции социальных сил в поддержку своего курса, и прежде всего курса, нацеленного на преодоление финансового кризиса (причем в данном случае неважно, курса реформистского или реакционного). Под воздействием новых экономических процессов (будь то начало экономического роста и первые шаги индустриализации либо резкое увеличение доступных финансовых ресурсов в силу внешнеэкономических факторов) в предреволюционных обществах происходит заметное усложнение социальной структуры, когда возникает размежевание внутри традици-

онных классов и групп интересов, и на традиционную структуру общества накладываются новые социальные явления и процессы.

Исторический анализ показывает, что превращение общества в «лоскутное одеяло» характерно для предреволюционной ситуации в любой стране. Государственная власть теряет ориентиры и опорные точки своей политики. То, что еще недавно приводило к укреплению режима, теперь ослабляет его. Любая попытка реформ и преобразований еще более усиливает недовольство большей части общества существующим режимом, поскольку в условиях фрагментации коалиция «против» обычно оказывается сильнее коалиции «за». Постепенно, но неуклонно разрушается консенсус относительно базовых ценностей и принципов развития данной страны. Теряя социальную опору, власть начинает метаться, еще более подрывая свой авторитет.

Словом, ослабление власти связано с отсутствием консенсуса по базовым ценностям, целям функционирования данного общества. Отсутствие консенсуса как раз и означает, что общество распадается на множество противоборствующих и одновременно пересекающихся группировок (социальных, территориальных, этнических), каждая со своими политическими и экономическими интересами, причем никакое правительство не способно предложить политический курс, который обеспечивал бы консолидацию и, соответственно, поддержку сколько-нибудь значимого большинства.

Слабость государства проявляется в ряде характеристик, типичных для любых революций, в какую бы эпоху они не совершались. Среди наиболее универсальных проявлений слабости государственной власти можно выделить следующие:

- постоянные колебания экономического курса. Революционная власть находится под давлением с различных сторон, и, чтобы выжить, ей нужно беспрестанно маневрировать между разными силами и группами интересов;
- возникновение множественности центров власти, конкурирующих между собой за доминирование в обществе. «Двоевластие» — термин, вошедший в отечественную политическую лексику на фоне опыта Февральской революции 1917 года, на самом деле является характерной чертой любой великой революции. Центров власти может быть и несколько. Предельным, хотя и не единственным, типом конкуренции центров власти считается гражданская война;
- отсутствие сложившихся политических институтов, поскольку старые вскоре после начала революции оказываются разрушенными, а новые еще только предстоит создать. В результате функции политических посредников могут выполнять разнообразные стихийно возникающие организации и институты;
- соответственно, отсутствие сколько-нибудь понятных и устоявшихся правил игры. Процедуры принятия решений властью не являются жестко установленными. Принятые решения далеко не всегда исполняются, а даже когда исполняются, трактуются весьма субъективно. Высказывание Робеспьера о том, что конституцией революции является соотношение социальных сил, оказывается актуальным в любых революционных катаклизмах.

Как показал еще в 1930-х годах Крейн Бринтон, основываясь на опыте Великой французской революции и российской революции 1917 года, револю-

ционный процесс проходит через ряд фаз, общих для всех великих революций. С учетом накопленного к настоящему времени опыта можно говорить о наличии четырех фаз революции⁵.

Первая — это «розовый период», когда тотальное неприятие старого режима приводит к единству самых разнородных сил, свергающих старый режим. Это период великих иллюзий и ожидания близкого всеобщего счастья. Первое революционное правительство видит всеобщую поддержку и потому верит в свои исключительные возможности, в наличие у него потенциала решить многовековые проблемы, неподвластные антинародному режиму прошлого. Это приводит к ряду политических недоразумений и тяжелых экономических ошибок.

Вскоре выясняется, что единство заключалось только в отрицании старого, тогда как новая повестка видится разным социальным силам по-разному. Начинается вторая фаза — поляризация и нарастание системного кризиса, прежде всего политического и экономического. Социальная база режима быстро размывается, правительство пытается удержаться посередине и от этого все быстрее теряет поддержку.

На третьей фазе коллапс ранней революционной власти приводит к власти радикальную партию, которая уничтожает остатки старых политических и хозяйственных институтов. Революция проходит «точку невозврата».

Однако власть радикалов не может держаться долго. По мере укрепления завоеваний революции ослабевают и основы радикальной власти. Она вы-

5. *Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N.Y.: Vintage Books, 1965.*

полнила свою работу и постепенно теряет социальную поддержку. Приходит время четвертой фазы, которую на основе французского опыта принято называть термидорианской. К власти приходит странная коалиция умеренных от старого режима и умеренных из радикалов, при которых происходит постепенная консолидация власти и постреволюционный режим обретает устойчивые черты.

Наличие общих черт революции в значительной мере объясняется стихийным, никем не контролируемым характером ее развертывания. Это же становится причиной и общих экономических черт, присущих великим революциям.

Революционный экономический кризис: общая формула и национальная специфика

СЛАБОСТЬ государственной власти оказывает непосредственное и разнообразное влияние на состояние экономики революционной страны. В общем виде это становится причиной возникновения и развития «революционного экономического кризиса» — устойчивого кризисного состояния экономики, сохраняющегося на протяжении примерно пятнадцати лет и являющегося естественным следствием продолжительного политического кризиса (кризиса власти). Это кризис, сопровождающий глубокую трансформацию общественной системы и находящийся с этой трансформацией в органической двусторонней взаимосвязи.

С одной стороны, логика развития революции, как правило, подталкивает к принятию неэффективных экономических решений, обусловленных в конечном счете самим фактом слабости государственной власти. Множественность социальных группировок, противоположность их политических и экономических интересов, их возможность непосредственно влиять на власть лишь усиливают неустойчивость проводимого курса, становящуюся самостоятельным фактором экономического кризиса.

С другой стороны, сам экономический кризис выступает естественным механизмом постоянного

воспроизводства кризиса политического. Ни одно правительство не оказывается способным сформировать опирающийся на консенсус экономико-политический курс и соответственно обеспечить консолидацию большинства общественных сил страны. Это не может не дискредитировать власть в глазах общественного мнения и быстро приводит к тому, что она лишается поддержки (моральной и политической). Выход из революционного экономического кризиса оказывается особой и весьма сложной политической проблемой.

Наконец, существует еще одна особенность, способствующая ослаблению власти и усилению экономического кризиса, сопровождающего революции. Это ошибки раннего революционного правительства — того самого, которое приходит к власти на волне всеобщего единства и энтузиазма. Новая власть видит широчайшую народную поддержку и поэтому искренне верит в наличие у нее огромных возможностей, недоступных «старому режиму». Питаясь этими иллюзиями, раннее революционное правительство, как правило, совершает крупные экономические ошибки — принимает меры, мало сообразующиеся с человеческой природой, экономической логикой и здравым смыслом. Ошибки, которые имеют фатальный характер для судьбы этого правительства и во многом определяют дальнейший ход революции.

3.1. Фазы экономического кризиса революции

Анализ экономической практики великих революций прошлого позволяет сформулировать своего рода общую модель революционного экономи-

ческого цикла. Как всякое обобщение, эта модель несет в себе, несомненно, некоторое упрощение реального развития событий, оказывается беднее реальной жизни. Однако при всей условности, она позволяет более четко сформулировать наиболее важные характеристики и закономерности экономических процессов революции, которые при ином подходе будут скрыты за множеством частностей, специфических черт и деталей.

В экономическом цикле революций можно выделить следующие фазы.

Предварительная фаза — движение к революции. Для нее характерен достаточно быстрый экономический рост (на протяжении 30–50 лет), отличительной чертой которого является существенная неравномерность изменения экономического положения сложившихся социально-политических классов и групп. Этот рост дестабилизирует баланс социально-политических сил и делает ситуацию исключительно уязвимой к разного рода негативным внешним воздействиям — экономическим и политическим кризисам, реформам, войнам.

Первая фаза — резкое ухудшение ситуации и начало революции. Приход к власти правительства умеренных. Наиболее яркими характеристиками этой фазы являются финансовый кризис той или иной степени остроты, а также ухудшение материального положения значительных слоев населения. Последнее возможно по разным причинам — из-за плохих урожаев и угрозы голода, дезорганизации хозяйственной жизни в условиях военного времени и т. п. В ряде случаев может идти речь и о начале спада производства в отдельных отраслях национальной экономики (аграрных применительно

к ранним революциям и промышленным для революций XX века).

Вторая фаза — некоторое улучшение экономической ситуации. Социальная стабилизация, связанная с политическим (надежды на популярное правительство) и экономическим факторами. Улучшается как финансовая ситуация, так и производственная динамика. Временные позитивные хозяйственные сдвиги на ранней стадии функционирования правительства умеренных характерны практически для всех революций. Исключение составляет только Россия 1917 года, уже третий год участвовавшая в мировой войне.

Третья фаза — резкое усиление кризиса и связанное с этим обострение социально-политической борьбы. Почти полная потеря контроля за экономическими и финансовыми процессами. Сжимается производство, продолжается падение уровня жизни, угроза голода и холода (применительно к северным странам и регионам) становится как никогда реальной. Практически всегда это связано с радикализацией политического режима.

Четвертая фаза — продолжающееся ухудшение экономической ситуации в условиях радикального политического режима. Спад производства достигает своей нижней точки, инфляция сохраняется на высоком уровне. Однако эта стадия имеет ряд важных особенностей.

Во-первых, в ряде случаев приход радикалов к власти может вызвать улучшение ситуации в отдельных сферах хозяйственной жизни. Жесткий мобилизационный режим способен на непродолжительное время обеспечить стабилизацию, ска-

жем, в финансовой области или в некоторых секторах производства, организовать и поддерживать чрезвычайный режим снабжения населения базовыми продуктами питания. Словом, решать отдельные экономические проблемы, что позволяет говорить о кратковременном повышательном тренде, за которым следует возобновление полномасштабного кризиса.

Во-вторых, ухудшение экономической ситуации в условиях радикального режима не носит обвального характера. Глубина хозяйственного спада уже приближается к своему максимуму, а решительность и активность правительства позволяет если не смягчать, то по крайней мере тормозить усиление негативных трендов. Однако кризис развивается, и именно на его фоне происходит падение радикального режима.

Пятая фаза — новый виток экономического кризиса после падения радикального режима. Чаще всего на этой стадии происходит резкое ухудшение условий жизни значительной части населения (вплоть до массового голода), а также обострение кризиса государственных доходов, переходящее в затяжной бюджетный кризис.

Шестая фаза — постепенная стабилизация и выход на плавную, эволюционную траекторию экономического развития. Разумеется, здесь далеко не все происходит гладко. Благосостояние значительных слоев населения еще долго остается на весьма низком уровне, бюджетный кризис становится долгосрочным фактором функционирования хозяйственной системы. Однако стабилизируется денежная ситуация, происходит постепенное оздоровление финансов, начинает расти производ-

ство. Хотя выход на дореволюционный уровень хозяйственного развития происходит по прошествии длительного времени и не по всем параметрам одновременно.

Анализ будет неполным и неточным, если оставить без внимания существующие в мировой экономической истории (и особенно в истории XX века) примеры длительного функционирования экономики в условиях кризиса, во многом аналогичного революционному, но разворачивающемуся в других экономико-политических обстоятельствах. Развитие кризиса аналогичного типа происходит в условиях слабого государства, в котором отсутствует устраивающий ключевые социально-экономические группы (прежде всего элиту) механизм выработки взаимоприемлемых решений, а политическая власть оказывается неспособной добиваться последовательной реализации своих целей. Здесь возможны по крайней мере два варианта развития событий, которые кратко будут охарактеризованы ниже.

Один — попадание страны в состояние перманентного экономического кризиса (то есть валютно-финансовой нестабильности, бюджетного кризиса, стагнации или спада производства) в результате предпринимаемых усилий проведения масштабных социально-экономических преобразований. По опыту последних ста лет нетрудно заметить, что подобное развитие событий, если исключить случаи войн и длительных вооруженных противостояний (например, ближневосточного), как правило, связано с глубокими политическими изменениями, сопровождаемыми попытками решительного и быстрого преодоления стоящих перед страной социально-экономических про-

блем. То есть в ситуациях, близких к революционным или на самом деле являющихся «революциями сверху». Именно таков характер наиболее значительных политических преобразований в Латинской Америке — например, в Бразилии (революция 1930 года и правление Жетулио Варгаса), в Аргентине (в результате переворота-революции 1930 года и позднее при правлении Хуана Перона, 1946–1955), в Чили (победа Народного фронта в 1971 году). Во всех этих случаях новые правительства, приходя к власти на волне глубокого экономического и политического кризиса, оказывались перед необходимостью не просто проведения реформ, но быстрой демонстрации их положительных результатов⁶.

Начинающиеся здесь преобразования являются достаточно глубокими, чтобы претендовать на эпитет «революционные», причем их популистский характер и логика их реализации также оказываются весьма близкими к деятельности «раннего революционного правительства». Схожи и последствия — на первом этапе преобразования дают позитивные социально-экономические эффекты (растут зарплата и занятость, хотя и исчерпываются золотовалютные ресурсы), однако через непродолжительный период позитивные тренды сменяются острым экономическим кризисом⁷. В дальнейшем события развиваются по двум возможным сценариям.

6. Последнее происходит вследствие или недостаточной легитимности режима, или его недостаточной политической устойчивости. Примером первого может служить Бразилия, второго — Чили.

7. См.: *The Macroeconomics of Populism in Latin America* / R. Dornbusch, S. Edwards (eds.). Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1991. P. 11–12.

Или побеждает контрреволюция (во всяком случае, режим, являющийся «контрреволюционным» по отношению к революционерам предыдущего, популистского правительства), которая восстанавливает политический порядок, ужесточает механизм осуществления политической власти и на этой основе проводит более осторожные реформы, которые действительно назрели и которые по-своему, в другой политической и идеологической системе координат, пыталось решить свергнутое правительство. Таков сценарий событий в Чили. И, собственно говоря, в своих существенных моментах он мало чем отличается от оборванных революций типа германской 1848 года или российской 1905 года.

Или первоначально возникший режим вырождается в военную диктатуру, отбрасывает задачи реформирования системы, сам останавливает или сворачивает реформы и в дальнейшем функционировании ориентируется лишь на свое политическое (и физическое) выживание. Нерешенность задач, вызвавших первоначальный переворот, неготовность властей решать эти задачи делают состояния кризиса перманентным, а жесткость политического режима или (и) поддержка его извне (например, по геополитическим соображениям) обуславливают длительное его существование, несмотря на остроту возникающих проблем. Последний вариант мало чем отличается и от предельного случая длительного сохранения в стране неэффективного диктаторского режима, достаточно сильного для того, чтобы не допускать серьезных экономико-политических изменений, но достаточно слабого для осуществления более или менее последовательных шагов по выходу экономики из кризиса⁸. Понятно, что

8. Развитие событий в таких случаях детерминируется соот-

все это уже не имеет никакого отношения к экономическому кризису (и циклу) революций.

Последние соображения побуждают нас сделать еще один вывод общего характера: рассмотренные характеристики и тенденции «революционного экономического цикла» не являются критериальными чертами революции. Существование подобных трендов в других обстоятельствах и исторических эпохах никак не может свидетельствовать в пользу вывода о наличии или вызревании революционных процессов. Справедливо обратное — глубокие, революционные изменения, если они происходят в данной стране, сопровождаются в общем схожими экономическими трендами.

3.2. Основные элементы экономического кризиса революции: общее и особенное

Исторический опыт позволяет выделить ряд общих черт, характерных для революционного экономического кризиса. Практически все возникающие здесь проблемы в полной мере проявились уже в периоды английской революции середины

ношением сил групп интересов и их возможностью влиять на правительство. В современной литературе по политической экономии эта ситуация характеризуется как проблема „слабого диктатора“. В соответствующих работах подробно анализируются механизмы, на протяжении длительного времени препятствующие решению задач макроэкономической стабилизации и достижения социально-экономической устойчивости в той или иной стране (см. подробнее: *Alesina A. Political Models of Macroeconomic Policy and Fiscal Reform. Washington D. C.: The World Bank, 1992*).

XVII века и французской конца XVIII века. В последующем в разных странах и при разных обстоятельствах (в России, Мексике, Китае, Иране и т. п.) закономерности революционных экономик продемонстрировали устойчивость принципиальных черт.

Рост транзакционных издержек. В основе экономических проблем, характерных для революции, находится политический кризис и вызываемый им рост транзакционных издержек. Можно выделить ряд факторов, снижающих стимулы предпринимательской деятельности и ограничивающих возможности экономических агентов оценивать перспективы принимаемых ими решений. Во-первых, это связано с неясностью перспектив нового экономического и политического порядка, что становится особенно заметным при перераспределении собственности, когда новые собственники не могут оценить надежность сделанных ими приобретений. Во-вторых, уже в начале революции происходит слом институциональной структуры общества, то есть правил игры, по которым привыкли действовать экономические агенты (особенно это касается коренной трансформации отношений собственности). Наконец, в-третьих, неспособность слабого государства обеспечить исполнение законов и контрактов приводит к тому, что предприниматели должны идти на дополнительные затраты для подтверждения надежности сделок. Все эти проблемы обостряются во время гражданских войн, сопровождавших все великие революции прошлого. В результате предприятия «склонны избирать краткосрочную стратегию», а «самыми выгодными занятиями становятся торговля, перераспределение или операции на черном рын-

ке»⁹. Причем торгово-посредническая деятельность хотя и оказывается несравненно эффективнее производственной, все равно несет значительный ущерб от нестабильности правил игры.

Рост транзакционных издержек стал важнейшим фактором ухудшения экономической ситуации уже в годы английской революции, когда революционные процессы протекали относительно сглаженно, а надежность прав собственности обеспечивалась в большей мере, чем в последующих революциях. Еще сильнее проблема транзакционных издержек влияла на развитие событий во всех последующих революциях.

Бюджетный кризис революции. Центральным пунктом революционного экономического кризиса является бюджетный кризис, который остается актуальным на протяжении всего периода революции. В условиях революции финансовый кризис выступает прежде всего как кризис государственного бюджета, то есть как неспособность государства финансировать свои расходы традиционными и легитимными способами. Практически все революции начинались с кризиса государственных финансов, который в дальнейшем практически неизбежно приводил к разрушению финансовой системы страны. Финансовый кризис выступал важнейшим фактором падения «старого режима», а также в значительной мере предопределял политические конфликты и последовательное падение правительств по ходу развития революции.

Исторический опыт свидетельствует о существовании двух возможных вариантов возник-

9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 92.

новения и развития финансового кризиса революции.

Один связан с резким возрастанием финансовых потребностей существующей власти и ограничением источников финансирования госрасходов. Типичный пример такого рода развития событий дает Англия начала 1640-х годов, когда обострение внутренних конфликтов потребовало существенного возрастания государственных доходов, что оказалось невозможным в сложившихся политических обстоятельствах (имеется в виду претензия короны на беспарламентное правление и особенно произвольное введение налогов). Финансовый кризис, как поначалу представляется, имеет краткосрочный характер, однако возможности решения его оказываются ограниченными из-за ограниченности авторитета (легитимности) политического режима. Для решения финансовых проблем правительство ищет новые формы легитимации, пытается опереться на дополнительные источники властного авторитета, что только приводит к размыванию власти, возникновению и упрочению конкурирующих друг с другом центров власти. Полицентризм власти способствует усугублению экономических проблем и началу длительного финансового и экономического кризиса.

Другой вариант связан с постепенным вращением «старого режима» в финансовый кризис, который уже до начала революции приобретает устойчивый, затяжной характер. Кризис, связанный с неэффективностью существующей политической и хозяйственной системы, приводит к кризису власти, которая, как и в первом случае, пытается найти и задействовать новые источники легитимности, но они оказываются самостоятельными и конкурирующими центрами власти. Далее события разви-

ваются по первому сценарию. Типичным примером подобной динамики является революционная Франция конца XVIII столетия.

Финансовый кризис как кризис государственных доходов приводит к резкому и еще большему ослаблению политической власти. Причем не только «старого режима», но и возникающих новых революционных правительств — от умеренных до радикальных (последовательно сменяющих друг друга на протяжении революции). Революционное правительство — это всегда правительство бедное, для которого поиск денег для своего существования играет первостепенную роль.

Потеря финансовой базы связана, как правило, с двумя факторами. С одной стороны, с резким сужением возможностей государства собирать налоги. Кризис власти, ее делегитимизация рано или поздно (обычно довольно быстро) подрывает способность правительства собирать налоги. «Отказ платить налоги является устойчивой характеристикой революционного периода»¹⁰. Такое развитие событий может получить идеологическое и даже «научное освящение» — например, декларация об отмене налогов в 1789 году во Франции опиралась на учение физиократов (земля как единственный источник богатства)¹¹, а разрушение го-

10. *Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation.* Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 51.

11. Широкое признание существовавшей предельно несправедливой налоговой системы обернулось уже в первые месяцы Великой французской революции потерей контроля со стороны центрального правительства за поступлением налогов в казну. В этой ситуации властям ничего не оставалось, как официально закрепить ликвидацию налогов в качестве инструмента «старого режима». Хотя такое решение соответствовало теоретическим взглядам воспитанных на идеях физиократов вождей Национального собрания,

сударственных финансов России 1918–1920 годов интерпретировалось как результат естественного процесса «отмирания денег». Однако какими бы ни были декларируемые мотивы, существо самого факта остается постоянным и сводится к принципиальной неспособности революционной власти получить от населения деньги¹². И тем более деньги в количестве, достаточном для ее (власти) укрепления.

С другой стороны, революционные потрясения неизбежно ведут к значительным структурным сдвигам в экономике. Происходят изменения в структуре спроса, за этим следуют изменения в занятости. Все это сказывается на общей экономической ситуации в стране, причем в краткосрочном плане влияние это является негативным, поскольку в этих условиях разрушаются традиционные источники доходов государства. Старых источников доходов уже нет, новые еще не возникли. Еще более ослабевает власть, еще более обостряется социально-политическая борьба.

Находясь в условиях жестокого кризиса, революционная власть в первую очередь озабочена проблемами своего выживания (а для многих деятелей революции речь идет о выживании в буквальном,

по существу шаг этот был вынужденным и в полной мере отражал слабость режима. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что власти среди прочих налогов были вынуждены отказаться от попыток собрать единственный признаваемый физиократами справедливым налог — земельный.

12. Известно, что в бюджетах революционных правительств упомянутых великих революций налоговые поступления составляли мизерную долю, колеблясь от 2 до 15% общей суммы доходов. (См.: *Далин С. А.* Инфляция в эпохи социальных революций. М.: Наука, 1983. С. 56; *Harris S. E.* The Assignats. Cambridge, Mass.: Harvard University press, 1930. P. 51.)

физическом смысле слова) и при благоприятном развитии событий упрочения. Отсутствие сложившихся механизмов и рычагов управления, сколько-нибудь устойчивой политической структуры и сложившейся системы органов власти по вертикали обуславливает необходимость постоянно изыскивать нетрадиционные способы упрочения своего положения, источники средств для победы над внутренними и внешними врагами.

При всем разнообразии проблем, встающих перед революционным правительством, две из них являются жизненными, ключевыми, по отношению к которым все остальные занимают явно подчиненное положение: где взять деньги и как обеспечить коалицию социально-экономических сил (групп интересов), минимально необходимую для удержания власти. Более того, две названные проблемы взаимодополняемы. Они очень близки, хотя и не тождественны. Действительно, при наличии денег можно сформировать и проправительственную коалицию. А наличие устойчивого блока социально-политических сил делает более реалистичной возможность решения финансовых проблем власти¹³.

Необходимость решения этих вопросов на практике предопределяет деятельность революционных правительств, принимаемые ими политические решения и предпринимаемые практические

13. На самом деле взаимосвязь финансовых и социальных проблем революции не столь проста. Поскольку социальная структура революционного общества является исключительно подвижной, неустойчивой, «социальное поле» революционного правительства также находится в состоянии постоянного изменения. Это означает, что ни финансовые, ни социальные проблемы не могут быть решены сколько-нибудь основательно, устойчиво.

шаги. Задача сохранения власти доминирует над идеологическими схемами и декларациями, какими бы на поверхности идеологизированными (или «теоретически обоснованными») ни выглядели построения и обещания приходящих к власти партий и группировок. Причем все сказанное в полной мере относится и к тем, кого принято считать радикалами.

Вопрос об источниках пополнения казны всегда был центральным и для последнего предреволюционного режима, и для всех сменяющих друг друга правительств революции, и для послереволюционной власти. С финансированием революции связаны самые острые коллизии внутренней и внешней политики. Не только контрибуции, реквизиции и новые налоги, но и меры по перераспределению собственности — национализация, приватизация, всевозможные конфискации — предопределялись в первую очередь поиском денег для революционной власти. Добавим к этому, что масштабная бумажно-денежная эмиссия как способ инфляционного финансирования государственного бюджета также стала открытием двух великих революций XVIII века — американской и французской.

Финансовый кризис революции проявляется в следующих основных формах.

Во-первых, падение сбора налогов и неспособность правительства применять силу государственного принуждения для получения законных налогов. В результате власти или закрывают глаза на эту проблему, прибегая к нетрадиционным способам пополнения казны (об этом ниже), или даже принимают официальные решения об отмене налогов, как это было во Франции в 1789–1791 годах.

Во-вторых, резко усиливается роль займов. Причем в большинстве случаев это не обычные

добровольные займы, а займы «добровольно-принудительные» или откровенно принудительные. Последние часто переходят в контрибуции, налагаемые на сторонников старого режима. Кроме того, власти склонны идти на индивидуальные соглашения с потенциальными налогоплательщиками или крупными финансистами, договариваясь об их вкладе в государственный бюджет. Разумеется, не всегда займы доступны революционному правительству (как это было в революционной Франции или большевистской России), однако в большинстве случаев революционеры (даже на радикальной фазе) способны проводить как внутренние, так и внешние заимствования, хотя и в уменьшающемся масштабе по мере продвижения революции вперед.

В-третьих, типичным для многих революций является дефолт по государственным обязательствам, становящийся важным шагом на пути преодоления тяжелого финансового наследия предреволюционного или радикального революционного режимов. Типичные примеры такого рода действий — отказ термидорианского правительства от уплаты $2/3$ своего долга (так называемое банкротство двух третей), а также отказ большевистского (то есть радикального) правительства платить по долгам прежних режимов.

В-четвертых, широкое распространение получают неплатежи государства получателям бюджетных средств. Это особенно характерно для завершающей фазы революций, когда правительство уже достаточно сильно, чтобы проводить ответственный финансовый курс, однако еще не имеет достаточного политического ресурса для формального балансирования бюджета (то есть для увеличения доходов до уровня бюджетных обяза-

тельств или официального снижения обязательств до уровня реальных доходов)¹⁴.

Впрочем, по мере завершения революции и консолидации политической системы меры финансово-экономической стабилизации начинают приносить плоды, воспользоваться которыми, правда, удастся не тем, кто эти мероприятия осуществлял, а следующим правительствам: в Англии налоговые новации Долгого парламента и Протектората были вполне восприняты правительством Реставрации, а результаты стабилизационных мероприятий французской Директории в полной мере проявились при Наполеоне Бонапарте¹⁵. Уже располагая достаточными силами для проведения ответственной финансовой политики, Бонапарт уделял повышенное внимание достижению финансовой стабильности, что отчасти способствовало росту его популярности.

Агрессивная внешняя политика также может

-
14. Для современного российского читателя небезынтересна следующая цитата, характеризующая ситуацию в постреволюционной (наполеоновской) Франции: «Если бы мы посетили любой крупный провинциальный город во Франции между 1808 и 1815 годами, то увидели бы голодающих учителей и священников, перебивающихся на скудном жалованье, пустые школы, больницы без медперсонала и без лекарств, городские власти, пребывающие в полной апатии и лишенные всякой инициативы» (Цит. по: *Henderson W. O. The Industrial Revolution on the Continent: Germany, France, Russia 1800–1914*. L.: Franc Cass, 1961. P. 81).
15. «Директория не смогла воспользоваться результатами тех важных финансовых реформ, которые она осуществила. Надо занести в ее актив решение такой поистине гигантской задачи, как ликвидация ассигната, а также учреждение логичной налоговой системы, просуществовавшей более ста лет. Особенно выиграл от всего этого Бонапарт» (*Godechot J. Les Institutions de la France sous la Revolution et l'Empire*. Paris: Presses Universitaires de France, 1951. P. 440).

стать предпосылкой выживания властей в условиях бюджетного кризиса революции. Задолженность перед военными становится исключительно опасной для власти, что подталкивает к началу «революционных войн». Армия как бы переводится на самоокупаемость, и доходы от военных акций за рубежом приобретают конкретную бюджетную ценность¹⁶.

Нетрадиционные способы разрешения финансового кризиса. Поскольку революционная власть оказывается не в состоянии собрать налоги, поиск нетрадиционных источников денег перемещается в центр ее внимания. Таких источников в принципе может быть множество (включая патронируемое государством пиратство и военные действия против соседних стран для получения контрибу-

16. Именно этим фактором объясняют некоторые исследователи агрессивность внешней политики Кромвеля, весьма странную для страдающего от нехватки финансовых ресурсов правительства. «Одинаково опасными были как долги бюджета перед армией и флотом, так и недовольство сквайеров и купцов. Единственно возможное решение Кромвеля в такой ситуации состояло в жесткой внешней политике... которая сама могла стать источником бюджетных доходов». Правительство Протектората предприняло также попытку привлечь армию и флот к получению разного рода причитающихся государству сборов и пошлин, в частности, с промысляющих в английской водах рыбаков. Это было своего рода «использование вооруженных сил одновременно в качестве источника и получателя бюджетных средств» (*Ashley M. Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Protectorate. L.: Frank Cass, 1962. P. 17*). Еще более важную роль играли «революционные войны» для Франции. На протяжении нескольких лет они были важнейшим источником государственных доходов, единственным способом восстановления золотого запаса страны — с августа 1796 года в страну из-за рубежа начинают прибывать сотни миллионов франков в золотой монете.

ций¹⁷), однако два из них являются основными. Во-первых, использование государственной монополии на чеканку (печатание) денег и соответственно инфляционный налог. Во-вторых, манипуляции с собственностью (прежде всего, разумеется, с недвижимостью).

Причем эти два экономических механизма революции не только не являются альтернативными, но, напротив, исторически тесно связаны друг с другом¹⁸. Первые опыты выпуска бумажных денег (французские ассигнаты) производились под обеспечение земельными ресурсами из государственного (национализированного) фонда. И напротив, свидетельства на получение в будущем конфискованных земельных наделов в Англии 1650-х годов использовались как средство платежа солдатам революционной армии.

Инфляционные механизмы финансирования революций хорошо изучены в экономической литературе¹⁹. Логика действий правительств, прибегающих

17. См.: *Далин С. А.* Инфляция в эпохи социальных революций. С. 41–43.

18. Пожалуй, первым на эту связь указал Э. Берк. Он резко критиковал выпуск французских ассигнатов как «вопиющее поругание собственности и свободы», отмечая прежде всего перераспределительную функцию ассигнатов: «Союз банкротства и тирании во все времена и у всех народов редко являл столь грубое надругательство над кредитом, собственностью и свободой, каким стало принудительное введение в обращение бумажных денег». В бумажных деньгах Берк видел источник будущих кризисов и невозможности успеха Французской революции, в отличие от Английской. (См.: *Берк Э.* Размышления о революции во Франции. L.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 205, 216, 239–245.)

19. См., например: *Фалькнер С. А.* Бумажные деньги французской революции (1789–1797). М.: ВСНХ, 1919; *Далин С. А.*

к бумажно-денежной эмиссии, достаточно проста. Революция оказывается в финансовой ловушке: доходная база бюджета разрушена, тогда как расходы революционной власти резко возрастают. Правительство прибегает к печатному станку, и количество денег все более отрывается от металлического обеспечения (или товарно-материальной базы). Деньги обесцениваются, что побуждает правительство применять стандартный набор насильственных действий: требование принимать денежные знаки по указанному на них номиналу, запрет на использование металлических денег, в том числе в качестве меры стоимости (для индексации цен), запрет на торговлю основными потребительскими товарами по рыночным ценам. Столь же стандартна реакция на эти меры экономических агентов, которые даже под угрозой смертной казни отказываются принимать подобные правила игры. Высокая инфляция приводит к постепенному исчерпанию эмиссионного источника наполнения бюджета. Эмиссия, вызванная ограниченностью или отсутствием других средств финансирования, прежде всего налогов, еще более подрывает налоговую базу — поэтому доля неинфляционных источников пополнения государственного бюджета по мере развития инфляционных процессов неуклонно снижается. Соответственно количество бумажных денег в обращении увеличивается нарастающим темпом, и все быстрее падает их стоимость.

Инфляционный механизм финансирования революции впервые был опробован в массовом масштабе во Франции 1790-х годов. Здесь неспособность собирать налоги привела к тому, что выпуск

Инфляция в эпохи социальных революций; *Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation.*

бумажных денег (ассигнатов) стал важнейшим источником финансирования нового режима. Сомнения некоторых политиков относительно опасности такого способа финансирования революции были отвергнуты с простым объяснением: то, что было бы опасно при тирании, будет благотворно при новой власти, существующей и действующей в интересах народа. Ассигнаты выпускались под обеспечение недвижимости — земельных ресурсов (церковных, затем королевских и конфискованных у аристократии), подлежащих распределению среди революционных масс. Первоначально ассигнаты рассматривались как свидетельства государственного долга и должны были использоваться для покупки недвижимости у государства. Однако по мере нарастания финансового кризиса революционные правительства все более активно использовали их в роли бумажных денег.

Инфляционное финансирование государственных расходов повлекло стандартную (но неизвестную еще в то время) цепочку экономических последствий. Увеличение предложения бумажных денег вызвало быстрый рост цен и вытеснение из обращения драгоценного металла. Правительство ответило на это введением принудительного курса, в результате чего торговцы стали отказываться принимать бумажные деньги вообще и требовали металлические. Тогда правительство приняло решение о государственном регулировании цен (установление «максимума») и запрете использования металлических денег, что должно было также поддержать курс ассигната. Нарушителям этих установлений грозила смертная казнь. В ответ с прилавков исчезли товары, города столкнулись с угрозой голода. Смертная казнь за припрятывание продуктов питания была подкреплена

запретом на вывоз потребительских товаров и введением фактической государственной монополии на ввоз продовольствия. Однако и это не решало проблем, поскольку внутреннее производство продуктов под воздействием законов о «максимуме» катастрофически падало.

Понятно, что все эти жесткие меры не могли обеспечить реальную экономическую устойчивость не только по причине слабости государственной власти, неспособной проводить свои решения в жизнь. Эти решения противоречили естественным экономическим интересам и уже в силу этого ставили в двусмысленное положение буквально всех — от торговцев до правительства. В результате отнюдь не только лавочники шли на нарушение законов о принудительном курсе и «максимуме». Законодательный корпус, принимая решения об уровне своего жалования, также ориентировался на твердые (номинированные в металлических деньгах, то есть нелегальные) цены.

Аналогично развивались события и в России 1918–1920 годов. Если во Франции идеологическое оправдание разрушения финансовой системы было связано с тезисом о несправедливости налогов, то в большевистской России высокая инфляция рассматривалась многими как путь к достижению конечной цели — безденежному коммунистическому хозяйству. Все остальное было схоже с Францией: реквизиции продовольствия, госрегулирование распределения продуктов питания, преследование спекулянтов и... решающая их роль в снабжении городов²⁰.

20. Это признавал в 1919 году даже В. И. Ленин. А В. А. Базаров, находившийся тогда в оппозиции, сделал парадоксальный на первый взгляд вывод, что именно мешочники

Опыт революционных Франции и России достаточно убедительно показал, что попытки властей компенсировать свою слабость (и бедность) демонстрацией жесткости, принятием на себя дополнительных полномочий, особенно в экономической сфере, приводят в лучшем случае к курьезам, в худшем — к катастрофическим последствиям. Власть попадает в ловушку: усиление централизации принятия решений ведет к хаосу, а отказ от жесткого регулирования может быть воспринят как опасное проявление слабости. В результате возникает ситуация, ярко сформулированная одним из депутатов французского Конвента 1795 года: «Если уничтожить „максимум“, то все действительно резко подорожает; но если сохранить его, то покупать будет уже нечего»²¹.

Несмотря на катастрофические экономические последствия подобного экономического курса, политические последствия его были вполне удовлетворительными — революционные режимы смогли укрепнуть, что со временем позволило отказаться от инфляционных методов финансирования. Однако для этого политический режим должен был стать достаточно сильным, чтобы иметь возможность отказаться от популистских решений, обеспечивающих решение сиюминутных проблем, проблем политического выживания нового режима и физического выживания его лидеров.

и спекулянты являются подлинной социальной базой большевистского режима, поскольку именно в этих условиях дела их идут в гору (см.: *Базаров В.* Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента» // Мысль. 1919. № 10. С. 356).

21. Цит. по: *Aftalion F.* The French Revolution: An Economic Interpretation. P. 167.

Перераспределение собственности является вторым из важнейших механизмов решения революционными властями социально-экономических и политических проблем. Следуя заявлениям политиков или рассуждениям экономистов, исследователи, как правило, склонны видеть в перераспределении собственности способ повышения эффективности экономической системы, внедрения новых, более эффективных форм хозяйствования. Именно это декларируют революционные правительства безотносительно к тому, идет ли речь о приватизации (как это было в революциях XVII и XVIII веков и конца XX столетия) или национализации (в революциях начала XX века). Однако о реальном повышении эффективности нельзя говорить до решения задач политической стабилизации и выхода страны из революции. Пока же на передний план выходят две другие функции перераспределения собственности — укрепление политической базы (путем передачи собственности в руки поддерживающих власть политических и социальных групп) и получение дополнительных ресурсов в казну.

А для решения этих задач революционные правительства прошлого и настоящего использовали весьма схожий набор механизмов, и прежде всего выпуск ценных бумаг, обеспеченных перераспределяемой собственностью, которыми власти расплачивались по своим долгам. Результаты такого рода трансакций были также вполне понятны. В условиях политической неопределенности получатели подобного рода ценных бумаг отдавали «предпочтение ликвидности» и сбывали бумаги с большим дисконтом. В результате собственность концентрировалась в руках небольшого числа владельцев, которые к тому же получали ее по дешевке. Неудивительно, что среди новых приобретателей

оказывались представители новой политической элиты.

Впервые в истории Нового времени эти механизмы были использованы в революционной Англии. Ограниченное в финансовых ресурсах и ищущее политической поддержки правительство Долгого парламента, а затем Кромвеля решило использовать в своих интересах земельные владения, принадлежавшие ирландским повстанцам, роялистам, церкви и короне. Частично это было сделано путем прямой продажи земель за деньги, отчасти (где это было невозможно немедленно) — путем выпуска ценных бумаг, дающих право на приобретение собственности в будущем.

Как показывают современные исследования, первый вариант стал откровенным способом покупки политических союзников и обслуживания интересов предпринимательских групп, обеспечивавших революционным властям финансовую и социальную базу. Первичными покупателями конфискованных земель стали финансирующие правительство лондонские купцы, обеспечивавшее парламентскую армию силой местное дворянство, депутаты и чиновники парламента, генералы революционной армии²². То есть продажа земель осуществлялась в интересах лондонской политической элиты, ее финансовых и политических союзников.

Аналогичные сюжеты возникали и при продаже ирландских земель. Правда, в процесс их пере-

22. *Think J.* The Sales of Royalist Land during the Interregnum // *The Economic History Review.* 1952. Vol. 5. No. 2. P. 188–207; *Архангельский С. И.* Продажа земельных владений сторонников короля // *Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук.* 1933. № 5. С. 363–389.

распределения был встроен своеобразный стимулирующий механизм: под земли были выпущены ценные бумаги, которыми расплачивались с солдатами экспедиционного корпуса. Тем самым правительство укрепляло свои политические позиции, а у армии появлялся прямой стимул подавить ирландское восстание²³.

Особенностью французских событий конца XVIII столетия стало наличие более жестко выраженного конфликта между финансовыми и социальными целями распродажи земель. С одной стороны, острый финансовый кризис подталкивал к необходимости продавать земли как можно дороже. С другой стороны, необходимость обеспечения поддержки крестьянства толкала революционную власть на ускорение продаж и удешевление земли. Дискуссии на эту тему велись практически с самого начала революции. В начале, в условиях всеобщего энтузиазма и популярности нового режима, условия продажи недвижимости были сформулированы с акцентом на финансовые результаты — было решено продавать землю крупными участками с весьма ограниченным периодом рассрочки и при максимальной уплате «живыми деньгами».

Однако обострение социальной борьбы, череда политических кризисов, начало войны и «открытие» правительством механизма инфляционного финансирования обусловили ослабление внимания к фискальной компоненте земельных продаж. На первый план вышли социально-политические проблемы: были приняты решения о поощрении приобретения земель мелкими собственника-

23. *Bottigheimer K. S.* English Money and Irish Land. 'The Adventurers' in the Cromwellian Settlement of Ireland. Oxford: Clarendon Press, 1971. P. 119.

ми, о резком увеличении периодов рассрочки (что с учетом инфляции делало распределение земли близким к бесплатному), об усилении роли ассигнатов в процессе передачи собственности от государства в частные руки.

Впрочем, как отмечают историки французской революции, и здесь аргументы социальной целесообразности естественным образом переплетались с личными интересами представителей революционной власти, и особенно депутатского корпуса.

Поместья и дома в провинции продавали за чеки («территориальные мандаты») по цене в десятки раз ниже их дореволюционной стоимости, причем за сделками нередко прослеживались интересы депутатов и чиновников!

Наконец, в условиях большевистской (да и мексиканской) революции именно социально-политический аспект трансформации собственности приобрел решающее значение. Национализация проводилась в целях выживания революционного режима — сперва для обеспечения поддержки со стороны миллионов крестьян, а затем в промышленности для концентрации сил и средств в гражданской войне. Достаточно известным является тот факт, что немедленная национализация не была программным требованием большевиков и не рассматривалась в качестве краткосрочной меры экономической политики еще накануне революции. Однако складывавшиеся обстоятельства политической борьбы подтолкнули на реализацию комплекса соответствующих мероприятий, которые к тому же соответствовали общим идеологическим настроениям эпохи вообще и коммунистической идеологии в частности.

Революционная трансформация собственности имеет ряд общих черт и последствий. Прежде все-

го реализация собственности всегда дает гораздо меньший фискальный эффект, чем от нее ожидают. И дело здесь не только в конфликте между фискальной и социальной функциями этого процесса, в результате чего стоимость сделки на радикальной фазе революции всегда приносится в жертву ее темпу, а фискальный результат — политическому. Проблема состоит и в том, что при оценке фискальных перспектив продажи недвижимости расчет всегда основывается на дореволюционной, то есть значительно более высокой, ее стоимости. В революционных же условиях эта цена оказывается значительно ниже.

Во-первых, дает о себе знать политическая неопределенность. Вероятность поражения революции сохраняется, и, следовательно, сохраняется вероятность пересмотра результатов сделок с недвижимостью. Соответственно возникает плата за риск, которая ложится на плечи государства.

Во-вторых, сам по себе факт массированных (и в этом смысле как бы навязываемых обществу) распродаж ведет к занижению цены. Потребность государства продать недвижимость определенным образом воздействует на потенциального покупателя, который оказывается в более выгодном по отношению к продавцу положении. Разумеется, удлинение сроков реализации госимущества, постепенность продаж могли бы дать в совокупности больший фискальный эффект, но для власти, решающей задачи своего выживания, реальный временной горизонт исключительно узок.

В-третьих, использование ценных бумаг под недвижимость само по себе ведет к занижению цены недвижимости. Испытывающее финансовые трудности государство не может удержаться от избыточной эмиссии этих бумаг, а получающие их гра-

ждане часто склонны к их быстрой реализации со значительным дисконтом (что совершенно естественно в условиях революционной политической неопределенности).

Все это обуславливает еще одну специфическую черту перераспределения собственности в условиях революции. Недвижимость не только дешево продается, но в значительной мере попадает в руки спекулянтов и используется в дальнейшем для перепродажи. Разница в ценах попадает, естественно, отнюдь не в руки государства.

Как свидетельствует опыт ряда революций, значительная часть недвижимости может оставаться в руках старой политической элиты, которая находит возможность откупиться от новой власти. Это особенно характерно для революций, в которых политическая компонента доминирует над социальной. Англия XVII столетия является в этом отношении наиболее типичным примером²⁴.

Какими бы острыми ни были политические дебаты, какими бы своеобразными ни были идеологические построения участников революционной борьбы, социально-экономический и политический облик выходящей из революции страны предопределяется в конечном счете именно тем, как в ходе революции решались ее финансовые пробле-

24. *Arendt H.* On Revolution. L.: Penguin Books, 1990. P. 63–68; *Arendt H.* О революции. М.: Европа, 2011. С. 95–101; *Thirsk J.* Sales of Royalist Land during the Interregnum//Economic History Review, 2nd series. 1952. Vol. V. No. 2. P. 207. Впрочем, как показывают современные исследования, масштабы перераспределения собственности от старой элиты к новой в годы Великой французской революции также не следует преувеличивать. (*Cobban A.* History of Modern France. Vol. 2. Baltimore: Penguin, 1957. P. 26; *Goldstone J. A.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkley: University of California Press, 1991. P. 296.)

мы и какие удавалось создавать социальные коалиции. От этого зависит характер послереволюционного развития страны, в том числе экономического. Ведь именно здесь складывается новая структура собственности, формируется новая конфигурация групп интересов, определяется положение государства по отношению к этим группам. А над этим надстраивается и соответствующий политический режим.

Демонетизация экономики является также неотъемлемой чертой революции, причем это феномен не только эмиссионного хозяйства. Политическая нестабильность революционного периода ведет к сокращению находящихся в обращении денег. В условиях металлического обращения деньги вымываются из экономики, тесаврируются (превращаются в сокровище) и сберегаются «до лучших времен». (Это становится еще одним результатом ослабления государства, его неспособности гарантировать исполнение контрактов и, следовательно, отсутствия достаточных гарантий для исполнения деньгами функции всеобщего эквивалента.) В условиях же бумажно-денежного обращения воспроизводится стандартный механизм ускоренного обесценения денег по мере повышения скорости их обращения.

Наконец, для многих революций характерен спад производства. Однако значение его становится существенным лишь в революциях XX века. Революции, происходившие в аграрных обществах с их примитивными технологиями в гораздо меньшей мере были подвержены спаду производства. А там, где происходил существенный спад (скажем, в мексиканской или российской революциях начала XX века), после политической стабилиза-

ции возникала задача восстановления разрушенного хозяйства.

Действительно, общество с доминированием примитивного аграрного хозяйства мало зависит от общей экономической конъюнктуры, от динамики спроса, от устойчивости технической базы производства. Городское хозяйство более чувствительно к политической нестабильности, и оно-то более всего и страдало от революционных потрясений XVII–XVIII веков — от нарушения хозяйственных связей в условиях гражданской войны, от изменения спроса на продукцию ремесленников. Однако оно занимало небольшую долю в национальной экономике и потому слабо влияло на общую ситуацию в стране²⁵.

Революции начала XX века происходили в более развитых экономиках. Гражданские войны приводили к значительному спаду производства, прежде всего промышленного, страдавшего от войн и разрыва хозяйственных связей. В разгар революции и гражданской войны спад производства в России и Мексике составлял по отдельным отраслям 50–80%²⁶. Однако при прекращении военных действий и консолидации политической власти происходило быстрое восстановление до-революционного уровня производства, поскольку речь шла именно о восстановлении — введении в производство старых производственных мощностей, для чего требовались не столько ин-

25. *James M. Social Problems and Policy During the Puritan Revolution 1640–1660.* L.: George Routledge, 1930. P. 75.

26. *The Cambridge History of Latin America. Vol. V.* Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 86; *Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917–1927.* М.; Л.: ЦСУ СССР, 1928. С. 244–247.

вестиции, сколько политическая стабильность и спрос²⁷.

Завершение революции. Финансовый кризис, преследующий революцию на всем ее протяжении, на определенных этапах принимает формы острого бюджетного кризиса, который сопровождается новым витком ухудшения положения основных масс населения²⁸. Как правило, это происходит на завершающей фазе революции, когда идут процессы консолидации политического режима и появляются признаки общего экономического выздоровления. Это кажется парадоксальным: революционный кризис идет на спад, экономика стабилизируется, а бюджетные проблемы власти обостряются. Однако такое развитие событий является вполне объяснимым.

-
27. В советской экономической литературе 1920-х годов были проанализированы «закономерности послевоенного становления народного хозяйства». (См.: Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1, 2; Базаров В. О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1.) Было показано, как и почему более разрушенные отрасли восстанавливаются более быстрым темпом и как к концу определенного периода в народном хозяйстве восстанавливается дореволюционное равновесие.
28. К. Бринтон следующим образом характеризовал завершающую фазу революции: «Одной из наиболее характерных черт этого периода, наблюдаемых не только во Франции и в России, но в известной мере и в Англии 1650-х годов, и в Америке при создании Федерации, является распространение экономических тягот, особенно выпадавших на долю беднейших слоев населения, причем зачастую худших, чем в годы террора и последних лет старого режима» (*Brinton C. The Anatomy of Revolution. P. 212*).

На протяжении большей части революционного процесса революционные правительства прибегают к экстраординарным мерам укрепления своего положения и нового режима, — к мерам, обеспечивающим решение краткосрочных политических задач, а потому неизбежно популистским и временным. По мере исчерпания революционного потенциала нации происходит постепенная консолидация правящей элиты, которая укрепляет свои позиции и получает более широкое поле для маневра. Постепенно консолидирующаяся власть находит в себе силы к принятию болезненных, непопулярных, но необходимых для финансово-экономического оздоровления мер.

По сути это означает возвращение к нормальной экономической политике без революционных эксцессов и чрезвычайщины. По форме это выражается в стремлении правительства жить по средствам и обеспечить устойчивость финансовой системы страны. В результате характерной чертой последней фазы революции является депрессивное состояние производства и недофинансирование отраслей бюджетной сферы. Причем чем активнее революционными правительствами использовались инфляционные механизмы финансирования, тем острее следующий за ним бюджетный кризис.

Можно сказать иначе. Позднереволюционное обострение экономических проблем вообще и бюджетного кризиса в частности связано со своеобразным положением консолидирующейся элиты и восстанавливающей свои силы политической власти. Власть уже оказывается достаточно сильной, чтобы не заигрывать с различными социальными силами и не идти на экстравагантные популистские меры. Но она (власть) еще достаточно слаба и бедна, чтобы решить весь комплекс стоящих перед ней задач.

Депрессия в Англии середины 1650-х годов во многом стала фактором, который привел страну к реставрации. Однако ограниченность инфляционных источников финансирования, с одной стороны, и относительная неразвитость бюджетной сферы — с другой, способствовали относительной мягкости бюджетного кризиса времен Протектората. Основной проблемой для правительства была вышедшая из революции армия, необходимость финансирования которой во многом и предопределила склонность Кромвеля к ведению войн на континенте.

Преодоление революционных последствий во Франции было гораздо более болезненным с макроэкономической точки зрения. Одним из первых шагов, сделанных с началом укрепления политической власти, стало оздоровление государственных финансов путем волевого отказа от значительной части (двух третей) внутреннего долга. Спад революционной волны сделал такое решение возможным, а обострение экономического кризиса — необходимым. За этим последовало дальнейшее ужесточение бюджетной политики в период Консулата. Хотя многие финансовые проблемы удавалось решать с помощью победоносных войн, бюджетная сфера на провинциальном уровне долгие годы продолжала пребывать в глубоком кризисе.

Схожей была ситуация и в России 1920-х годов. Послевоенная экономика требовала отказа от популизма, обеспечения финансовой стабильности, что и дал поначалу нэп. Однако нэпа было недостаточно для решения задач политического укрепления новой власти, требовавшего безудержной индустриальной экспансии. В результате экономико-политические трудности, с которыми столкнулась страна в 1926–1927 годах, обусловили резкий

слом политического курса, поворот к ускоренной индустриализации за счет ресурсов деревни.

Нормализация экономических процессов и выход страны из революции происходят только при стабилизации государственной власти и по мере ее укрепления. Государство должно быть сильным настолько, чтобы преодолеть характерное для предреволюционного и революционного этапа глубокое расхождение интересов отдельных социальных слоев и групп. Это происходит лишь тогда, когда из революционного хаоса вырастает и укрепляется новая элита, способная стать опорой режима. Лишь тогда условия для завершения революции оказываются сформированными. И происходит оно обычно в форме установления жесткого авторитарного постреволюционного режима.

Укрепление власти, в свою очередь, предполагает формирование и упрочение позиций новой элиты. Эта элита, как правило, является генетически связанной со старой, нередко выходит из нее, но ее экономические и политические характеристики являются уже существенно иными, как и характер собственности, которой она обладает.

* * *

Подводя итоги сказанному, можно определить ряд общих экономических проблем, с которыми приходится сталкиваться в ходе любой революции. К ним относятся финансовая стабильность страны, бюджетный и налоговый кризис, трансформация отношений собственности, а также депрессия и (или) спад производства. Однако соотношение этих проблем, их роль в различных революциях далеко неодинаковы. Финансовый кризис может предшествовать революции, но может существовать до нее в скрытых формах, в полной мере разворачиваясь

лишь по мере развития революции. Бюджетный кризис и трансформация отношений собственности являются обязательными компонентами революционного процесса, приобретающими, как правило, особую остроту и актуальность на радикальном и пострадикальном ее этапах. Наконец, спад производства существенно различается при анализе ранних революций и революций XX века.

В этой связи необходимо сделать несколько уточнений, которые исключали бы слишком жесткую трактовку обозначенных выше экономических проблем революции.

Прежде всего, перечисленные характеристики присущи, разумеется, не только революциям. Все они могут возникать при различных обстоятельствах, и само по себе их наличие не свидетельствует о наличии революционного экономического кризиса.

Рассмотренными здесь проблемами не исчерпываются экономические проблемы революции. Проанализированы лишь наиболее типичные и, можно сказать, универсальные, то есть проявлявшиеся во всех полномасштабных революциях.

Наконец, общей характеристикой рассмотренных проблем, как и вообще революционного экономического кризиса, является их причинно-следственная связь с феноменом слабого государства. Именно поэтому названные сюжеты характерны для революций, как и для других ситуаций, когда государство оказывается заметно ослабленным. Наиболее же явным признаком экономико-политической слабости государства является его неспособность собрать налоги. Это находит непосредственное проявление как в выполнении (точнее, невыполнении) государством своих социальных функций, так и в способности проводить экономический курс, необходимый для обеспечения стабильного развития общества.

Раздел II
*Из истории пролетарской
революции в России*

На полпути к советской модели: вызревание советских экономических институтов в предреволюционное десятилетие

КАК было отмечено в начальных заметках (тезисах) этой книги, революция не знаменует собой жесткого разрыва с институтами прошлого. Многие экономические формы постреволюционного общества вызревают уже при старом режиме. Это хорошо видно при анализе экономической политики и экономических дискуссий в России на протяжении предреволюционного десятилетия. В особой мере это относится к опытам экономического регулирования в условиях Первой мировой войны и экспериментам Временного правительства, из которых непосредственно вытекала идеология и практика «военного коммунизма» 1918–1920 годов.

Государство всегда играло значительную роль в хозяйственной жизни России — как через административно-правовое регулирование производства и обмена, так и благодаря собственной предпринимательской деятельности. Развитие экономических процессов на рубеже XIX–XX веков и особенно в обстановке Первой мировой войны резко усилило потребность в координирующей и направляющей деятельности власти в хозяйственной сфере. Причем государственная бюрократия пошла по самому естественному и понятному для себя пути — по пути

усиления собственных позиций через централизацию функций управления народным хозяйством в специальных правительственных органах. Последние брали в свои руки снабжение предприятий производственными ресурсами и их нормирование, установление специальных правил перевозки грузов, регулирование цен и т. п. По мере ухудшения экономической ситуации роль административных рычагов неуклонно усиливалась, вмешательство государства в хозяйственную жизнь отдельных производственных единиц активизировалось. Власти уже в 1915–1916 годах в соответствии с бюрократическими стереотипами экономического мышления старались сосредоточить у себя снабженческо-распределительные функции — как наиболее простой, грубый, но и самый очевидный инструмент воздействия на непосредственных производителей.

Тогда попытки государственного регулирования особенно продвинулись в сельском хозяйстве. Стремясь обеспечить снабжение армии и промышленных центров хлебом и не допустить при этом роста дороговизны, правительство прибегло к таким мерам, как установление твердых цен на хлеб (при их региональной дифференциации), обязательные планы разверстки и угроза реквизиций за нарушение правил сдачи сельскохозяйственных продуктов. Одновременно местные органы власти, решая продовольственную проблему, запрещали вывоз аграрной продукции за пределы своих губерний. Все это в совокупности с непропорциональным ростом цен на промышленные товары существенно подорвало стимулы деревни к производству товарной продукции, а расстройство железнодорожного транспорта довершило начатое дело — зимой 1916/1917 года в городах остро ощущалась нехватка продовольствия.

Аналогично обстояли дела и в промышленности. Государственная власть все настойчивее пыталась вмешиваться в работу предприятий, понуждая предпринимателей действовать вопреки их экономическим интересам, что лишь усиливало общий хаос. Данная ситуация была ярко охарактеризована председателем IV Государственной думы М. В. Родзянко в записке, переданной императору незадолго до Февральской революции. В ней, в частности, приводится такой пример: «Вместо того чтобы принять самые решительные меры для обеспечения себя углем надлежащего качества, для чего потребовалось заключить соответствующие контракты с углепромышленниками или создать особый регулирующий орган, министерство путей сообщения начиная с 1915 года предпочитает получать уголь путем реквизиций. Это ставит железные дороги в весьма рискованное положение, мешая им как приобрести уголь хорошего качества, так и сделать надлежащие запасы на складах. Так как при реквизиции личная ответственность владельцев рудников за качество угля совершенно исчезает, было вполне естественно стремление некоторых из них сбыть железным дорогам всякий хлам»¹.

Естественно, что в такой ситуации речь все чаще заходила о введении государственной монополии на хлеб, уголь, нефть, сахар, хлопок и т. д., то есть исключительного права государства закупать те или иные продукты у производителей и реализовывать их потребителям². Особенно активно

1. Цит. по: Экономическое положение России перед революцией // Красный архив. 1925. № 3. С. 77–78.

2. Однако многие экономисты, в том числе верившие в эффективность подобных мер, подчеркивали, что они могут быть осуществлены лишь правительством, пользующимся доверием народа.

за политику подобного рода выступали деятели, находившиеся на левом фланге политической жизни страны. Однако в отличие от «государственников» из правительственного лагеря левые (и прежде всего — марксисты) связывали необходимость соответствующих изменений в системе хозяйствования не только с войной, но, в первую очередь, с характером современных тому времени производительных сил.

В начале века кризис классического капитализма был очевиден³. Ускоренная концентрация производства и рост частномонополистического капитала сопровождались ослаблением конкурентного механизма, что лишало буржуазный строй имманентного ему источника прогресса. И левые полагали, что именно государственное регулирование должно будет прийти на смену конкуренции. Они рассчитывали на то, что демократические силы смогут встать у руля государственного управления и обеспечить замену «стихийной борьбы частных интересов и стремления капитала к извлечению прибыли» на «планомерное направление производительной деятельности — со стороны общества или государства». При этом предполагалось так или иначе опираться на уже созданные войной формы хозяйственного управления.

В качестве же первоочередных шагов к урегулированию хозяйственной жизни предлагалось сосредоточить усилия на выработке единых общеимперских планов, способных охватить все движение продукта от производителя к потребителю. Это, в свою очередь, связывалось с осуществлением мер типа принудительного синдицирования предприя-

3. Правда, неготовность страны, да и всего мира к победе социализма тогда признавалась практически всеми.

тий, введения разрешительной системы перевозки всех грузов, государственного ценообразования. Ключевым моментом здесь выступал транспорт как техническое условие планомерного распределения продукции по территории страны. А именно в контроле за распределением многие экономисты видели краеугольный камень искомой плановой системы.

Победа Февральской революции резко динамизировала социально-экономические и политические процессы в стране. И, пожалуй, главное, на чем сосредоточилось внимание новой власти, было повышение эффективности государственного вмешательства в народное хозяйство. В системе экономико-политических ценностей на первое место выдвинулось понимание государства как субъекта, способного разрешать трудности, которые обуславливались войной и участвовавшими перебоями в функционировании капиталистического производственного механизма, опирающегося на частные интересы и конкуренцию. «...Вся задача целиком, очевидно, далеко выходит за пределы того, что может дать частный почин, интересы которого очень часто не сходятся с интересами целого. Только государство, и притом государство, обслуживающее не интересы кучки привилегированных, а действующее в интересах всего народа, может вывести страну из хаоса и развала», — писал тогда Н. М. Ясный⁴, впоследствии ставший известным американским экономистом-советологом.

Экономисты и хозяйственные деятели, включая ряд крупнейших предпринимателей, сходились в признании необходимости придания ново-

4. Продовольственный кризис и хлебная монополия. Пг., 1917. С. 12–13.

му правительству широких полномочий для осуществления этих функций. Раздавались призывы к централизации значительной части прибыли, к разработке целостного государственного плана, который помог бы остановить распад национального хозяйства и обрисовать достаточно ясную перспективу подъема. Последнее подчеркивалось особо, причем всеми — от социалистов до монархистов (если отвлечься, разумеется, от наиболее радикальных представителей тех и других, одинаково отрицавших установившийся после революции режим). Плана требовали марксисты, поскольку это соответствовало их доктринальным установкам. За план выступали и предприниматели, надеясь благодаря ему стабилизировать хозяйственную ситуацию.

Увлеченность идеей планирования была распространена не просто широко, но подчас принимала самые неожиданные формы. Приход к власти «верных слуг народа» в лице Временного правительства (которое действительно включало в себя видных представителей имущих классов и интеллигенции России), всеобщий энтузиазм и единство самых разнородных сил, обеспечившее падение самодержавия в считанные дни, — все это создавало иллюзии быстрого хозяйственного урегулирования, легкого восхождения на экономические вершины, недоступные прежнему режиму. Дело доходило до курьезных случаев своеобразного «планового фанатизма». Например, В. Г. Громан, будучи ответственным за распределение потребительских товаров среди жителей Петрограда, заявлял, что он не распределит ни единой пары ботинок, пока все хозяйство не будет регулироваться по плану. Это, конечно, была крайность, но она весьма ярко выражала настроения в среде многих влиятельных экономистов.

Политика Временного правительства прошла несколько стадий, радикализуясь по мере развития политической ситуации и некоторого полевения его состава. Впрочем, принципиальные идеи планового регулирования так или иначе сохранялись на протяжении всех месяцев существования этой власти, отражаясь как в ее официальных актах, так и в выступлениях видных общественных деятелей.

Нетрудно догадаться, что именно с продовольственной проблемы начало Временное правительство свою деятельность по упорядочению хозяйственной жизни. Здесь переплетались основные линии и противоречия российской экономики. И, по сути дела, новая власть пошла по тому же пути, на который пытались, но так окончательно и не решились встать ее предшественники: 25 марта было принято решение о введении хлебной монополии, согласно которому все зерно, сверх необходимого для потребления, посевов и корма скота, должно было отчуждаться по твердым ценам в общегосударственный фонд для дальнейшего перераспределения. Предполагалось учитывать все конкретные условия деятельности данного производителя — при помощи каких орудий он сеет (ведь при использовании более прогрессивных машин требуется меньше зерна для засева), какой скот содержит, сколько работников (ведь их надо кормить) и на какой срок нанимает.

Понятно, что практическая реализация таких намерений была неотделима от формирования мощного административного механизма, обеспечивающего тотальный учет и рациональное движение хлеба по всей стране в соответствии с единым планом. Укреплялась сеть продовольственных органов, которые были уполномочены от имени государства и как бы в его интересах решать мно-

гочисленные конкретные вопросы отчуждения и перераспределения зерна, доходя до каждого крестьянского двора. Предполагалось, что справедливое решение неизбежно возникающих в столь деликатном деле проблем будет обеспечено формированием аппарата из людей, «которые понимают дело и о которых известно, что это люди честные и положительные» (так говорилось в одной брошюре, изданной для разъяснения и популяризации в крестьянской среде политики хлебной монополии).

Справедливые продовольственные комитеты и честные хлебозаготовители — с этим, пожалуй, в основном и связывались надежды на эффективность создаваемого механизма. Единственный стимул, который тут предусматривался (или точнее замышлялся), состоял в стремлении распространить указанный механизм на все народное хозяйство. Пропагандисты государственной монополии настойчиво убеждали крестьян в выгодности для них вводимого порядка, поскольку твердые цены на хлеб непременно будут дополнены твердыми ценами на необходимые деревне промышленные изделия. И действительно в стране предпринимались попытки централизованного учета всего наличного сахара, кожи, железа, керосина, бумаги и других товаров. Но воплощены в жизнь данные намерения не были. На практике дело ограничилось введением в августе еще одной государственной монополии — на уголь.

В ходе постоянного обсуждения проблем государственного руководства хозяйственной жизнью в кругах правительственных и околоправительственных экономистов выдвигались и иные предложения по усилению централизованного управления экономикой. И само правительство склонялось

к принятию ряда довольно решительных мер, хотя так и не смогло реализовать большинство выдвигавшихся его членами предложений. Оно не имело прочной социальной базы, постоянно наталкивалось на резкое противодействие мощных политических группировок слева и справа и поэтому не было способно вырабатывать последовательную экономическую политику и тем более следовать ей. Кроме того, выдвигавшиеся его членами предложения нередко несли на себе явный отпечаток политических импровизаций (что вообще очень свойственно революционной эпохе), оказывались результатом переплетения самых различных факторов, в частности идеологических симпатий министров, необходимости «реагировать» на текущую конъюнктуру событий. Словом, сама работа по формированию системы планового регулирования была далека от плановой, что также не могло не сказаться на ее эффективности.

Типичным примером в этом отношении может служить радикальное и для многих неожиданное предложение министра труда меньшевика М. И. Скобелева о введении такой прогрессии налогообложения, которая позволяла бы государству изымать в бюджет всю предпринимательскую прибыль. Предложение было отвергнуто, но сам факт его появления знаменателен. Он наглядно характеризует, если и не господствовавшие, то имевшие широкое хождение представления о путях усиления регулирующей роли государства.

Уже к середине 1917 года решение задачи «строгого, серьезного и определенного регулирования всех сторон финансово-экономической жизни государства» Временное правительство вполне определенно увязывало «с подчинением всех частных классовых и групповых интересов, каковы бы они

ни были, кем бы они ни диктовались, интересам государства» (слова министра-председателя А. Ф. Керенского). Для этого при правительстве был создан Экономический совет. На него возлагались две взаимосвязанные задачи: во-первых, выработка плана и постепенное регулирование жизни страны в общегосударственных интересах; во-вторых, осуществление экспертизы всех разрабатываемых хозяйственных мероприятий для обеспечения целостности проводимой экономической политики.

О значении, которое придавалось деятельности названного органа, свидетельствует председательствование в нем одного из ведущих деятелей Кабинета — министра торговли и промышленности С. Н. Прокоповича (формальным главой Совета был премьер). Экономический совет был призван объединить представителей различных «демократических», как их тогда называли, политических сил, включая большевиков. В его работе участвовали многие видные экономисты и хозяйственные деятели (П. И. Пальчинский, Н. Н. Кутлер, Н. Д. Кондратьев, П. Б. Струве, С. А. Лозовский, В. А. Базаров, В. Г. Громан, П. П. Маслов, Л. Б. Кафенгауз, Д. Б. Рязанов, Г. В. Цыперович и другие).

Как же представлял себе Экономический совет укрепление плановых начал в народном хозяйстве и обеспечение приоритета общегосударственных интересов? Ответ тем более интересен, что Совет был связан с правительством и одновременно мог стать своеобразным зеркалом, отражающим понимание этих ключевых проблем многими, если не большинством экономистов. Однако данный ответ неоригинален: речь шла о целесообразности широкомасштабного вмешательства власти в хозяйственный процесс при помощи прямых, административных методов воздействия на отдельные

производственные единицы и целые отрасли. Тщательному учету должны были подвергнуться как производимая продукция, так и запасы ее на складах (включая потенциал железнодорожного транспорта), чтобы максимально задействовать ресурсы, вовлечь их в орбиты государственного перераспределения.

Прежде всего, предлагалось, опосредуя государственными органами взаимосвязь производства и потребления, так организовать движение товарных масс, чтобы обеспечить совершенное обезличивание продуктов (обезличивание, как по производителям, так и по потребителям) и принятие в руки одного органа (или одного распорядителя, кем бы он ни был) всей производимой товарной массы. Это — важнейший пункт логики формирующейся системы⁵. Акцент делался на необходимости принудительного распределения продукции — «не по желанию потребителей, а по тому, как представится наиболее рациональным...» Вывод же о рациональности должны делать, разумеется, государственные органы. Сюда же естественно примыкают неизбежность принудительных заказов и, конечно же, право на секвестр отдельных предприятий (право, «которое тесно связано с регулированием экономической жизни страны»).

5. Его позднее, в 1918–1920 годы, попытаются реализовать в форме Комиссии использования — междуправительственного органа по планированию и использованию всех материальных ресурсов страны. Она была образована при ВСНХ во главе с Л. Н. Крицманом и стала одним из ярких символов эпохи «военного коммунизма». (См. подробнее: *Мау В. А.* Реформы и догмы: Государство и экономика в эпоху реформ и революций. 1981–1929. 3-е изд. М.: Дело, 2013. С. 228–245.)

Использование принуждения тогда мыслилось в довольно широких масштабах, хотя и связывалось большинством экономистов с обстановкой военного времени и сложностями хозяйственного положения страны. Данный принцип в организации производства предполагалось распространить не только на промышленность, но и на сельское хозяйство. Так, высказывалась мысль о разработке специального перспективного плана сельского хозяйства, который исходил бы из принудительного перераспределения производительных сил (земли, техники, труда), чтобы дать возможность наиболее полно использовать их для роста продукции.

Принуждение должно было проявляться в государственном регулировании цен, заработной платы и нормировании потребления. Участники заседаний Экономического совета со всей определенностью ставили вопрос и о введении трудовой повинности, что сделало бы обсуждавшуюся систему государственного регулирования вполне целостной, охватывающей все производственные факторы адекватными друг другу инструментами воздействия.

Авторы подобных предложений рассчитывали не только добиться таким путем четкости и слаженности работы предприятий в рамках единого народнохозяйственного организма, но и довести до логического конца процесс, якобы начатый уже монополистическим капитализмом — *уничтожить* посредством деятельности правительственных и общественных организаций *конкуренцию и параллелизм* в работе, создающие «колоссальные трения, которые... уменьшают намного коэффициент использования полезного действия наших предприятий».

Особое место в этой системе централизованного руководства отводилось Экономическому комитету, венчающему сеть государственных планово-снабженческо-распределительных органов. Именно на него возлагалась практическая реализация задачи урегулирования экономической жизни страны. Другие органы могли разрабатывать планы и программы, определять стратегические установки хозяйственной политики, но все они замыкались бы на деятельности названного комитета, который становился держателем основных материальных ресурсов России. Он, в соответствии с проектом положения о данном органе, должен был, руководствуясь общими указаниями Экономического совета, рассматривать и утверждать все планы массовых заготовлений, согласуя спрос с возможностью его удовлетворения. К его ведению относили также утверждение цен (твердых и предельных) на важнейшие виды сырья и готовой продукции, регулирование заработной платы путем установления ее норм в ведущих отраслях, распределение заказов по районам и отраслям.

При Экономическом комитете создавалось Экономическое совещание с функциями «центрального комитета снабжения», в чем многие видели самую сердцевину плановой работы. Предлагалось, чтобы в него входили председатели всех специальных органов снабжения и военных комитетов снабжения, а также представители общественных организаций. Здесь должен вырабатываться «как план потребностей, так и план их удовлетворения». Н. Н. Саввин, товарищ министра торговли и промышленности и один из основных авторов правительственной концепции регулирования экономики, говорил тогда, что разрабатываемые этими органами документы и являются «большими

экономическими планами», которые «будут точны и детальны», а тем самым удастся реализовать и настойчивые требования членов Экономического совета — сделать «планы окончательного распределения» более конкретизированными.

Непосредственным урегулированием производства и распределения должна была заниматься целая сеть районных экономических комитетов и предметных (по отдельным группам продуктов) комиссий, возглавляемых уполномоченными или особоуполномоченными центрального Экономического комитета. На предметные комиссии, в частности, возлагались задачи определения потребного к удовлетворению количества продукции, необходимой для этого переброски рабочих рук из одного района в другой, а также фиксирования цен. Районные же комитеты должны были информировать центр о нуждах и производственных возможностях своих регионов, а затем на основе его общих установок по объему и номенклатуре продукции детализировать задания по предприятиям и предписывать соответствующим учреждениям заключать контракты по определенным ценам исходя из «спущенных» директив.

Внерыночное согласование интересов производителей и потребителей получало здесь свое институциональное оформление. Правда, сознавая неизбежность возникновения острых противоречий между ними и опасность в обстановке нарастающего товарного дефицита принятия окончательных решений отнюдь не в пользу потребителей, авторы правительственной концепции посчитали нужным заранее зафиксировать пути преодоления подобных трудностей: «При согласовании спроса с возможностями его удовлетворения в коллегиальных органах должны преобладать интересы потребите-

лей; при определении цен, распределении заготовок по районам и распределении заказов должно быть равное представительство интересов производителей и потребителей и при определении норм поставок — преобладание производителей».

Наконец, на органы государственного регулирования возлагались функции контроля за тем, чтобы плановые задания выполнялись наиболее эффективным путем, а все технические средства использовались рационально. Иных механизмов, побуждающих к эффективному хозяйствованию, по-видимому, уже не оставалось, и вопросы эти фактически оказывались тогда вне сферы специального внимания большинства связанных с правительством экономистов.

С программой еще более глубоких преобразований по пути усиления государственного вмешательства в экономическую жизнь выступали левые социалисты. В принудительном синдицировании, государственном установлении цен и заработной платы, в широком контроле за качеством товаров и условиями их производства и, наконец, за распределением (вплоть до отказа от свободы торговли) видели они шаги, подводящие общество непосредственно к социализму.

С аналогичных, в общем-то, позиций выступали тогда и большевики. Однако была одна принципиальная черта, решительно выделявшая большевистскую концепцию формирования системы планового хозяйствования и имевшая, как оказалось, далеко идущие последствия. *Плановое руководство и государственная власть* — так можно коротко обозначить существо проблемы, которую остро поставил В. И. Ленин в 1917 году. Еще за пятнадцать лет до того в дискуссии вокруг проекта партийной программы он обращал внимание, что планомер-

ность хозяйственной системы важна для социалиста не сама по себе, но лишь в том случае, когда она осуществляется за счет и в интересах всего общества⁶. Этот действительно важный момент оказался теперь трансформированным в тезис, согласно которому государственное планирование и регулирование будут целесообразны только после прихода к власти пролетариата, а проще говоря — самой большевистской партии.

В полемике между большевиками и другими социалистическими партиями летом — осенью 1917 года обсуждался, хотя и не всегда в явном виде, чрезвычайно важный вопрос: каковы возможности и роль государства в осуществлении социально-экономического развития на плановой основе? Основная масса социалистов исходила из того, что в демократическом обществе государство сможет обеспечить определенную взаимоувязку интересов и тем самым общественный прогресс. Хотя и оставалось неясным, почему и при каких условиях оно будет заниматься решением этих задач.

Большевики же акцентировали внимание на классовой природе государства. Для них оно было не более (но и не менее!), чем машиной насилия одного класса над другим⁷, машиной, выполняющей волю господствующего класса и фактически не способной ни играть особой роли в общественной жизни, ни продуцировать свои собственные интересы. Таким образом, государство уподоблялось автомобилю, направление движения которого зависит лишь от воли его хозяина-водителя. В по-

6. См.: Ленин В. И. Замечания на второй проект программы Плеханова // Ленин В. И. ПСС. Т. 6. 1963. С. 232.

7. См.: Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. ПСС. Т. 34. 1969. С. 318.

добной логике скрывалась серьезная опасность. Недооценивалось, что государство в социально-экономической жизни общества может играть не только пассивную роль, выражая волю правящего класса, но при определенных условиях и подминать под себя этот класс, подчинять его интересы интересам быстрорастущего бюрократического аппарата, навязывая их всему обществу.

Представления о необходимости активного вмешательства власти в хозяйственную жизнь, а точнее об административно-принудительном руководстве ею, хотя и получили широкое распространение в экономических и политических кругах революционной России, не остались без критического анализа со стороны современников. Были экономисты и общественные деятели, которые настойчиво предостерегали против чересчур примитивных аналогий между управлением отдельной монополистической фирмой (пусть даже гигантской) и народным хозяйством. Они считали недостаточно продуманными и очень опасными предпринимавшиеся, а еще более провозглашавшиеся меры тотального огосударствления хозяйства под флагом борьбы с хаосом и разрухой. Тем более что речь шла о стране с сильными традициями государственного бюрократизма, дополненными в новых условиях милитаристскими амбициями и соответствующими организационными структурами военного времени.

Тех, кто выступал тогда в России с критикой идеологии «государственно-планового хозяйствования», воспринимали нередко как реакционеров, защищающих узкоклассовые интересы буржуазии и противящихся очевидным тенденциям общественного прогресса. Их не очень-то желали слушать, хотя выдвигавшиеся ими аргументы были

довольно убедительны и уж во всяком случае прозорливы. Они говорили, в общем-то, о вполне очевидных вещах, в частности о том, что чрезмерное налогообложение подрывает не только стимулы к росту производства, но и осложняет денежное обращение в стране, и без того дестабилизированное за годы войны.

Они указывали и на то, что государственное перераспределение большой массы ресурсов может лишь усилить хаос как в силу ограниченности технических возможностей подобной деятельности, так и из-за значительного роста бюрократических тенденций в хозяйственной жизни. Особой же критике подвергались попытки урегулирования экономического процесса посредством учреждения госмонополий. Ключевой тезис — несовместимость государственных монополий (и в первую очередь — хлебной) с демократическим устройством политического режима, к торжеству которого, казалось бы, стремились все силы, поддерживавшие Февральскую революцию. Цели планового урегулирования экономики, доказывали некоторые авторы, не могут быть достигнуты через насилие над интересами хозяйствующих субъектов, и центральной власти при проведении своего курса надо опираться на данные интересы, а не действовать вопреки им. Иной подход, по их мнению, мог привести к эскалации насилия и экономическим потерям.

Пожалуй, один из интереснейших документов 1917 года с изложением подобной позиции — доклад в Вольном экономическом обществе И. Сигова под характерным названием «Аракчеевский социализм». Автор утверждал, что, встав на путь административного давления в хозяйственной жизни, новая власть может зайти гораздо даль-

ше в насилии над крестьянством, чем это позволял себе царизм. Такова будет неумолимая логика событий. «...При старом режиме, когда царское правительство не стеснялось мерами принуждения и насилия, обязательная разверстка хлеба... провалилась с треском. Дальше старому правительству оставалось только одно: производить в деревнях повальные обыски и повсюду отбирать хлеб силой, не останавливаясь ни перед чем. Но на такую прямолинейность едва ли решилось бы даже и царское правительство». Иное дело — народная власть, которая, имея кредит доверия, может позволить себе в интересах этого народа пойти на меры чрезвычайные, объяснимые в категориях борьбы за власть, но экономически совершенно алогичные.

Рассуждения и выводы И. Сигова имеют более серьезное значение и не ограничиваются лишь рамками критики хлебной монополии и предостережениями относительно ее последствий. Главное, что он указывал на принципиальную опасность решения задач планового регулирования в той административной логике, к которой все активнее прибегала государственная власть. И. Сигов фактически ставил вопрос о противоестественности той системы хозяйствования, контуры которой все отчетливее проступали на протяжении 1917 года, прибегая для этого к ставшему уже в наше время весьма популярным сравнению функционирования экономического механизма и человеческого организма: «[Государственная] монополия сопряжена с переустройством всей жизни, она обрекает всю страну на длительную, трудную и опасную молекулярную работу... Происходит нечто похожее на перенесение функций спинного мозга на головной, на превращение рефлексов в сознательные, осмыс-

ленные, заранее на каждый случай спроектированные движения. Представьте же себе, что было бы, если бы мы были обречены проектировать каждое движение прежде, чем его совершать»⁸.

Призывы к осторожности при оценке тенденций и хозяйственных форм, актуализировавшихся в обстановке мировой войны, раздавались и из лагеря социалистов. Правда, здесь подобные идеи были очень редки, если не сказать единичны. Наиболее глубокий подход к анализу складывающейся ситуации с точки зрения глобальных перспектив социально-экономического прогресса дал тогда А. А. Богданов — крупнейший марксистский мыслитель и один из немногих большевиков-неленинцев в истории нашей страны.

А. А. Богданов решительно возражал против утопичного, по его словам, представления о возможности перехода в ближайшее время если не к социализму, то хотя бы к переустройству общества на плановых началах, однотипных планомерности будущего социалистического хозяйства. Для него задача планомерной организации стояла не просто как организационно-техническая или технико-экономическая (не «как устройство личной семьи, предприятия, политической партии, — только, разумеется, много крупнее по масштабу»), а прежде всего как проблема культурно-историческая, связанная с формированием в рабочей среде нового, коллективистского мировоззрения. Он настойчиво подчеркивал ошибочность выводов о том, что хозяйственные системы воюющих капиталистических государств уже несут в себе зачатки буду-

8. Сигов И. Аракчеевский социализм. Доклад о хлебной монополии, заслушанный Вольным экономическим обществом 25 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 13–14.

щей социалистической планомерности, создают для нее необходимые (или даже «все») материальные предпосылки.

Государственный контроль над производством, сбытом и даже потреблением, достигаемый принудительным синдицированием и трудовой повинностью, оценивался лишь как путь к хозяйству осажденной крепости, исходным пунктом которой и является «военный потребительный коммунизм» (кстати, термин А. А. Богданова). Эта система качественно отличается от подлинной планомерности тем, что, во-первых, ориентирована на «прогрессивное разрушение общественного хозяйства» и изначально не предполагает решения созидательных задач. А во-вторых, механизм ее функционирования основан на нормировке (ограничении), осуществляемой авторитарно-принудительным путем, тогда как «все *положительное*, все инициативное и творческое содержание организующего процесса лежит вне этого понятия».

Оценивая тот тип централизованного государственного хозяйствования, признаки которого в 1917 году уже ясно проступали в российской действительности и который многие левые трактовали как осуществление социалистической тенденции, как зарождение элементов плановой экономики будущего, А. А. Богданов не без сарказма писал: «...Эта система „непредусмотренная“ и „ублюдочная“; но... родители этого ублюдка — не совсем те, которым его подкидывают. Один из родителей — капитализм, — правда, не подлежит сомнению; но другой — вовсе не социализм, а весьма мрачный его прообраз, военный потребительный коммунизм. Разница немалая. Социализм есть, *прежде всего*, новый тип *сотрудничества* — товарищеская организация производства; военный ком-

мунизм есть *прежде всего особая форма общественного потребления* — авторитарно-регулируемая организация массового паразитизма и истребления. Смешивать не следует»⁹.

С радужными надеждами и суровыми предостережениями вступала экономика России в новый этап своего существования. Начиналась следующая фаза революционного процесса. К власти пришли большевики.

9. Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 87.

Великая российская революция и ее «самотермидоризация»

НОВАЯ экономическая политика (нэп), провозглашенная В. И. Лениным весной 1921 года, стала одной из фаз на сложном пути развития российской революции. Рассмотрение нэпа как фазы революционной трансформации представляется наиболее продуктивным для выяснения его роли в политической и экономической истории России. Напомним, каковы эти фазы применительно к российской революции.

Начальный, «розовый» период революции характеризуется объединением самых разнородных социальных сил, недовольных существующим режимом, что приводит к относительно быстрому и для многих неожиданно легкому падению последнего. Этот период, эта легкость уже несут в себе многие сложности и противоречия будущих этапов, порождая труднопреодолимые иллюзии, которые со временем становятся чрезвычайно опасными. Объединение сил тех, кому не нравится царь, с теми, кто желает разрушить строй, делает неизбежным скорое размежевание, приобретающее по-настоящему трагическую окраску. Многим еще кажется, что порвав с наиболее одиозными, но отнюдь не фундаментальными чертами старой системы, можно осуществить резкий прорыв к светлому будущему. Кажется, что достичь его так же

легко, как и свергнуть ненавистных правителей, перед которыми еще недавно подобострастно снимали шапки: ведь налицо единство практически всего народа.

Период между февралем и июлем 1917 года — таковы условные хронологические границы этого этапа. Образовавшееся после падения монархии Временное правительство соединило в себе видных представителей промышленных кругов, земства, либеральных политиков. Его поддерживали и значительно более радикальные Советы, что означало объединение на какое-то время весьма разнородных сил. Однако характерной чертой того этапа явилось следующее. Провозгласив громкие лозунги, сложившийся блок не смог идти дальше — к проведению действительно радикальных и последовательных преобразований.

И вскоре стало очевидным, что эйфория по поводу близости желанных целей — благосостояния, свободы и демократии — на время скрыла от участников событий глубокие расхождения их представлений о степени радикальности и даже направлении дальнейших шагов. В истории этот переломный момент, свидетельствующий о неизбежности решительного размежевания, зачастую оказывается кровавым. Так было и в июле 1917 года в России. Начинается и быстро нарастает поляризация позиций еще недавних союзников в соответствии с позитивными программами, отражающими их объективные интересы. Намечаются контуры новых потрясений. Одновременно собираются с силами и прямые защитники прошлого, еще недавно деморализованные и рассеянные, а теперь не без успеха спекулирующие на трудностях и противоречиях революции. Происходит перегруппировка социальных сил: вчерашние союзни-

ки оказываются непримиримыми противниками, а отдельные отряды бывших противников находят почву для консолидации. Вряд ли надо более подробно, на конкретных примерах раскрывать и иллюстрировать этот этап, бывший в России весьма непродолжительным — июль—октябрь 1917 года. Центр, олицетворявшийся тогда А. Ф. Керенским, неуклонно терял поддержку, размывался и постепенно сходил с арены борьбы за власть как реальная политическая сила.

Усиливаются позиции партий и движений, представляющих крайние взгляды в политическом спектре. Примером тому является, разумеется, прежде всего, возрастающее влияние большевистской партии, численность которой с февраля по октябрь увеличилась с 25 тыс. до 350 тыс. Даже явное поражение большевиков в июле и падение их популярности в связи с обвинением в шпионаже в пользу Германии не могли серьезно ослабить позиции этой партии; размежевание нарастало, и радикальный курс В. И. Ленина становился естественным центром притяжения сторонников углубления революционного процесса. Параллельно укреплялся и правый фланг, на котором складывался союз антисоциалистических сил (либералов и консерваторов), выступивших в поддержку установления сильной власти, диктатуры, способной устранить и левеющие Советы, и слабеющее Временное правительство. Готовился корниловский мятеж.

Тем самым наступал критический момент в развитии революции. Это был последний момент, когда еще можно было повернуть революцию вспять, восстановить старые порядки и господство тех сил, против которых поднималось народное движение. Именно здесь неизбежен резкий поворот

«вправо» или «влево», переход к жесткому проведению последовательной и решительной политики — прогрессивной или консервативной. Победа консерваторов в этом случае означает окончательное поражение революции, победа радикалов делает ее необратимой. Но и тот и другой варианты несут в себе немалую долю экстремизма.

Если революционный процесс продолжает развиваться, наступает третий этап. Самый острый, самый жестокий, самый драматичный. Это — этап сильной власти, этап наиболее радикальных и, как правило, не соответствующих реальным потребностям общества и его народного хозяйства преобразований. К власти в России приходят большевики. Начинается гражданская война. Хозяйство опускается в пучину тотального кризиса, чем, собственно, и был военный коммунизм.

Характерной чертой развития революционного процесса, и особенно его второго и третьего этапов, является неуклонное ухудшение экономической ситуации. В принципе, это вполне естественно в обстановке постоянной политической нестабильности, тем более что с помощью хозяйственных неурядиц различные силы пытаются подорвать политические позиции своих противников. Сказываются и неизбежные структурные изменения в народном хозяйстве, обусловленные сдвигами в традиционно сложившейся структуре потребностей, с нарушением производственных связей и вообще с военной обстановкой и колебаниями правительственного курса. Свою, и немалую, роль играют экономические эксперименты властей, направленные, по их мнению, на обновление и стабилизацию хозяйственной жизни. Все это было весьма характерно для России революционных лет, независимо от того, какое правительство находи-

лось у власти. Однако надо также иметь в виду, что по мере углубления политического противоборства проблемы экономики все более уходят на задний план. В рамках третьего этапа революции (в России это примерно 1918–1920 годы) все подчинено одной цели — удержанию власти — правит балом не экономика, а политика и идеология. Улучшения экономического положения ждать здесь, по крайней мере, наивно. Хозяйственные связи разрушены, и до поры до времени нет тех сил, которые были бы способны взять в свои руки их восстановление. Не физическая нехватка продукции является доминирующей причиной жесточайшего голода на товарном рынке (хотя падение производства также наблюдалось в весьма существенных масштабах), но всеобщая дезорганизация, имеющая социальные корни — на авансцене хозяйственной жизни отсутствует социальный тип (слой), способный взять на себя решение созидательных задач, то есть слой реальных собственников, способных стать надежной опорой стабилизационной экономической политики.

Приведем здесь несколько примеров, относящихся к концу 1918 — началу 1919 года:

«Губпродкомы не берут назначенный им по плану табак... Даже в центре России, в Москве, при полном отсутствии табака на рынке и царящей вследствие этого спекуляции, фабрики завалены не взятыми московским городским продовольственным комитетом готовыми изделиями, и на 9 октября оставалось на фабриках 140 миллионов курительных единиц. Технических препятствий для распределения табака и табачных изделий нет».

«Казенный распределительный аппарат составил план, по которому на одного новгородца при-

ходится одна коробка спичек в год! В это же время на новгородском съезде СНХ представитель фабрики „Солнце“ заявил, что фабрика в недалеком будущем приостановится из-за переполнения складов ящиками со спичками. Груды спичек стоят под открытым небом и портятся от сырости и дождя».

«Чрезвычайная ревизия государственного контроля обнаружила сотни тысяч пудов залежавшихся на станциях грузов. На ст. Перово обнаружено 100 вагонов с неразгруженными, скоропортящимися продовольственными грузами. На ст. Москва Курской жел. дор. не разгружено 98 вагонов сахару. На ст. Москва II — 28 вагонов сахарного песку и 28 вагонов рафинаду; на мешках имеются следы влаги, сахар сыреет и портится» и т. д.¹

С углублением революционной ломки системы, по мере все более решительного разрыва с прошлым еще настойчивее вставала задача стабилизации, которая одновременно предполагала и социальную переориентацию режима, его опору на новые силы, способные взять на себя ответственность за хозяйственный прогресс. Стабилизация же оказывается реальной лишь тогда, когда революция становится политически необратимой. Тем самым знаменуется начало объективно неизбежного — четвертого этапа революции.

Строго говоря, формирование новой фигуры собственника, утверждение его позиций в складывающейся системе производственных отношений характеризуют суть не только завершающей стадии революционного процесса, но и всей революции. Ведь именно эта социальная предпосылка является решающей для формирования новой хо-

1. Известия ВСНХ. 1919. № 8; Всегда вперед. 1919. 11 февраля; Экономическая жизнь. 1918. № 23.

зайственной системы, создающей более благоприятные, чем ранее условия для динамичного развития производительных сил, а на этой базе — и всех других сторон общественной жизни. И революция может считаться с точки зрения исторической перспективы победившей, если в итоге укрепится и приобретет значительный вес (как экономический, так и политический) собственник, соответствующий объективным потребностям данного этапа развития производства, понимаемого в широком смысле этого слова.

Здесь протекают сложные процессы дальнейшей дифференциации социальных сил — движущих сил революции. Приходится окончательно порвать с некоторыми оставшимися еще с «розовых» времен иллюзиями относительно возможностей и целей революции. Это время новых противоречий и столкновений. Необходимость перехода к решению созидательных задач резко обостряет и выводит на первый план существующий разрыв между интересами развития производительных сил и текущими социально-политическими ожиданиями широких слоев трудящихся — активных участников недавних классовых битв. Оказывается, что поднимавшие их на штурм старого мира популистские лозунги на практике нереализуемы, не способствуют они и быстрому экономическому и социальному подъему, а в стратегическом отношении весьма опасны.

Данный этап обычно характеризуется еще и снижением социально-политической активности народа, в котором накапливается усталость от предыдущих бурных лет. Это влечет за собой появление опасностей, и прежде всего возможность прихода к власти далеко не самых достойных и масштабных фигур, нередко уступающих лидерам предыдущих

этапов по своим интеллектуальным и человеческим качествам, но благодаря хитрости и беспринципности способных весьма эффективно бороться за власть. И хотя все это не является для многих тайной, социальный потенциал противодействия подобным фигурам оказывается исчерпанным. Вопрос о том, кто и как долго удержится на вершине власти на завершающем этапе революции, уже мало зависит от позиции основных слоев народа, но скорее определяется особенностями борьбы в «верхах», исход которой, впрочем, находится в прямой связи с подвижками в обществе и той композицией социальных сил, которая к тому времени уже сложится в качестве общей основы политического процесса. Другое дело, что сама композиция в немалой мере зависит от деятельности и курса политического руководства.

Но так или иначе борьба в «верхах» и колебания в «низах» направлены на формирование новой, относительно устойчивой хозяйственно-политической системы. Какой она будет конкретно? Для практического ответа на этот вопрос требуется время. Годы реализации новой экономической политики стали именно таким периодом. Остановимся более подробно на его общей характеристике и альтернативах.

С позиции революционных аналогий нэп нередко пытались и пытаются увязать с понятием «термидор». Это очень важный момент в понимании существа данного периода. Подобная ассоциация имеет вполне определенные исторические и логические обоснования. И именно поэтому вопрос нуждается в специальных пояснениях.

Да, аналогии с периодом, условно называемым термидором и восходящим к Великой французской революции, были весьма популярны в связи

с событиями в России 1921 года. Причем одними из первых об этом заговорили сами же большевистские руководители, вообще склонные в своем политическом анализе обращаться к опыту революционных событий во Франции. На эту тему много размышлял В. И. Ленин, особенно весной 1921 года. «„Термидор“? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим»², — такие вопросы ставил он, например, в мае, обобщая первые шаги на пути к рыночной экономике нэпа. В. И. Ленин также замечал, что, провозгласив нэп, рабочая власть «сама себя термидоризовала». Подобные утверждения подчеркивали гибкость большевистской политики, позволившей отечественным «якобинцам» удержаться у руководства страной.

Различные политические и общественные деятели, рассуждавшие тогда о «термидоре в России», по-разному оценивали характер и перспективы начавшихся весной 1921 году преобразований. Идеологи военного коммунизма грозили опасностью подлинного буржуазного «термидора», имея в виду чрезмерное допущение капиталистических элементов, рыночных отношений и постепенную реставрацию буржуазных порядков в стране. Они настойчиво предостерегали против чересчур активного развертывания рынка, перевода государственных предприятий на хозрасчет и т. п., предлагая ответить на подобный курс «перерожденцев» мерами «коммунистической реакции»³.

Весьма активно заговорили о «термидоре» и деятели, оказавшиеся к 1921 году в эмиграции. Так,

2. Ленин В. И. Материалы к X Всероссийской конференции.

Планы доклада о продовольственном налоге // Ленин В. И. ПСС. Т. 43. 1970. С. 403.

3. См., например, работы Ю. Ларина за 1921–1923 годы.

уже 3 марта, откликаясь на события в Кронштадте, Б. Мирский писал в парижской газете «Последние новости» о неизбежном приближении «термидора», который станет закономерным этапом русской революции, отражением стремления народа к стабильности, порядку и демократии. «Термидор», полагал он, естественно вырастает из революционного процесса и приведет к падению большевиков, чего невозможно было бы достичь борьбой вооруженной. «Пока в народе есть инстинктивный страх, что вернется старое и жертва крови будет бесплодна, революция разворачивается, переходя из одной крайности в другую. Когда главная цель революции достигнута и есть уверенность, что достижение прочно, — революционная температура падает. Так было в Великой французской революции. Так будет и в русской»⁴.

Известный публицист, активный участник «Смены вех» Н. Устрялов придерживался иных позиций. Он считал, что большевики, выполнив разрушительные задачи революции, победив в борьбе за власть, сами должны были изменить и изменили свой курс, переориентировав его на экономические и политические ценности буржуазного развития, с одной стороны, и на воссоздание великого государства, какой была Российская империя, с другой стороны. В статье под характерным заглавием «Путь термидора» автор развивал идеи о закономерности термидора на стадии «понижения революционной кривой», когда происходит возврат к эволюционному развитию событий. Это не торжество контрреволюции, утверждает

4. См. статьи в газете «Последние новости»: Путь термидора (1921. 3 марта); Это — репетиция (1921. 4 марта); Четвертая годовщина (1921. 12 марта).

Устрялов, а потому термидор вовсе не должен непременно сопровождаться сменой стоящей у власти партии. «Путь термидора — в перерождении тканей революции, в преобразовании душ и сердец ее агентов. Результатом этого общего перерождения может быть незначительный "дворцовый переворот", устраняющий наиболее одиозные фигуры руками их собственных сподвижников и во имя их собственных принципов (конец Робеспьера). Но отнюдь не исключена возможность и другого выхода... приспособление лидеров движения к новой его фазе. Тогда процесс завершается наиболее удачно и с меньшими потрясениями». Устрялов отдавал должное большевистским лидерам, более гибким в своей тактике, чем якобинцы. «В свое время французские якобинцы оказались неспособны почувствовать новые условия жизни — и погибли. Ни Дантон, ни Робеспьер не обладали талантом тактической гибкости. Нынешняя московская власть сумела вовремя учесть общее изменение обстановки, понижение революционной кривой в стране и во всем мире. Учесть — и сделать соответствующие выводы»⁵.

Гораздо более осторожными и пессимистичными были прогнозы со стороны левой эмиграции, от деятелей некогда близких к руководителям большевиков. Особенно показательны здесь рассуждения Л. Мартова, содержащиеся в известной статье «Ленин против коммунизма», которая была посвящена анализу нового курса большевистской партии за первые месяцы его осуществления.

5. См.: статьи Н. Устрялова в харбинской газете «Новости жизни» (1921, июнь и ноябрь). Они же опубликованы в сб.: *Устрялов Н. Под знаком революции*. Харбин: Русская жизнь. 1925. С. 23–24, 45–46.

В отличие от Устрялова, Мартов тонко чувствует опасность, заключающуюся в том, что вступление на путь «термидора» в экономической сфере происходит при сохранении политической власти в руках большевиков — недавних «якобинцев». В такой ситуации велика опасность возникновения бонапартизма, то есть, в интерпретации Мартова, антидемократического (а не демократического, как думали другие) курса, опирающегося при подавлении народа на военную и гражданскую бюрократию, пытающегося решать неотложные экономические задачи силами этой бюрократии — организованной хозяйственной власти. Альтернативу, заключающуюся в политике развертывания демократии для рабочих и крестьян, в самоуправлении народа, он считал при таких политических условиях маловероятной. «Экономический термидор, ведущий прямо к 18-му брюмеру», — такой неутешительный прогноз делал Л. Мартов осенью 1921 года⁶.

Несколько позднее и примерно в том же роде стал говорить и писать о термидоре (или об «опасности термидора») Л. Д. Троцкий, для которого это понятие сливалось в значительной мере с бонапартизмом. Под «термидором» он фактически понимал бюрократическое перерождение коммунистической партии и советской власти, превращение их в послушное орудие осуществления неограниченной диктатуры Сталина.

Сейчас, по прошествии времени и с накоплением немалого исторического опыта, можно сказать, что точнее всего понял и спрогнозировал развитие ситуации Л. Мартов. Однако реальное развитие событий было все-таки гораздо сложнее и не впи-

6. *Мартов Л.* Ленин против коммунизма // Социалистический вестник. 1921. № 10. С. 5.

сывалось в схему «экономический термидор — политический бонапартизм». И дело все в том, что термидор так и не был реализован в ходе развития нашей революции — ни экономический, ни политический. События в годы нэпа пошли по иному пути, дав чрезвычайно интересный пример альтернативного «термидору» варианта завершающего этапа революции.

Как известно, революционный процесс разворачивается и продвигается вперед благодаря взаимодействию и переплетению усилий конгломерата разнообразных сил, имеющих далеко не однозначные представления о конечных целях своей борьбы. Не проводя здесь специального анализа этих сил, отмечу лишь, что в самом общем виде нужно выделять и не смешивать основные движущие силы (широкие слои населения), с одной стороны, и особый слой, который условно можно назвать направителем революции — с другой. Последний и составляют те собственники (или потенциальные собственники), утверждение господства которых в результате крушения старого строя может обеспечить быстрый экономический и социальный прогресс. Интересы этого социального слоя в ходе развития революции неизбежно приходят в противоречие с настроениями широких народных масс и с содержащими немалую долю утопизма лозунгами их вождей и кумиров. Конфликт становится неотвратимым и требует своего разрешения.

«Термидором» является разрешение противоречия между движущими силами революции и ее направителем в пользу последнего. На поверхности может казаться, что здесь революция откатывается назад или даже терпит поражение. Но по сути дела это не так. Общество, несмотря на возможные еще взрывы и столкновения, постепенно ликвиди-

рует «экономические завалы» и переходит к решению созидательных задач.

Но возможен и иной ход событий, когда направитель революции оказывается сметенным той силой, которая должна была лишь расчистить для него почву. В результате формируются новые структуры власти, порождаемые непосредственно движущими силами. На первый взгляд кажется, что в этом случае наиболее полно могут осуществляться народные идеалы: ведь движущие силы — это сам народ. В действительности же все оказывается иначе.

Широкие народные массы обычно весьма расплывчато представляют себе облик будущей социально-политической системы, которая зачастую рисуется им «от противного» — как нечто прямо противоположное старым порядкам. Такой подход чреват лишь заменой одних хозяйственно-политических образований другими, отрицающими старое по форме, но обычно мало что меняющими по существу.

Но это еще не все. Лишь наличие реального собственника, то есть фигуры, не только непосредственно заинтересованной в прогрессе производительных сил, но и берущей на себя за это ответственность, способно обеспечить экономическую и политическую стабильность, решение крупных, стратегических задач и заставить государственную власть обслуживать эти интересы. Если же возвышения такого собственника не происходит, его функции должна взять на себя политическая власть. Система оказывается перевернутой: не императив экономического развития детерминирует в такой ситуации политические решения, а, напротив, ради реализации текущих политических задач могут приноситься любые экономические жертвы. В результате на место реального собственника

приходит его эрзац. Сращивание экономической и политической власти формирует особый социальный слой, обладающий чрезвычайно широкими, практически неограниченными возможностями по определению путей развития как всей страны, так и отдельной ее ячейки. Его деятельность становится абсолютно неподконтрольной, в том числе и самим народным массам, из наиболее активных представителей которых он первоначально формировался.

Но слой этот не является носителем мотивации собственника. Его интересы не связаны непосредственно с развитием объекта собственности — народного хозяйства страны. Поэтому здесь не обеспечиваются условия для эффективного и динамичного функционирования экономики, а тем самым и для подъема благосостояния народа. Столь же бесконтрольно могут приноситься в жертву и социальные интересы народных масс. В результате, победив по форме, движущие силы революции фактически оказываются закабаленными узким социальным слоем без перспектив улучшения своего экономического положения, без надежды на прогресс и свободу. Словом, происходит политическое возвышение бюрократии, интересам которой оказываются подчинены (а точнее, принесены в жертву) все другие потребности общества.

Итак, знаменуя собой завершающий этап революционного процесса в России начала XX века, нэп должен был решить сложную задачу формирования той силы, которая будет инициировать развитие страны в течение последующих десятилетий. И нетрудно понять, что как раз «термидора»-то в российской революции и не было. Можно по-разному оценивать этот факт, но нельзя не принимать его во внимание. Длительный процесс «по-

иска собственника», пронизывающий, строго говоря, всю революционную эпоху в нашей стране, имел итогом феномен, противоположный «термидору», а именно «великий перелом», означавший установление оторванной от народа и ничем не ограниченной власти бюрократии и ее отдельных представителей. Мартов был прав: весьма существенную роль сыграло здесь то, что благодаря политическому мастерству В. И. Ленина и беспрецедентной для «якобинцев» гибкости большевикам удалось остаться правящей партией при переходе от третьего этапа революции (этапа радикализации) к четвертому. И осуществление ими своих принципиальных установок, следующих из их видения общественно-экономического прогресса, в конечном счете сыграло решающую роль в альтернативе «термидор — великий перелом».

Большевики пришли к власти, имея целью коренное переустройство глубинных основ жизнедеятельности общества, стремясь сделать всех трудящимися, а трудящихся — собственниками. Устремленные к коммунистическому идеалу, они отвергали предостережения о том, что объективные условия ограничивают задачи российской революции буржуазно-демократическими преобразованиями. С экономической точки зрения «введение социализма» представлялось им как доведение до логического конца государственно-монополистической системы — построение народного хозяйства в виде единой фабрики, функционирующей на основе государственной собственности на средства производства при реализации трудящимися функций собственника. Для решения этой задачи предполагалось осуществить национализацию основных средств производства, сформировать единый центр по управлению государствен-

ным хозяйством и обеспечить поголовное участие трудящихся в управлении.

В 1917–1918 годах повышенное внимание большевиков привлекал рабочий контроль как путь к построению планового хозяйства, управляемого самими трудящимися. Однако вскоре стало очевидно, что эти органы не способны сформировать субъекта общенародной собственности, выражая интересы локальные, текущие и по преимуществу потребительские. В лучшем случае с их помощью можно было достичь «компромисса между групповыми интересами, прежде всего заявляющими о себе в фабрично-заводских комитетах»⁷.

Не удалось решить проблему собственности и через создание централизованного аппарата руководства всем национализированным хозяйством. Вместо этого в центральном аппарате шла постоянная борьба ведомств, которые делили между собой общий «пирог» — и без того скудные ресурсы российской экономики. Быстро расцветший советский бюрократизм и неуклонно снижающаяся эффективность общественного производства не оставляли иллюзий относительно наличия хозяйской мотивации у трудящихся.

В этом отношении нэп, конечно же, был прорывом. Точнее, он должен был бы стать прорывом, поскольку поиск субъекта — носителя мотивации собственника продолжался здесь в качественно новых условиях — в условиях выдвигания на первый план мирных задач. Предполагалось сделать упор на создание самостоятельных (а значит, и экономически ответственных) хозяйствующих субъектов как в частном, так и в государственном секто-

7. *Степанов И.* От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 10–11.

рах, согласование интересов которых должно было осуществляться на рынке, хотя и под контролем властей. Социалистические и иные хозяйственные формы должны были, по мысли В. И. Ленина, Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, конкурировать друг с другом, делом доказывая свою эффективность.

Однако на практике процессы формирования нового собственника были значительно затруднены. Сохранившие власть большевики в основной своей массе оставались приверженцами догмы о «единой фабрике» как конечном и не столь уж отдаленном пункте развития хозяйственной системы. Об этом постоянно напоминали не только приверженцы военно-коммунистической идеи, для которых самоочевидным был тезис, что в царстве труда «нет места свободе», а работник, функционируя в процессе производства «в качестве винтика механизма, будет желать именно так функционировать»⁸. Но и большинство экономистов, активно развивавших теорию и практику нэпа, общую тенденцию развития производительных сил и производственных отношений также видели в усилении государственной монополии в развитии производительных сил. Эти иллюзии разделяли, например, даже такие тонкие знатоки и исследователи советского хозяйства 1920-х годов, как В. А. Базаров и А. М. Гинзбург.

Однако дело, разумеется, было не в позиции отдельных экономистов и даже всех их вместе взятых. Последовательное развитие принципов нэпа, формирование слоя самостоятельных производителей (не только частных, но и коллективных) выводило многие жизненно важные общественные процессы из-под контроля сложившейся еще в годы военно-

8. Степанов И. От рабочего контроля... С. 10–11.

го коммунизма и почти не тронутой нэпом центральной и местной бюрократии, которая активно использовала в своих интересах коммунистические лозунги. В результате с провозглашением нэпа сложилась ситуация, когда политический режим должен был опираться на чуждую ему экономическую систему. И наоборот, хозяйственные субъекты в основной своей массе не могли устойчиво функционировать и развиваться без политической гарантии своей стабильности. Официальный же курс по отношению к негосударственному сектору постоянно колебался, а самостоятельность государственных производителей, закрепленная в знаменитом Декрете о трестах (от 10 апреля 1923 года), была в значительной мере декларативной и неуклонно сокращалась. И в городе, и в деревне власти стремились административными мерами не допустить реальной конкуренции частного хозяйства с государственным. Эффективное частное хозяйство оказывалось «опасным для социализма» и уже поэтому наказуемым.

Понятно, что подобная ситуация не могла сохраняться долго. Она приводила к регулярным кризисам, знаменовавшим собой важнейшие вехи экономической истории СССР в 1920-е годы. 1923, 1925, 1927/1928 годы сопровождались серьезными потрясениями в советском хозяйстве, причем выход из кризиса каждый раз осуществляется принятием мер, направленных на усиление роли государственного аппарата в экономике страны. Это же не позволяло сформироваться и социальным силам, способным противостоять тотальному огосударствлению. Неуклонное сращивание политической и экономической власти вело к утверждению системы, аналогичной военному коммунизму, и одновременно способствовало укреплению тех соци-

альных сил, которые должны были поддержать готовящийся переворот — отчужденных от собственности наемных рабочих государства, оказывавшихся носителями люмпенской психологии.

Слом нэпа стал в этих условиях неизбежным и означал завершение начатого в 1917 году революционного процесса. «Великий перелом» 1929 года поставил последнюю точку. В стране утвердилась новая система отношений, экономические и политические структуры которой были тесно взаимосвязаны, то есть политическая власть в полной мере соответствовала интересам собственника (точнее, эрзац собственника), и конфликт между ними практически исключался. В этом кроется и причина особой устойчивости хозяйственной системы, основанной на тотальном огосударствлении, несмотря на ее историческое банкротство.

Формирование экономики дефицита

СЕРЕДИНА 1920-х годов — поворотное время для советской экономики. «Великий перелом» 1929 года, знаменовавший собой политическую победу сталинизма, явился своеобразной, трагической формой разрешения тех экономических и социальных противоречий, которые накапливались в обществе. И с экономической точки зрения ключевую роль в понимании многих последующих событий имели события, о которых речь пойдет ниже. В 1925 году экономическое развитие протекало достаточно интенсивно. Темпы хозяйственного роста были столь значительны, что достижение довоенных объемов производства стало возможным к концу 1926 года. Восстановительный период завершался. В повестку дня вставала задача коренной реконструкции народного хозяйства. И в это время неожиданно для многих экономистов и политических лидеров параллельно с завершением восстановительного процесса в экономике нарастает дефицит, или, как его тогда называли, товарный голод. Возникший дефицит существенно отличался от аналогичного явления прошлых лет. Недостаток товаров появился и обострился не в результате разрушения производительных сил, а на стадии их быстрого подъема. Это означало, что корни проблемы уходят в экономическую полити-

ку, в специфику самой хозяйственной системы, механизма ее функционирования, по тем или иным причинам не обеспечивающего пропорционального роста. В условиях рыночной экономики смешанного типа опасность такого явления резко обострялась, так как усиление или даже сохранение товарного голода нарушало нормальные взаимоотношения между основными сферами хозяйственной жизни, в первую очередь между промышленностью и сельским хозяйством.

Как же разворачивались события? В середине 1925 года появились признаки нехватки некоторых промышленных товаров (строительных материалов, тканей, кожаных изделий, сельскохозяйственных орудий). Все эти продукты были необходимы крестьянству и для расширения хозяйственной деятельности, и для личного потребления. Официальная линия в этот период была ориентирована на ускоренное развитие промышленности как опорного звена социалистического строительства — и в силу передового характера крупного машинного производства, и в качестве важного условия для решения проблем безработицы и аграрного перенаселения, позволяющего все большие массы трудящихся втягивать в «социально прогрессивные» формы деятельности. С ростом промышленного производства, как представлялось, должны быть решены и проблемы товарного голода.

С этих позиций рассматривались и перспективы на 1925/1926 хозяйственный год, нашедшие отражение в контрольных цифрах Госплана. При составлении плана исходили из того, что в 1925 году будет хороший урожай. Это означало возможность получения валютных ресурсов и использования их для импорта промышленных товаров (прежде все-

го необходимого сырья и оборудования). Надо также учитывать, что выработка основных направлений хозяйственной политики происходила под сильным давлением представителей промышленных кругов во главе с ВСНХ, имевших значительный политический вес. Возражения аграрников и ряда других экономистов нередко расценивались как ведомственное стремление получить больше средств для развития «своих» отраслей.

Однако уже осенью 1925 года в реализации первоначальных идей возникли серьезные трудности. Хлебозаготовительная кампания не оправдывала надежд: урожай оказался ниже, чем предполагалось, а крестьяне, и это главное, из-за отсутствия нужных им товаров не были заинтересованы продавать хлеб. Между тем в соответствии с намеченными планами осуществлялось щедрое кредитование государственных заготовителей, которые, так же как и кредитные органы, имели свои задания по закупкам и стремились их выполнять. Существенное превышение спроса над предложением и конкуренция государственных хлебозаготовителей друг с другом, принимавшая иногда дикие формы (порча мостов, перекапывание дорог друг у друга), вели к росту цен на зерно. Невозможность отоварить свои деньги вынуждала крестьян придерживать хлеб. В результате снижались объемы и рентабельность экспорта. Понятно, что объемы импорта также сократились. Общий рост цен негативно повлиял на курс червонца — важнейший фактор устойчивого динамичного развития экономики в период нэпа.

Кроме того, уже с середины весны 1925 года начало усиливаться кредитование отраслей тяжелой промышленности. Форсирование их роста сопровождалось не только увеличением спроса на сред-

ства производства, но и ростом численности рабочих и реальной заработной платы (в апреле–июне на 6,9%, в июле–сентябре на 33,2%), что обостряло ситуацию на рынке потребительских товаров. Так начиналось раскручивание спирали товарного дефицита.

В обычном рыночном хозяйстве дефицит тех или иных товаров вызвал бы рост цен на них. Иное дело в условиях советской экономики. Прежде всего была предпринята попытка побороть товарный голод мерами административного воздействия. Необходимо «жесткое планирование сбыта недостающих промышленных товаров массового потребления»¹. Этот тезис быстро получил практическое воплощение. Регулирование распределения ряда продуктов по стране было централизовано. Регионам стал устанавливаться «план завоза» — сколько и какой продукции кому положено выделить на месяц (квартал). Преимущество отдавалось индустриальным центрам, а позднее — сельскохозяйственным районам для стимулирования продажи урожая государству.

Одновременно началась кампания по свертыванию реальных рыночных отношений. Поддержание устойчивых или даже снижающихся цен на промышленную продукцию было тогда социальным императивом власти, считавшей себя пролетарской. Частник же, игравший значительную роль в розничной торговле, в соответствии с естественными законами рынка отвечал на дефицит повышением цен, в результате чего государственная политика цен не давала того социального эффекта, на который она была рассчитана (с апреля

1. Крумин Г. О планировании завоза промышленной продукции // Экономическая жизнь. 1925. № 200.

по октябрь 1925 года розничные накладки по двадцати промышленным товарам возросли в Москве с 32,7 до 56,5%). Ответом властей стало прямое административное вытеснение частника: лишение кредитов, запрет государственным и кооперативным организациям сбывать частнику продукцию. Нарушители запретов преследовались в судебном порядке.

Ставка была сделана на укрепление и развитие государственной и кооперативной торговли. Кооперация, на которую возлагались большие надежды по улучшению снабжения крестьян нужными товарами, также была склонна к завышению цен. Однако если у частника эта прибавка к цене могла идти в накопление, то кооперация должна была поднимать цены из-за высоких накладных расходов — дороговизны содержания своего аппарата. Да и прямая спекуляция не была чужда этой форме организации торговли.

Широкое распространение получила практика навязывания товаров — верный признак перехода от торговли к распределению. Из-за структурной несогласованности планов производства и распределения, низкой маневренности товарными фондами в условиях жестких «планов завоза» нехватка одних товаров переплеталась с избытком других. Имеющиеся в избытке товары навязывались потребителям, причем подобная практика осуществлялась сверху донизу. Синдикаты, на которые государство делало главную ставку в организации торговли по твердым ценам, навязывали товары кооперации. Кооперация или ставила условие, что необходимый товар может быть приобретен, если потребитель вместе с ним купит и ненужный ему товар, или, стремясь покрыть расходы по неходовым товарам, завышала цены на ходовые

(в реальности и те и другие методы переплетались). Типична была такая ситуация: «Продасиликат отказывает в отпуске дешевых сортов посуды и отпускает вагон посуды только по принудительному ассортименту. Кооперация принуждена брать дорогие столовые и чайные сервизы, дорогие чашки и прочий неходовой товар, а отвечать будет простая крестьянская чашка, на которую ляжет высокая накидка»².

Для противодействия подобным явлениям настойчиво предлагалось провести кампанию в печати, сделать оргвыводы относительно руководителей предприятий, реализующих продукцию частнику, созвать экстренные собрания пайщиков кооперативов и переизбирать за те же поступки членов правления, активнее привлекать хозяйственников к уголовной ответственности за «спекуляцию», усилить контроль за ценами и даже проделать работу по определению «нормальных расценок». Резко возрастает давление профсоюзов на хозяйственные органы с требованиями дальнейшего ужесточения административного регулирования торговли. Примером может быть заявление союза металлистов, выступившего за дальнейшее снижение цен, введение рабочего контроля за распределением продукции, продажу товаров только членам потребительских кооперативов.

Многие видные экономисты, работавшие в Госплане и в ВСНХ, видели главную причину товарного голода в недостаточном развитии промышленности

2. См.: О. С. Неумирающий принудительный ассортимент // Экономическая жизнь. 1925. № 262. С. 3. По некоторым оценкам, Текстильный синдикат, например, навязывал контрагентам неходовой товар в размере 18–20% стоимости покупаемой партии (там же).

по сравнению с сельским хозяйством. В их выступлениях акцент делался на выработке системы экономических мероприятий, стимулирующих всемерный рост объемов промышленного производства. В конце 1925 — первой половине 1926 года эти подходы активно развивались в выступлениях С. Г. Струмилина, С. М. Киселева, В. Г. Громана, И. Т. Смилги. В их основе лежала концепция «закономерностей восстановительного процесса», в соответствии с которой восстановление народного хозяйства происходит в направлении довоенной системы равновесия, причем более быстрыми темпами развиваются отрасли и сферы, дальше других отстоящие от целевой точки равновесия. Завершение же восстановительного периода ожидалось в 1926 году. Отсюда делались выводы принципиального характера. Во-первых, промышленность должна расти быстрее сельского хозяйства, по объему валовой продукции уже вплотную подошедшего к уровню 1913 года. Отставание же товарности аграрного сектора объяснялось отсутствием у крестьян интереса реализовать свою продукцию при нехватке промышленных товаров. Во-вторых, анализ статистических данных свидетельствовал о значительном отставании объема денежной массы от товарооборота по сравнению с 1913 годом. Следовательно, полагали экономисты, в 1926 году возможен и даже необходим рост денежной массы, превышающий рост товарооборота. Благодаря этому открывались широкие перспективы кредитной экспансии, которая могла быть направлена на усиленное финансирование промышленности: тем самым был бы дан мощный толчок индустриализации, курс на которую провозгласил в 1925 году XIV съезд ВКП(б).

Сторонники рассматриваемого подхода стремились в дальнейшем (особенно на протяжении

первой половины 1926 года) усилить свои доводы данными специального анализа финансово-экономического положения предприятий и проработкой альтернатив экономической политики. Приводились расчеты, целью которых было показать отсутствие избытка денежных знаков в народном хозяйстве. Вовсе не инфляция порождает хозяйственные трудности, утверждал С. М. Киселев³, а дефекты планового снабжения (несоответствие объемов и структуры «планов завоза» реальным потребностям регионов), крупный спрос на строительные материалы и различные фабрикаты, чрезмерные поступления в госбюджет прибыли предприятий при усилении потребительского характера расходной части бюджета. Отсюда следовал вывод о необходимости и возможности расширения масштабов кредитования промышленности как условия роста предложения ее продукции на рынке при одновременной глубокой реформе государственного бюджета — его сжатии, ограничении потребительского спроса госорганов и кооперации. Для этого предлагалось использовать как методы жесткого (административного) планирования, так и налоговое регулирование покупательной способности населения⁴.

Изложенная концепция вызвала резкие возражения многих видных экономистов. Реализация подобных предложений, по их мнению, усилива-

3. См.: *Киселев С. М.* Оценка текущего состояния денежного обращения // *Плановое хозяйство*. 1926. № 6. С. 47–48; см. также: *Струмилин С. Г.* К вопросу о денежной инфляции и дефляции // *Плановое хозяйство*. 1926. № 6.

4. «Нельзя представить себе более безотрадной картины, чем распухший бюджет и сжатый кредит», — писал И. Т. Смилга (*Наши хозяйственные затруднения* // *Плановое хозяйство*. 1926. № 2. С. 39).

ла инфляцию и обостряла товарный голод. Между тем кредитная политика 1925 года уже нарушила важнейшую предпосылку нормального функционирования рынка, в соответствии с которой должен существовать только спрос, вытекающий из механизма производства и обмена. Именно нарушение указанной предпосылки «повело к нарушению необходимого соотношения в отраслях промышленности, производящих средства производства и предметы потребления. Эти два условия привели к зарождению товарного голода на городском рынке. А все это, вместе взятое, послужило толчком к расстройству сельскохозяйственного рынка»⁵. Расширение объемов кредитования становилось чрезвычайно опасным, даже если бы кредиты направлялись на производство предметов потребления. Ведь появлению новых товаров предшествует дополнительный спрос, способный лишь обострить дефицит как непосредственно, так и по причине ускорения обращения денег. «В результате мыслим теоретически такой исход, что выброшенные по окончании производственного цикла на рынок новые массы товаров будут не только недостаточны для удовлетворения обострившегося товарного голода, но создадут положение еще худшее, чем то было до эмиссии новых денег», — писал Альб. Л. Вайнштейн⁶.

В самом деле, в народном хозяйстве начались процессы «перенакопления». Хотя Госплан и воз-

5. *Кондратьев Н.* Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI. С. 61.

6. *Вайнштейн Альб. Л.* Итоги и конъюнктура 1925/26 хоз. года // Избранные труды. Советская экономика. 20-е годы. Кн. первая. М.: Наука, 2002. С. 415.

ражал против чрезмерного роста нового строительства в 1926 году, отрасли индустрии действовали в прямо противоположном направлении. Стремление предприятий к экстенсивному росту проявилось уже тогда. Нередко они брали краткосрочные кредиты (за счет эмиссионных средств), высвобождая для капитальной работы те собственные средства, которые были помещены в товары. Все больше векселей предъявлялось к учету. Однако, если госплановские экономисты видели в этом признаки нехватки денежной массы в обращении, то их оппоненты (например, Л. Н. Юровский⁷) — опасный признак отсутствия у предприятий достаточных стимулов к осторожному и обоснованному использованию капитальных средств. Кроме того, расчеты показывали, что потенциальная товарность деревни, зависящая от ряда социально-экономических факторов, еще не достигла довоенных показателей⁸. Это лишало смысла тезис об отставании промышленности от сельского хозяйства. Подобные рассуждения приводили исследователей к выводу, что главной причиной кризисных явлений выступает общая несбалансированность роста всех отраслей и сфер народного хозяйства. Ставился вопрос о более осторожном определении размеров инвестиционной деятельности и более равномерном распределении капиталовложений между различными отраслями. В частности, предлагалось первоначально сконцентрировать усилия на развитии легкой промышленности и сельского хозяйства (особенно той его части, которая производит

7. См.: Юровский Л. Н. К пересмотру хозяйственного плана // Экономическая жизнь. 1925. № 262.

8. См.: Кондратьев Н. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры... С. 45–51.

экспортную продукцию), что со временем создаст условия для бескризисного и быстрого роста тяжелой индустрии. Пока же потребность в продукции последней могла бы в значительной мере удовлетворяться за счет импорта⁹.

Признание факта перенакопления и необходимости обеспечения реальной сбалансированности производственного процесса было связано с задачей достижения и поддержания рыночного равновесия как важнейшего условия преодоления товарного голода. Именно на эти моменты делал упор в своей практической деятельности и в публикациях Г. Я. Сокольников. Устойчивость курса червонца — центральный пункт его политики. Он прибегал к широкомасштабной валютной интервенции, настаивал на активном использовании импорта потребительских товаров и вообще товаров крестьянского спроса для поддержания равновесия между спросом и предложением. Он решительно выступал за усиление налогообложения зажиточных слоев населения, видя в этом фактор как смягчения рыночной напряженности, так и ослабления позиций деревенской «верхушки», накапливавшей значительные ресурсы (финансовые и материальные). Не менее важным способом обеспечения сбалансированного роста Г. Я. Сокольников считал рестрикцию кредита — ограничение выпуска в обращение новых платежных средств¹⁰.

9. См.: Шанин Л. Экономическая природа нашего бестоварья // Экономическое обозрение. 1925. № 11. Позиция Л. Шанина получила тогда широкий резонанс, активно обсуждалась в печати.

10. См.: Сокольников Г. Я. Пройденный путь и новые задачи // Вестник финансов. 1925. № 10; Перспективы хозяйственного развития СССР (Контрольные цифры Госплана): Дискус-

Строго говоря, в этом же направлении мыслил и В. В. Новожилов, пришедший к принципиально важному выводу о том, что преодоление хозяйственных затруднений невозможно без отказа от администрирования в ценообразовании, без установления цен, балансирующих спрос и предложение¹¹.

При всем различии рассмотренных подходов предпринимались попытки их своеобразного синтеза, использования наиболее рациональных элементов каждого из них. Примером могут служить работы С. М. Киселева. Будучи безусловным сторонником и одним из ведущих теоретиков концепции изживания товарного дефицита путем усиленного кредитования промышленности, он придавал существенное значение и комплексу мер рыночного характера, стимулирующих рост крестьянского производства и, следовательно, положительно влияющих на равновесие. «Мы заготавливаем и экспортируем, а не торгуем с деревней», — писал в конце 1925 года С. М. Киселев и предлагал усилить связь масштабов сельскохозяйственного экспорта (и тем самым товарного фонда продукции деревни) и импорта нужных крестьянам товаров. Более того, он полагал, что импорт дешевых товаров создаст необходимые стимулы для снижения внутренних цен — не только промышленных, но и заготовительных. Тем самым удалось бы преодолеть издержки высокой монополизации советского рынка¹².

сия//Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII. С. 200–205.

11. См.: Новожилов В. В. Недостаток товаров//Вестник финансов. 1926. № 2.
12. См.: Киселев С. М. Наши экономические проблемы//Плановое хозяйство. 1925. № 12. С. 24–26.

Таково положение было в теории. Практическое же преломление в экономической и политической жизни 1925–1926 годов получали различные концептуальные подходы к преодолению товарного дефицита, точнее, отдельные элементы этих подходов. Реализовывалась линия Госплана, находя свое воплощение в росте промышленных инвестиций. Одновременно Г. Я. Сокольников и его сторонники осуществляли меры по регулированию рыночной ситуации: была проведена валютная интервенция, повышен налог на кулака, принимались меры по ограничению кредита. Эти линии сталкивались друг с другом, и сторонники каждой из них имели возможность обвинять оппонентов в том, что именно их деятельность мешает проведению необходимой экономической политики и усугубляет положение дел в народном хозяйстве. Разумеется, противоречивость политики никогда не идет на пользу. Однако неверно было бы утверждать, что последовательное проведение одной из названных линий дало бы положительный результат в условиях уже господствовавшей в тот период социальной доктрины и экономической идеологии развития советского хозяйства.

Рассмотренные выше пути выхода из «хозяйственных затруднений» базировались на предпосылке существования нормального, хотя и модифицированного, рынка и соответствующего поведения хозяйствующих субъектов при изменении тех или иных рыночных параметров (кредита, валютного курса, цен и т. д.). Однако ни политические, ни собственно экономические факторы не способствовали формированию таких субъектов — производителей, заинтересованных в долгосрочном и эффективном росте. Сказанное относится, прежде всего, к государственным пред-

приятиям, независимость которых от управленческих органов неуклонно снижалась, так же как и ответственность за результаты своей деятельности.

Это имело последствия двоякого рода. Во-первых, заинтересованные в экстенсивном развитии государственные предприятия безразлично относились к эффективности использования выделяемых им ресурсов — не только бюджетных, но и кредитных, так как обладали реальными возможностями снять с себя ответственность или путем апелляции к вышестоящим органам (которые могли «надавить» на строптивых «банкиров»), или путем повышения цен (тогда расплачиваться по долгам предприятия приходилось потребителю). По мере завершения восстановительного периода инвестиционные ресурсы использовались все с меньшей отдачей. Во-вторых, предприятия как субъекты «высшей» формы собственности, как звенья гигантской государственной монополии могли выступать на рынке в качестве монополистов. Поэтому они не стремились ни к повышению качества своей продукции, ни к снижению издержек производства, ни к рациональному использованию капитальных вложений. Кстати, в этих условиях вряд ли могла сыграть свою стимулирующую роль и та умеренная инфляция, о которой писал В. В. Новожилов: монополист имеет весьма слабые рыночные ограничения для повышения цен на собственную продукцию.

Вполне очевидно, что сложившаяся ситуация отнюдь не благоприятствовала преодолению товарного голода путем расширенного кредитования промышленности. Однако она создавала непреодолимые барьеры и курсу на равновесный, сбалансированный рост всего народного хозяйства.

Низкая эффективность функционирования промышленности, экстенсивный характер ее расширенного воспроизводства требовали значительного перераспределения накоплений из других секторов экономики. В условиях низкой рентабельности многих отраслей индустрии и государственной монополии на ее организацию практически исключались возможности рыночного перелива капитала и концентрации его в этой сфере. Становилось неизбежным принудительное изъятие ресурсов в пользу промышленности (через цены, налоги и т. д.)¹³. Это, естественно, не могло не подрывать стимулы роста и сельскохозяйственного производства. Одновременно большая доля ресурсов обрелась на нерациональное использование, что делало ситуацию перенакопления перманентной.

Социально-экономический курс, нацеленный на административное вытеснение и налоговое удушение частного сектора (под демагогическими предложениями борьбы с эксплуатацией и спекуляцией), также отнюдь не способствовал преодолению товарного дефицита. Эффективное крестьянское хозяйство зачислялось в разряд кулацких со всеми

13. Невозможность нормального межотраслевого перелива капитала не осталась незамеченной экономистами 1920-х годов. Но априорное рассмотрение крупных государственных предприятий как наиболее передовых приводило к выводу, что путь капитальным ресурсам из других секторов прегражден разнотипностью форм собственности — государственной и частной (см., например: О проблеме диспропорции и темпе хозяйственного развития в СССР // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVI. С. 233–234). Впрочем, тут был подмечен важный момент: монополия государства на подавляющую часть промышленных предприятий, особый режим их функционирования действительно разрывал целостность народнохозяйственного организма, лишая его необходимой гибкости и подвижности.

вытекающими отсюда последствиями. Еще активнее велось наступление на частного в городе. Возможности производственного накопления и применения капитала в этих секторах существенно ограничивались.

Перечисленные факторы обусловили и неэффективность политики регулирования сферы обращения, проводившейся Народным комиссариатом финансов. Провалилась валютная интервенция: поглотив значительные запасы золота и иностранной валюты, она не смогла удержать курс червонца. Причиной этого во многом явились усиление политической нестабильности, попытки решения проблемы дефицита административным путем — ограничение частного капитала, который устремился на рынок ценных бумаг и валюты. Идеологизация экономической жизни не могла не сказаться отрицательно и на попытках действия через налоговую систему. Усиление обложения деревенской «верхушки» оказало дестимулирующее воздействие на крепкие крестьянские хозяйства, которые характеризовались наибольшей товарностью. Одновременное снижение налога на беднейшие слои деревни сделало экономически бессмысленной первую акцию: покупательский спрос не был ослаблен, лишь еще более усилилось его давление на потребительские товары. Ориентация на бедняка как на опору Советской власти давала наглядные хозяйственные результаты. Противоречивость задачи экономического роста и социальных (точнее, доктринальных) ограничений выступала как непреодолимый фактор при поиске путей выхода из трудностей.

Отсутствие экономических механизмов, способных обеспечить сбалансированность и динамичное развитие народного хозяйства, делало неизбежным

повышение роли административно-директивно-го начала в планировании в ущерб регулированию на основе поддержания постоянного равновесия хозяйственной системы.

Тупиковый характер мер по нормализации экономической жизни не мог остаться незамеченным. В 1926 году появляются отдельные публикации, авторы которых, отрицая эффективность административных решений, не только предлагают комплекс экономических мероприятий, но и ставят вопрос об осуществлении важных социально-экономических преобразований как условия результативности намечаемых мер.

Наиболее яркий пример в этом отношении представляет собой статья Я. Х. Репше «Наши экономические проблемы»¹⁴. Автор соглашается с тем, что необходимы централизованные меры, включающие и соответствующую кредитную политику, обеспечивающую сбалансированный рост промышленности, и рыночное регулирование, и балансирующие спрос и предложение цены. Но положительный результат они дадут лишь в том случае, если не будут идти «вразрез с реальной установкой наших хозяйственных организаций и их движущими силами». Нужны серьезные изменения в самом механизме хозяйствования, доказывал Я. Х. Репше, в направлении решительного отказа от прямого

14. Надо отметить, что позиции Я. Х. Репше и В. В. Новожилова были близки. Недаром на них тут же обрушилась уничтожительная критика с политическими ярлыками (см.: *Ковалевский Н. А.* Назад, к капитализму // *Плановое хозяйство.* 1926. № 5). Оба последовательно придерживались рыночной логики функционирования народного хозяйства. Однако Я. Х. Репше сделал в своей работе еще один шаг — поставил вопрос об условиях реальности рынка в советской системе.

административного вмешательства в процесс производства и обмена товаров. И, прежде всего это касается государственных предприятий, статус которых не может служить основанием для игнорирования их прав и интересов вышестоящими органами управления.

Подчеркивая принципиальную несовместимость директивного руководства и хозрасчета, Я. Х. Репше ставил задачу «перехода от административного к экономическому планированию»: «Каждая хозяйственная организация должна быть поставлена в такие экономические условия, чтобы, руководствуясь исключительно своей выгодой, она выполняла волю народного хозяйства». Экономическое принуждение эффективнее административного, а там, где первое само по себе не действует, государство должно создать соответствующую систему рычагов, позволяющую согласовывать интересы целого и отдельных его частей. Преодоление же администрирования должно быть доведено до логического результата — отказа от линии на создание юридических предпочтений одних форм собственности по отношению к другим при заключении хозяйственных сделок (например, обязательности государственных трестов реализовывать продукцию потребительской кооперации на менее выгодных условиях, чем частному торговцу)¹⁵.

Однако к преобразованиям такого рода политические руководители страны не были готовы, а резкая отповедь, последовавшая вскоре после публикации статьи Я. Х. Репше, также не способствовала углублению анализа в этом направлении. В крайнем случае ограничивались тезисом о неотрабо-

15. См.: *Репше Я. Х.* Наши экономические проблемы // *Плановое хозяйство*. 1926. № 2. С. 118, 113, 119.

танности хозяйственного механизма советского общества, не позволяющего пока тонко регулировать спрос и предложение¹⁶ (не говоря уже о том, что начали появляться и прямо апологетические высказывания о целесообразности превышения спроса над предложением).

Итак, товарный голод, выявив глубокие внутренние пороки складывавшейся хозяйственной системы, фактически уже в середине 1920-х годов поставил страну перед выбором: или углубление нэпа в направлении последовательной реализации социально-экономических принципов функционирования рыночного хозяйства, охватывающего все субъекты производственных отношений (как в сельском хозяйстве, так и в промышленности), или выход за рамки нэпа, радикальное изменение логики хозяйственной жизни — утверждение административной системы. Она не решала проблемы дефицита, но в тех условиях обеспечивала определенную стабильность, поскольку давала возможность игнорировать задачу обеспечения экономической сбалансированности. Попытки же устранения возникших противоречий, сохраняя в основном существующую систему «ортодоксального нэпа» путем совершенствования «государственного хозяйственного механизма нэпа»¹⁷, повышения качества экономической системы без глубоких изменений в отношениях собственности (адекватных рынку или администрированию), были обречены на провал.

16. См.: *Базаров В. А.* Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 99.

17. Слова Г. Я. Сокольниковца на выступлении в Комакадемии. (См.: *Вестник Коммунистической академии.* 1926. Кн. XVII. С. 204.)

Прошедшие десятилетия подтвердили, что дефицит в советской экономической системе не является следствием субъективных ошибок и временных трудностей. Иррациональность механизма согласования интересов субъектов экономической жизни, обусловившая несбалансированность всего воспроизводственного процесса, не может, как показала практика, не порождать товарного дефицита. Менялись лишь масштабы этого явления. Преодоление же дефицитной экономики потребовало коренных преобразований в принципах советской социально-экономической модели.

Завершение революции и бюрократическая консолидация: исследования первого послереволюционного десятилетия

ПРОБЛЕМА бюрократизма в советской системе вообще, как и непосредственно связанная с ней проблема бюрократизации экономической системы, основанной на централизованном планировании, всегда привлекала внимание и исследователей, и политиков. В многочисленных публикациях 1920-х годов содержится богатый и интересный материал по вопросам феномена советского бюрократизма и путях борьбы с ним.

Проблема бюрократизма, порожденная практикой самой великой революции, плохо вписывалась в теоретические представления о коммунистической системе, содержащиеся в трудах ее теоретиков и основоположников. Как основоположники марксизма, так и их единомышленники, неоднократно подчеркивали противоположность коммунизма и бюрократизма, а преодоление последнего с утверждением нового способа производства со свойственной ему системой народного самоуправления. Демократизация, подконтрольность всего процесса хозяйственной и политической жизни трудящимися рассматривались как

основное условие преодоления бюрократизма, без чего, в свою очередь, невозможно успешное осуществление задач диктатуры пролетариата. Еще в 1897 году В.И. Ленин писал в этой связи: «Отсталости России и ее абсолютизму соответствует полное бесправие народа перед чиновничеством, полная бесконтрольность привилегированной бюрократии. В Англии есть могучий контроль народа над управлением, но и там этот контроль далеко не полон, и там бюрократия сохраняет немало привилегий, является нередко господином, а не слугой народа. И в Англии мы видим, что сильные общественные группы поддерживают привилегированное положение бюрократии, препятствуют полной демократизации этого учреждения. Отчего это? Оттого, что полная демократизация его лежит в интересах одного лишь пролетариата...»¹.

В том же направлении вели теоретический поиск и другие марксисты. Так, подчеркивая тесную взаимосвязь диктатуры пролетариата с демократизацией общественной жизни, несовместимость авторитарных отношений с социализмом, В. А. Базаров писал: «...Укрепление авторитарных форм, развитие бюрократического управления означает торжество рутины, застойность раз сложившихся форм хозяйственной деятельности. Эта последняя в свою очередь кладет препоны развитию производительных сил труда. Между тем в социалистическом строе в непрерывном повышении производительности труда каждого работника заинтересованы все без различия члены общества»².

1. Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов // Ленин В. И. ПСС. Т. 2. 1967. С. 455–456.

2. Базаров В. А. Анархический коммунизм и марксизм. СПб., 1906. С. 182.

Победа социалистической революции, как казалось, создала политические условия для решения программных задач радикального социально-экономического переустройства России. Главной экономической задачей диктатуры пролетариата провозглашалось построение централизованного планового хозяйства, отрицающего эксплуатацию человека человеком и функционирующего в интересах широких трудящихся масс. В этих целях уже в первые послереволюционные месяцы был осуществлен ряд крупных мероприятий по внедрению новых организационных принципов руководства народным хозяйством. Национализация капиталистической собственности сопровождалась усилиями по созданию единого центра, руководящего развитием всего обобществленного хозяйства, разрабатывающего программы развития его отдельных отраслей и всей страны. В этой же связи ставилась задача создания «везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих, по возможности, все производство и все распределение продуктов...»³.

Но осуществление преобразований, нацеленных на достижение планомерности и централизма в народном хозяйстве, на организацию его по типу «единой фабрики», привело на практике к пышному расцвету бюрократизма во всех сферах жизнедеятельности Советской республики. Рассмотрим вкратце некоторые характерные черты сложившейся тогда хозяйственной системы.

Сразу же произошла чрезвычайная централизация управления производством, которая (в про-

3. Ленин В. И. Чрезвычайный Всероссийский съезд советов 14–16 марта 1918. Резолюция о ратификации Брестского договора // Ленин В. И. ПСС. Т. 36. 1974. С. 122.

мышленности) сосредоточивалась в главках, центрах и производственных отделах ВСНХ. Всего в 1920 году насчитывалось 52 главка, 13 производственных и 8 «смешанных» отделов, которым подчинялись отдельные отрасли промышленности. Система управления была многоступенчатой. Главки представляли собой вертикальные, организационно не объединенные и слабо согласованные друг с другом образования, которые соединялись лишь в самом верхнем звене — центральном аппарате ВСНХ. Низовые организации (предприятия), практически полностью лишенные права принимать самостоятельные решения, были вынуждены по большинству вопросов «подниматься» по всем ступеням иерархической лестницы до вершины главка, затем «опускаться» и вновь «подниматься» до вершины другого главка или центра и т. д. Естественная в подобных условиях бюрократическая волокита усиливалась тем, что главки и центры не могли сколько-нибудь квалифицированно решать все вопросы, которые местные хозяйственные органы должны были с ними согласовывать. Не имея возможности знать реальное положение дел на местах, они предпочитали отмалчиваться, чтобы лишний раз не проявлять свою некомпетентность. Множественность планово-распорядительных органов не могла компенсировать эти недостатки, но лишь закрепляла бюрократическую систему. То тут, то там возникали абсурдные ситуации, свидетельствовавшие об углублении деформаций в экономике. Показателен в этом отношении пример, приводившийся Л. Д. Троцким на IX съезде РКП(б): на Урале «в одной губернии люди едят овес, а в другой, соседней, лошади едят пшеницу, и губпродком не имеет права перебросить пшеницу из одной губернии в другую, обменять пшени-

цу на овес, хотя от этого не было бы ущерба планам Наркомпрода...»⁴

Курс на упрочение централизованного руководства деятельностью низовых звеньев на практике воплощался в стремлении всеобъемлющего жесткого регламентирования из центра распределения по потребителям основной массы (в идеале — всех) продуктов производственного и непромышленного назначения, включая продукцию мелких местных предприятий, остающуюся в ведении губсовнархозов. Фактически планирование оказалось сведенным к централизованному распределению, причем многие видели в этом неотъемлемую черту, если не существо, планового хозяйствования, но отнюдь не крайнюю меру, вынужденную чрезвычайными обстоятельствами гражданской войны. Именно поэтому на определенном этапе становления хозяйственной системы возникла при ВСНХ Комиссия использования, которая мыслилась первоначально как единый плановый орган для всей промышленности, определяющий потребности предприятий в том или ином виде продукции, формирующий соответствующие задания производителям и распределяющий готовые изделия по потребителям с учетом народнохозяйственных приоритетов (распределение продуктов питания находилось в ведении Наркомпрода).

Практическая невозможность реализации данного замысла привела к возникновению большого числа плановых (реально — распределительных) органов, каждый из которых ведал какой-либо относительно узкой группой продуктов. К концу 1920 года в стране насчитывалось 59 органов,

4. Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1960. С. 104.

устанавливающих в общегосударственном масштабе хозяйственные планы, обязательные для всех ведомств (включая комиссариаты), органов в основном междуведомственных и, как писал Ю. Ларин, «не объединяемых никакой системой, никаким единством программы, нагромоздавшиеся друг около друга просто в порядке исторической конкретной случайности»⁵. Тенденция их возникновения прослеживалась совершенно отчетливо: для выработки плана по обеспечению хозяйства какой-то нужной продукцией создавался соответствующий орган, который, как правило, становился междуведомственным, поскольку данная продукция нужна различным ведомствам⁶. В результате лишь усиливалась несогласованность в обеспечении предприятий технологически взаимосвязанными видами ресурсов, но распределяемыми разными комиссиями: необходимый продукт мог быть дефицитен на одном предприятии при его относительном избытке на другом. Бюрократизм с чисто экономической точки зрения ста-

5. Ларин Ю. 59-головая гидра // Экономическая жизнь. 1920. № 252. С. 1.

6. Характерным примером было создание пресловутой организации «чеквалап» (Всероссийской чрезвычайной комиссии по валенкам и лаптям), которая имела целью выработку и осуществление плана заготовки и распределения валенок и лаптей. «А так как общей системы... еще не могло быть, то, чтобы за одни валенки не хватался каждый государственный орган, которому они нужны... то и самый „чеквалап“ неизбежно приходилось строить в качестве междуведомственного. Раз народившись, он начинал затем почковаться, покрывал всю Россию „губчеквалапами“ и сам уже начинал посылать представителей в новые междуведомственные комиссии, продолжавшие нагромождаться друг на друга по разным конкретным поводам. Так и народилось постепенно наше „всероссийское чеквалапство“» (Ларин Ю. 59-головая гидра).

новился фактором воспроизводства диспропорциональности в хозяйственной жизни страны.

Все это, вместе взятое, означало бюрократизацию планового хозяйствования, то есть отчуждение аппарата управления от реального хозяйственного процесса и широких масс трудящихся от возможности активно влиять на его организацию, что, в свою очередь, вело к зарождению идеологии планового фетишизма с типичным для него представлением о том, что главное для решения возникшей проблемы — разработать соответствующий план. Составление «наверху» разнообразных планов и программ, выполнявшихся обычно на 5–10%, при одновременном падении инициативы «низов» (непосредственных производителей), их незаинтересованность в результатах своего труда⁷ были наиболее опасными проявлениями бюрократизма.

Нарастание волны бюрократизма сразу же получило отражение в партийной литературе. В ней содержатся первые попытки вскрыть корни этого явления, наметить какие-то способы борьбы с ним. Так, В. Милютин, рассматривая вопросы «правильного конструирования аппарата экономического управления», писал: «Наиболее важная, существенная задача состоит в том, чтобы сделать этот аппарат органически спаянным с пролетарскими массами, лишить его бюрократического характе-

7. «Падение всякой инициативы у работников на местах, бюрократическая „волокита“, зависимость в смысле снабжения всеми средствами производства от центра, невозможность влиять на центр, естественно, должны были вызвать реакцию на местах, сказавшуюся в падении интереса к своему делу», — писал о том периоде Н. В. Святицкий (Организация российской государственной промышленности. М., 1924. С. 6).

ра, поставить его так, чтобы рабочая масса была хозяином его работы, участвовала бы в ней. Опыт показал, что советские организации зачастую легко превращаются в бюрократические, проникнутые чиновничьим духом учреждения, с обычной для последних оторванностью от жизни, бумажной волокитой и чисто ведомственными интересами»⁸.

VIII съезд РКП(б), определяя бюрократизм как «чужеродный элемент» советской системы, связанный с низкой культурой широких масс, отсутствием у них опыта управления, с необходимостью привлекать в аппарат старых чиновников, предложил ряд организационно-политических мер, среди которых: орабочивание управленческих центров, привлечение всех членов Советов к выполнению определенной управленческой работы, постепенное вовлечение в нее всего населения, регулярные встречи коммунистов со своими избирателями, посещение ими заводов, выполнение в своем районе партийной работы и т. д.

На IX съезде РКП(б) отмечалась неэффективность антибюрократической деятельности, анализировались, хотя и в общих чертах, экономические проблемы бюрократизма. Его преодоление связывалось с усилением гибкости и изменением оргструктуры аппарата, отходом от «сверхцентрализации главкизма». Острота постановки этой проблемы ярко проявилась в ленинских «Замечаниях к проекту тезисов Троцкого „Очередные задачи хозяйственного строительства“»: «Борьба против спекуляции и волокиты, а равно и бюрократизма должна быть поставлена на первый план»⁹. В пе-

8. Милютин Вл. Экономическая программа коммунистов // Народное хозяйство. 1919. № 4. С. 4.

9. Ленин В. И. Замечания к проекту тезисов Троцкого «Очеред-

риод «военного коммунизма» проблемой бюрократизма был, по сути дела, поставлен вопрос о способности новой власти обеспечить эффективное руководство в политической и в экономической сферах. О глубине и сложности этой проблемы свидетельствуют и данные о социальной структуре компартии на начало 1920-х годов: 50 тыс. рабочих в производстве, 100 тыс. рабочих, занятых в государственных, профессиональных и партийных органах, 200 тыс. представителей крестьянства и интеллигенции¹⁰. Аппарат управления составил к этому времени 1–1,5 млн человек. Рабочие, приходившие в аппарат для его дебюрократизации, легко «перемалывались» им, интегрировались в него, что вело к усилению этого аппарата, к углублению разрыва между ним и непосредственными производственными ячейками.

Типичный для периода «военного коммунизма» подход к пониманию причин расцвета бюрократизма Советской России содержится в работах Л. Д. Троцкого, относящихся к 1920 году¹¹. Для него характерны две предпосылки. Во-первых, отождествление бюрократизма с профессиональным управлением и отсюда — выдвигание задачи ликвидации его плохих сторон (волокиты, формализма) и усиление хороших (к которым относились точная иерархия взаимоотношений, выработанные долгой практикой приемы работы и др.). Во-вторых, признание недостаточности объяснения этой проблемы исключительно влиянием бур-

ные задачи хозяйственного строительства» // Ленин В. И. ПСС. Т. 40. 1974. С. 190.

10. См.: Крицман Л. Три года новой экономической политики пролетариата СССР. М., 1924. С. 38.

11. См.: Троцкий Л. Путь к единому хозяйственному плану // Экономическая жизнь. 1920. № 251, 252, 253.

жуазных специалистов, попытка выявить ее более глубокие корни.

Причину бюрократизма Л. Д. Троцкий видел, прежде всего, в отсутствии единого хозяйственного плана, который давал бы соответствующий ориентир работе ведомств: «...Единство аппарата, при отсутствии хозяйственного плана и необходимых для него условий, не могло не породить опасность удушающего бюрократического централизма». Обращалось внимание также на подавление инициативы местных органов из-за отсутствия в хозяйственной жизни необходимых организационных предпосылок и соответствующего законодательства. Несовершенство организационной структуры делало неизбежной волокиту, в результате чего местные органы постоянно стояли перед дилеммой — решать возникающие вопросы оперативно, но в обход законодательства, или по закону, но при длительных согласованиях. Вынужденное балансирование между волокитой и самоуправством рассматривалось как результат несоответствия между фактической хозяйственной работой, государственным аппаратом и декретом.

Объясняя бюрократизацию экономической жизни отсутствием единого хозяйственного плана, несовершенством сложившейся системы управления и действующего законодательства, Л. Д. Троцкий квалифицировал это явление как «острую болезнь роста», которую нельзя побороть лишь усилением деятельности рабоче-крестьянской инспекции, поскольку речь должна идти «вовсе не об изобличении и пресечении, а о построении правильно и согласованно действующей хозяйственной организации на новых началах». В качестве необходимого условия решения этой проблемы рассматривалось, во-первых, усиление органов междуведомственно-

го регулирования производства и создание единого центра (единого аппарата), вырабатывающего единый хозяйственный план. Во-вторых, перераспределение функций хозяйственного управления путем передачи ряда функций областным и местным органам, расширение их самостоятельности в целях повышения гибкости аппарата управления. В-третьих, усовершенствование хозяйственного законодательства, отражение в нем соответствующих изменений в организации управления.

Оценивая подобные предложения, выдвигавшиеся различными авторами на рубеже 1920–1930-х годов, можно заметить, что борьба с бюрократизмом связывается в них с осуществлением ряда мер почти исключительно организационного характера. Стремление решать экономические проблемы с помощью лишь организационных изменений в системе управления было весьма типично для периода «военного коммунизма» и, пустив тогда глубокие корни, регулярно и настойчиво заявляло о себе на всех последующих этапах развития страны. Между тем проблема бюрократизации планового хозяйствования отнюдь не являлась чисто управленческой (организационной). Она была в первую очередь социально-экономической, то есть требовала коренной перестройки хозяйственной системы, сложившейся за годы «военного коммунизма». Борьба с бюрократизмом не могла быть эффективной на путях изменения функций органов управления и перераспределения прав между различными «этажами» управленческой иерархии, поскольку оно (перераспределение прав) не затрагивало экономического положения непосредственных производителей (рабочих и их коллективов, крестьянских дворов и других) как реальных субъектов производственных отношений,

не вносило изменений в механизм реализации их интересов, тогда как именно интересам производителей в наибольшей мере присуща антибюрократическая направленность.

* * *

Переход к новой экономической политике привел к активизации дискуссий по вопросам оценки накопленного опыта осуществления революционных преобразований, понимания роли и задач нэпа, а также перспектив развития советской экономики. Анализ экономической литературы начала 1920-х годов позволяет проследить формирование двух принципиальных подходов к пониманию тенденций социалистического строительства и, соответственно, к изучению процессов ее бюрократизации. Рассмотрим эти два подхода более подробно.

Один из них отражает в основном развитие тех представлений о социализме, которые получили практическое воплощение в эпоху «военного коммунизма» (1918–1920). Наиболее последовательно и целостно он представлен в работах Л. Н. Крицмана, активно участвовавшего в организации советского народного хозяйства в первые послереволюционные годы и анализировавшего этот опыт в своих многочисленных статьях и книгах.

В основе его анализа лежала оценка экономики «военного коммунизма» как первой попытки практического осуществления коммунистических принципов организации хозяйственной жизни, как первого, грубого наброска будущего коммунистического хозяйства, как «предвосхищения будущего, прорыв этого будущего в настоящее»¹². Высокая

12. Крицман Л. Героический период великой русской революции. М.: Госиздат, 1925. С. 75.

степень централизации руководства экономикой, жесткая отраслевая (вертикальная) иерархия как принципиальная черта организации производства, формирование отраслевых государственных монополий, отсутствие самостоятельности низовых звеньев, натурализация хозяйственных связей и обеспечение на этой основе их планомерного характера — таковы в этой модели неперенные атрибуты высокоорганизованной экономики будущего, преодолевающей анархию рыночного хозяйства, где действует множество самостоятельных субъектов. На место рыночной стихии приходит планомерность, при которой действия отдельных ячеек перестают определяться ими самими, «общественное разделение труда сменяется по всей линии техническим», в результате чего «общественное хозяйство в целом становится сознательным, ведется по определенному расписанию, по установленному наперед плану»¹³. План, представляющий собой расписание того, «кто (то есть какой орган), что и в каком размере должен производить», отрицает личную инициативу (и фактически личный интерес) как категорию мелкотоварного хозяйства¹⁴.

Практическая реализация подобной системы натурально-планомерного централизма как прообраза будущих производственных отношений сразу же встретила резкое противодействие реальных условий хозяйственной жизни, которое Л. Н. Крицман объяснял неподготовленностью почвы предшествующим строем (капитализмом), выразившейся в недостаточном развитии крупной индустрии, и сохранением существенной роли мелкого производства как в промышленности, так и особен-

13. Там же. С. 115.

14. Там же. С. 115, 143.

но в сельском хозяйстве. Попытки включения мелкого производства в жестко централизованную систему повлекли «сопротивление материала», проявившееся в падении производительных сил и повлекшее за собой серьезные извращения внутренних отношений самой «пролетарско-натуральной системы», прежде всего бюрократизм¹⁵.

Анализируя корни этого явления, Л. Н. Крицман особо выделял следующие моменты. Во-первых, увлечение формальной стороной национализации, выход ее за пределы крупного хозяйства, что вело к перегрузке системы управления и делало «невозможной действительную не бумажную только связь с отдельными хозяйственными единицами, вынуждавшей потому к чисто бумажному подходу к делу уже в силу одного чрезмерного обилия дел и невозможности их разрешить на основе интимного знакомства с ними, на основе детального анализа каждого из них». Во-вторых, выход революции за пределы непосредственно стоящих перед ней задач, создание новой хозяйственной системы при сохранении еще многих старых организационно-политических структур, несоответствие между задачами нового государственного аппарата и его личным составом, включающим большей частью буржуазную интеллигенцию, старых специалистов с их «бумажным отношением к делу и невни-

15. «Попытка вовлечения мелкого хозяйства в пролетарско-натуральную систему хозяйства, создавая подпольный рынок, не только непрерывно разъедала эту систему, превращая ее работников при помощи взяток в агентов подпольного рынка, она приводила к извращению и внутренних отношений этой системы. Основным извращением внутренних отношений пролетарско-натурального хозяйственного строя является его бюрократизм» (*Крицман Л. Героический период... С. 143*).

мательностью и неприязнью к простому люду»¹⁶. В-третьих, низкая общая культура основных масс населения — и управляющих, и управляемых.

Итак, главный вывод, который следует из всей логики этого анализа: причины бюрократизма, равно как и других извращений, кроются не в самих тенденциях хозяйственной системы «военного коммунизма», а в условиях их осуществления. Новая экономическая политика является в этой логике «вынужденным отступлением», и перспектива строительства социализма связана с созданием необходимых условий для возвращения к принципам организации хозяйственной жизни, первый опыт реализации которых относится к 1918–1920 годам.

Принципиально иной подход к анализу проблемы бюрократизма в плановом хозяйстве содержится в работах А. М. Кактыня, А. М. Гинзбурга, В. А. Базарова, В. Н. Сарабьянова и ряда других исследователей 1920-х годов. Не привнесенные откуда-то извне извращения изначально прогрессивной системы централизованного хозяйствования первых послереволюционных лет, но тип централизма, анализ его внутренней логики прежде всего интересуют названных авторов. В их работах ведется поиск такого механизма, в котором централизованное планирование органически сочеталось бы со всемерным развитием инициативы, творческой активности и личной заинтересованности хозяйствующих субъектов.

Этот анализ позволял сделать вывод, что факт победы революции и утверждения «государства диктатуры пролетариата» сам по себе не является достаточным условием, позволяющим избежать ряда отрицательных черт, свойственных и капита-

16. Крицман Л. Героический период... С. 143–145.

листическому государственному хозяйству. «Ахиллесовой пятой государственного хозяйства до сих пор всегда и везде была склонность к бюрократизму и чрезмерной централизации. Преодоление этой тенденции составляет одну из важнейших проблем управления государственной промышленностью... — писал А. М. Гинзбург. — Основной принцип хозяйственной деятельности — экономия труда — может быть проведен с наибольшим успехом в жизнь там, где оставлен достаточный простор для личной заинтересованности... Сосредоточив в своих руках чуть не все производительные силы страны, советское хозяйство должно было найти такие формы управления, которые обеспечили бы, наряду с единством и планомерностью руководства, максимальную свободу хозяйственного творчества. Но эта задача могла быть не только разрешена, а даже осознана лишь в результате длительного тяжелого опыта»¹⁷. Под длительным и тяжелым опытом функционирования подобного государственного хозяйства подразумевались прежде всего три года «военного коммунизма», система которого с этих позиций рассматривалась как «бюрократический путь к социализму», приведший к кризису начала 1921 года. «Историкам в свое время придется разрешить вопрос о том, насколько правилен был вообще наш бюрократический путь перехода к социалистическим формам управления хозяйством, теоретически совершенно несовместимым с подобным бюрократизмом», — так ставил вопрос А. М. Кактынь в своей работе 1922 года¹⁸.

17. Законодательство о трестах и синдикатах / А. М. Гинзбург (ред.). М.: Изд-во ВСНХ, 1926. С. LIV-LV.

18. Кактынь А. Очерки по организации народного хозяйства. М., 1922. С. 14.

Каковы те экономические условия, при которых централизм и плановость не ведут к бюрократизации и застою? Как в условиях доминирования государственной собственности обеспечить развитие личного творчества, инициативы, приспособления к окружающей среде, то есть реализовать те качества, которые, по мнению некоторых теоретиков, являлись исключительными чертами частной собственности? Политический ответ был сформулирован основоположниками марксизма — переход власти в руки самих трудящихся создает условия для решения этой задачи. Жизнь потребовала ответа непосредственно в хозяйственной сфере.

Фактически ответ был дан в логике рыночного социализма, хотя самого термина этого тогда еще не существовало: в основе хозяйственной системы социализма должны лежать не административные, а экономические методы управления. Так писал, например, А. М. Кактынь, и именно в этом, а не во временном отступлении, не в допущении капиталистических элементов видел он глубинную сущность нэпа. «Новая экономическая политика выдвигает в противовес прежним, преимущественно административным методам регулирования (управления) хозяйством, методы экономические, испытанные на опыте финансового капитала в передовых капиталистических странах»¹⁹. Совпадение же эволюции с действительным усилением роли капиталистических элементов, писал далее А. М. Кактынь, «отнюдь не должно приводить нас к выводу, что эти экономические формы и методы регулирования хозяйства свойственны лишь капитализму и что социализм... может производить это регулирование лишь самым грубым админи-

19. Кактынь А. Очерки по организации... С. 22.

стративно-бюрократическим способом, подавляя всякую частную инициативу и т. д. Такое мнение было бы величайшим заблуждением или тенденциозной подменой настоящего развитого социализма первыми грубыми, неразвитыми, извращенными войной зачатками его»²⁰.

Отказ от «главкистской централизации», ликвидация «карточно-плановой» системы снабжения, обеспечение на деле широких прав трестов, последовательное внедрение хозяйственного расчета, усиление роли действительно общехозяйственных, а не ведомственных органов управления (СТО, Госплан, Госбанк), преодоление внутри них самих ведомственных тенденций — осуществление этих преобразований рассматривалось в качестве важнейших шагов на пути к социалистическому хозяйству, чуждому бюрократизму²¹.

Особое место занимал вопрос о предотвращении бюрократизации планирования²². С одной стороны, имелось в виду достижение такой системы планирования, которая сама по себе могла бы быть фактором, противодействующим бюрократическим тенденциям в централизованном хозяйстве, где в руках государства, его аппарата управления сосредоточена огромная власть. С другой стороны, шел поиск механизмов функционирования эко-

20. *Кактынь А.* Очерки по организации... С. 29.

21. Антибюрократическая направленность подобных мер наглядно подтверждается неоднократно отмечавшимся в литературе 1920-х годов сильным противодействием, которое испытывало осуществление многих мероприятий нэпа со стороны молодого, но уже сплоченного бюрократического аппарата.

22. «Самая большая опасность, это — забюрократизировать дело с планом государственного хозяйства», — писал В. И. Ленин Г. М. Кржижановскому (*Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. 1970. С. 76).

номики, которые не допускали бы бюрократизации самого плана. Стремление к анализу интересов, а не собственно бюрократических процедур выгодно отличают эти работы от публикаций последующих периодов, когда проблема была сведена к критике отдельных организационных или субъективных упущений, к недостаточному знанию плановиками хозяйственной жизни, к недоучету ими инициатив трудящихся.

Будучи социалистическими романтиками, эти авторы видели путь укрепления плановой экономики в последовательном осуществлении принципов новой экономической политики. Именно тогда был выдвинут тезис о взаимосвязи децентрализации управления и укрепления централизма в планировании. Разумеется, понимание сущности последнего принципиально отличалось от представлений, опиравшихся на практику «военного коммунизма». Трактовке планирования как «административных расписаний и предписаний», заранее определяющих параметры работы всех ячеек народного хозяйства, противопоставлялись регулирование в народнохозяйственных интересах деятельности самостоятельных предприятий, создание условий для достижения определенных народнохозяйственных целей. Предполагалось, что возможность самостоятельного принятия решений предприятиями при полной экономической ответственности создает условия для широкого развития инициативы самих трудящихся и не позволит плану превратиться в оторванный от реальных потребностей бюрократический документ. «Плановое начало, — писал А. М. Гинзбург, — ...ни в коем случае нельзя представлять себе как совокупность разработанных схем, которые во что бы то ни стало должны быть навязываемы жизни... Составление

и утверждение хозяйственных планов не должно убивать хозяйственную самостоятельность тех первичных ячеек, которые призваны проводить план в жизнь... Если производственная программа промышленности осуществляется независимо от конкретного состояния рынка сырья или от колебаний сбыта, то это часто дает гораздо более отрицательные результаты, чем неисполнение производственной программы в заданном объеме. Лишенные оперативной самостоятельности, низшие хозяйственные органы вынуждены были бы по всем поводам, и существенным, и несущественным, апеллировать к вышестоящим и строить работу не на основании реального опыта жизни, а на основе часто нежизненных схем, предписываемых сверху. Если бы работа низших ячеек во всех ее деталях была поставлена в зависимость от разрешения центральных органов, последние оказались бы загруженными сверх всякого предела и сверх всякой меры... Бюрократический аппарат в Центральном управлении разросся бы до колоссальных размеров, подавляя самостоятельность и хозяйственную ориентировку непосредственно хозяйствующих ячеек»²³.

В этом высказывании подмечен ряд принципиальных черт административной модели планирования, обусловивших в дальнейшем быстрое нарастание и укрепление имманентного этой модели планового фетишизма. Прежде всего, речь идет о своеобразном удвоении хозяйственной действительности, о возникновении ситуации, когда экономическое положение предприятия начинает в решающей мере зависеть не от его собственной производственно-хозяйственной активности, не от удовлетворения запросов контрагентов,

23. Законодательство о трестах и синдикатах. С. XII—XIII.

а от выполнения «спущенных» директив безотносительно к обоснованности последних. Возникает некоторая «плановая действительность», оторванная от реальных процессов, но порождающая системы иллюзорных потребностей и целей и подчиняющая им функционирование народного хозяйства. В этих условиях содержание, естественно, подменяется формой, и плановая дисциплина превращается в дисциплину показателей или, как пишет А. М. Гинзбург, происходит гипертрофия «бюрократической дисциплины по всей линии хозяйственной иерархии»²⁴.

Обеспечение положения предприятия как самостоятельной хозрасчетной ячейки являлось лишь одной стороной в системе мероприятий по предотвращению бюрократизации планирования. Не менее важную роль должно было сыграть и коренное изменение положения центральных планово-экономических органов, прежде всего Госплана, а также роли разрабатываемых им документов. Не унаследует ли он черты пресловутой Комиссии использования? Этот вопрос, хотя зачастую и в неявной форме, тревожил тогда многих. Показательно следующее рассуждение А. М. Кактыня: «Госплан должен, в целях достижения единства и систематичности в работе, сохранить за собой лишь функции плановые; в противном случае он превратится в расплывчатый, хаотический орган, куда будут ходить все и за всем, не находя в то же время полного удовлетворения; ибо заменить собою все ведомства по части знания практики дела и осведомленности о ходе работы оперативных органов Госплан, конечно, не может»²⁵.

24. Законодательство о трестах и синдикатах. С. XIII.

25. *Кактынь А.* Очерки по организации... С. 21.

Сотрудники Госплана во главе с Г. М. Кржижановским стремились в тот период не дать ему увязнуть в решении массы частных ведомственных вопросов и согласований, обеспечить на деле надведомственный характер этого органа, сосредоточить его деятельность на разработке принципиальных, узловых проблем развития народного хозяйства страны. Генеральный и перспективный (пятилетний) планы, контрольные цифры на год и постановка конъюнктурных наблюдений — такие основные задачи были сформулированы в начале 1926 года на съезде плановых органов. Но в любом случае Госплан должен был выступать как орган, формирующий экономическую политику, а не как разработчик директивных указаний в адрес различных хозяйственных ведомств и организаций. Насколько подобные принципы реализовывались на практике — вопрос особый, но ясно, что они вытекали из логики экономических методов хозяйствования и, следовательно, из логики новой экономической политики при условии последовательного ее осуществления.

Между тем широкое распространение получил и принципиально иной подход к пониманию этих вопросов. Весьма показательны некоторые эпизоды полемики вокруг подготовленных Госпланом СССР контрольных цифр народного хозяйства на 1925/1926 год. Первые контрольные цифры действительно имели ряд существенных недостатков, вполне объяснимых и отсутствием опыта их разработки, и несовершенством методологии, и отсутствием исходной информации надлежащего качества. Однако, помимо всего прочего, ряд хозяйственных руководителей высокого ранга подвергли их резкой критике за то, что они не дают конкретных заданий отдельным отраслям про-

мышленности и производствам, не носят по отношению к последним директивного характера. Отвечая на эти упреки, С. Г. Струмилин подчеркивал, что Госплан и не ставил перед собой такой задачи: «Конечно, для многих ведомств это было бы большим облегчением получить без всяких усилий со своей стороны вполне готовый план с детальнейшими заданиями по каждой группе производств, по каждому тресту. Но недаром же нас неоднократно предостерегал В. И. Ленин от бюрократизации планов. Легко себе представить, что это за архибюрократическое произведение получилось бы, если бы Госплан СССР вздумал взять на себя роль всесоюзной няньки...»²⁶ По мнению авторов контрольных цифр, их основная роль состояла в разработке общей картины развития народного хозяйства и вытекающих отсюда основных мероприятий экономической политики. Задания, о которых говорилось в контрольных цифрах, были заданиями государству в виде комплекса взаимосвязанных мероприятий экономической политики на предстоящий период.

В этой связи интересны соображения В. Н. Сарабьянова относительно перспектив развития плановой системы при социализме. Подчеркивая, что главкизма управления и централизма снабжения не будет знать не только переходный период, но и сам коммунизм, что нельзя управлять из центра общественным производством, базирующимся на высокоразвитой и постоянно развивающейся технике, он связывал создание свободной от бюрократизма системы планового управления с всемерным развертыванием самоуправленческих начал.

26. Струмилин С. Г. В защиту контрольных цифр Госплана // Плановое хозяйство. 1925. № 10. С. 9.

Последовательное проведение этой идеи подвело его к следующей гипотезе: «В будущем коммунистическом обществе Госплан будет, скорее всего, ученым органом, публикующим свои соображения... к сведению, но не к обязательному выполнению»²⁷.

Впрочем, практическое решение проблемы бюрократизма не зависело, да и не могло зависеть непосредственно от результатов научных дискуссий между представителями различных направлений. И это понятно, поскольку проблема бюрократизма — в первую очередь проблема социально-политическая. Будущая динамика этой проблемы — разрастание или ослабление бюрократизма, характер и последовательность мер по его преодолению — является функцией складывающейся в обществе системы социально-политических отношений. Быстрое свертывание нэпа на рубеже 1920–1930-х годов и утверждение безраздельного господства государственной собственности и бюрократического централизма, создав условия для концентрации и политической, и экономической власти в руках бюрократического аппарата управления, решили рассматриваемый нами вопрос однозначно — в течение последующих десятилетий борьба с бюрократизмом была борьбой с его последствиями, с некоторыми наиболее одиозными проявлениями, но не с его корнями. А социалистические критики советской модели объясняли произошедшее естественным термидорианским перерождением режима.

27. См.: *Сарабьянов В.* Основные проблемы НЭПа: план, регулирование, стихия. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. С. 192, 192.

Раздел III
*Российская
посткоммунистическая
трансформация
как революция*

Революционный характер посткоммунистической трансформации в России

8.1. Посткоммунистическая трансформация: общее и особенное

ОСОБЕННОСТЬ преобразований, осуществлявшихся в России с конца 1980-х до начала 2000-х годов, состоит в переплетении нескольких различных, хотя и взаимосвязанных кризисов, и, соответственно, нескольких трансформационных процессов. Речь идет, во-первых, о структурном кризисе индустриального общества, столкнувшегося с постиндустриальными вызовами; во-вторых, о макроэкономическом (финансовом) кризисе; в-третьих, о кризисе советской экономической и политической модели (собственно посткоммунистическая трансформация), что было характерно для всех вышедших из коммунистической системы стран, и, в-четвертых, о революционном характере этой трансформации. В России, которой коммунистическая система не была навязана извне, а стала результатом внутренней логики развития страны, трансформация происходила в форме полномасштабной революции, что во многом предопределило специфику ее посткоммунистического перехода. Именно этот фактор отличает Россию от большинства других посткоммунистических стран.

В кризисе 1990-х годов прослеживается целый набор черт и закономерностей собственно посткоммунистической трансформации. Все они являются стандартными и могут быть так или иначе обнаружены при анализе развития событий во всех странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Анализу их опыта посвящено большое число исследований¹. Так или иначе эти характеристики (закономерности, тенденции) описываются в терминах «вашингтонского консенсуса» с добавлением к традиционной интерпретации этого понятия набора структурных и институциональных реформ². Перечислим их коротко.

Во-первых, либерализация цен и преодоление товарного дефицита. Здесь надо особо отметить, что либерализация в посткоммунистическом мире не является данью идеологии или копированием чьего-то опыта. Необходимость либерализации естественным образом вытекает из исключитель-

-
1. См., например: *Fisher S., Sahay R., Vegh C. A. Stabilization and Growth in Transition Economies: The Early Experience* // *Journal of Economic Perspectives*. 1996. Vol. 10. No. 2; *Blanchard O., Froot K., Sachs J.* (eds). *The Transition in Eastern Europe*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
 2. Понятие «вашингтонский консенсус» появилось в ходе дискуссии в Вашингтонском Institute for International Economics в выступлении одного из ведущих в то время сотрудников Института Джона Вильямсона. (*Williamson J.* (ed.) *Latin American Adjustment: How Much Has Happened*. Washington D.C.: Institute for International Economics. 1990). Проблемы «поствашингтонского консенсуса» вообще и применительно к посткоммунистическим странам рассмотрены в выступлении Джозефа Стиглица (*Stiglitz J. More Instruments and Broader Goals: Moving toward the Post-Washington Consensus*. Helsinki: UDU/Wider, 1998; также см.: *Вульфенсон Дж. Д.* Другой кризис: Выступление перед Советом управляющих. Вашингтон, IBRD, 1998).

ной централизации и жесткого администрирования советской хозяйственной системы и в этом отношении непосредственно связана с демократизацией политической системы.

Во-вторых, сам кризис централизованной системы делает быструю либерализацию неизбежной и жизненно необходимой. Более того, в странах, в которых экономический кризис советской системы достигал особой остроты, промедление с либерализацией было чревато продовольственным и энергетическим кризисом по причине полной разбалансированности хозяйственных связей. Именно поэтому наиболее резкие шаги в сторону либерализации были сделаны в странах, испытавших наиболее острый кризис при выходе из коммунистической системы (в России и в Польше). В этом отношении можно утверждать, что радикальная либеральная политика всегда является вынужденной мерой, к которой прибегают лишь тогда, когда все другие ресурсы стабилизации ситуации оказываются исчерпанными.

В-третьих, либерализация (прежде всего внешнеэкономических связей) является естественной реакцией на сверхмонополизацию экономики советского типа. Последняя строилась в логике индустриализма по принципу «единой фабрики» и в силу этого не обладает достаточными внутренними ресурсами для конкуренции.

Следующей, четвертой, закономерностью является приватизация. В сущности говоря, этот комплекс мероприятий также является естественной формой реакции на тотальное огосударствление коммунистической системы и в принципе имеет целью повышение эффективности функционирования экономики. Однако и практические результаты приватизации существенно различаются

в России и в странах ЦВЕ. О причинах этого будет сказано ниже.

Практика всех стран показывает, что решение либерализационных задач предшествует приватизации. Хотя в теоретических работах и программах по посткоммунистической трансформации нередко можно прочесть о предпочтительности проведения приватизации до либерализации (особенно до либерализации цен), опыт всех посткоммунистических стран не подтверждает подобный вывод.

Стандартной для большинства стран является и проблема неплатежей как реакция фирм на либерализацию. В странах с сильной макроэкономической разбалансированностью хозяйственной системы уровень неплатежей доходил до 20% ВВП, но затем, по мере финансового оздоровления, снижался.

Все страны продемонстрировали и монетарную природу высокой инфляции. Споры о немонетарной природе инфляции, столь популярные в начале 1990-х годов, на сегодня почти везде прекратились. Другое дело, что со снижением инфляции до уровня ниже 40% годовых появляются дополнительные (структурные) факторы, обуславливающие рост цен.

Наконец, практически во всех странах экономический рост начинается при понижении инфляции до уровня менее 40% годовых и снижении реальной ставки процента до 10%. Именно это произошло в России в 1997 году.

По мере становления рыночной экономики существенную роль приобретают собственно институциональные факторы. Создание эффективных прав собственности оказывается ключевым в этом отношении. Правда, почти всегда возникает конфликт между фискальной и экономической зада-

чами приватизации, разрешение которого в значительной степени зависит от общих условий развития данной страны — стабильности денежной политики, остроты бюджетного кризиса, а также от наличия или отсутствия политической стабильности и национального консенсуса относительно целей осуществляемых реформ.

Вместе с тем российская трансформация обладает рядом специфических черт, которые заставляют говорить о ее особом характере. Причем этот особый характер проявляется по крайней мере в двух отношениях.

С одной стороны, налицо бо́льшая длительность решения тех или иных экономических задач. Все происходит сложнее, все решения носят отложенный характер. Хотя было бы неверным утверждать, что все это является какой-то особой спецификой России. Отложенный характер стабилизации вообще является хорошо известной проблемой из опыта многих латиноамериканских стран и связан с отсутствием достаточно влиятельной коалиции антиинфляционных сил (об этом см. далее).

С другой стороны, срыв в инфляционную спираль (или, если угодно, к политике популизма), что также является достаточно изученным феноменом — и по опыту Латинской Америки, и по опыту Болгарии и Украины.

Впрочем, названные факторы неустойчивости развития России в конце XX века предопределяют лишь тактические проблемы и, по сути, еще не выводят страну за рамки стандартных посткоммунистических закономерностей. Главной особенностью посткоммунистической России являлся революционный характер. Этот вывод имеет не политическое, а методологическое значение. Как было показано выше, преобразования такого типа имеют

ряд важных особенностей, без учета которых практически невозможно ни сформировать реальную картину преобразований, ни оценить возможные (а не просто желательные) альтернативные варианты развития событий.

8.2. Закономерности революции в России конца XX века

Из сказанного выше следует, что развитие России в конце XX века необходимо анализировать в контексте других великих революций прошлого, и это сопоставление дает многое для лучшего понимания как особенностей развития посткоммунистической России, так и для осмысления других революций.

Освобождение от коммунизма в большинстве стран Центральной и Восточной Европы вряд ли можно рассматривать как серию революций в строгом смысле этого слова. В подавляющем большинстве случаев общество и элита не были расколота по базовым ценностям. Какими бы глубокими ни были у них внутренние конфликты, все они стремились обрести место в объединенной Европе. Соответственно власти не теряли контроль за социально-экономическими процессами.

Революционный характер перехода обусловлен не кризисом коммунистической модели, а механизмом адаптации страны к вызовам постиндустриальной эпохи. Как выход из коммунизма, так и характер этого выхода предопределяются рядом конкретных экономических, политических и историко-культурных факторов. В самом общем виде можно сказать, что СССР не обладал необходимым адаптационным потенциалом для того, чтобы эво-

люционно пройти через кризис индустриального общества.

Это касается, прежде всего, логики развертывания кризиса советской системы, движения его от одной фазы к другой. Уже упоминавшаяся книга Крейна Бринтона «Анатомия революции»³, написанная в 1930-е годы и посвященная сравнительному анализу английской, американской, французской и русской (большевистской) революций, если бы была своевременно (в конце 1980-х годов) переведена и издана в СССР, могла бы стать настольным пособием по политическому прогнозированию. Схожесть фаз, специфики политической борьбы, экономических процессов прошлого и нашего настоящего была просто удивительной и весьма полезной для осознания характера и направления осуществляемых перемен. Аналогии, разумеется, ничего не доказывают. Однако они позволяют увидеть проблему и поставить вопрос о механизмах возникновения подобных аналогий.

Представленное в первом разделе настоящей книги понимание революции позволяет сделать ряд важных выводов.

Понимание революции как определенного механизма трансформации само по себе никак не облегчает задачу прогноза начала соответствующих преобразований. Неспособность специалистов предсказать близкий крах советского коммунизма является довольно типичной для аналогичных ситуаций в прошлом⁴. Но точно такие настроения

3. См.: *Brinton C. The Anatomy of Revolution. N. Y., 1965.*

4. В вышедшем в 1989 году втором издании книги Дж. Данна «Современные революции» говорится о невозможности революционной трансформации коммунистических стран (см.: *Dunn J. Modern Revolutions. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 22).*

господствовали незадолго до всех великих революций прошлого — от английской до большевистской. Не то чтобы никто не ожидал перемен, предчувствие перемен как бы носилось в воздухе, но никто не мог спрогнозировать механизм этих перемен, их стихийный, неконтролируемый властями характер.

Существует и важная особенность, отличающая российскую трансформацию от других великих революций прошлого. По сути, мы имеем дело с первой полномасштабной революцией, происходящей в условиях кризиса индустриализма и перехода к постиндустриальному обществу, в стране с подавляющим преобладанием городского населения, с высоким уровнем образования и культуры. При всех материальных проблемах уровень благосостояния россиян несопоставим с аналогичными показателями революций прошлого. Это накладывало существенный отпечаток на протекание современной революции, хотя и не могло изменить базовые характеристики революционного механизма.

Напомним, что революция как определенный способ трансформации общественно-экономической системы характеризуется набором ряда признаков, среди которых главными являются следующие.

Во-первых, системный характер, преобразований, их глубина и радикальность. Справедливость этого тезиса применительно к России вряд ли нуждается в особом обосновании. Правда, это приложимо и к другим посткоммунистическим странам. Впрочем, глубину преобразований, происходящих в ходе революции, не следует и переоценивать.

Во-вторых, революционная трансформация обусловлена внутренними факторами развития той или иной страны. Она не может быть навязана извне. Это предрешает определенную политическую

и идеологическую среду революции, когда вместе с разрушением государства рушатся и казавшиеся незыблемыми ценности (будь то святость монархии, единство нации или мессианская роль мирового коммунизма). И это уже существенно отличает российскую ситуацию от других посткоммунистических стран, в которых, по сути, произошло освобождение от режима, навязанного извне, то есть оккупационного, а потому имело результатом возникновение устойчивого национального консенсуса. В России же, для которой посткоммунистические преобразования стали и временем крушения империи, характерной чертой стала как раз утрата национального консенсуса по базовым ценностям.

В-третьих, слабое государство. Революция характеризуется отсутствием сильной политической власти, способной консолидировать осуществление системных преобразований. Именно слабость власти предопределяет резкое усиление в революционном обществе стихийности осуществления социально-экономических процессов, с одной стороны, и появление по этой причине некоторых закономерностей революционной трансформации, с другой стороны.

Последний фактор является критически важным. На самом деле именно кризис и последующий за ним распад государственной власти делает практически неизбежным трансформацию общества по революционному (а не реформистскому) типу. Радикализм революционной ломки набирает силу и приобретает стихийный характер тогда, когда власть оказывается неспособна контролировать и направлять развитие событий⁵.

5. К любой великой революции применима данная Ф. Фюре характеристика Франции конца XVIII столетия: «The fact

8.3. Слабость государства

Как уже неоднократно подчеркивалось, слабое государство является универсальной характеристикой общества, проходящего через революционную трансформацию. Собственно, системная трансформация в условиях слабого государства и является наиболее общим определением революции.

Слабость государства проявляется в целом ряде особенностей развития революционного общества. Среди наиболее типичных, универсальных проявлений слабости государственной власти можно выделить следующие (об этом подробно было сказано в главе 2 настоящей книги). Во-первых, постоянные колебания экономического курса. Во-вторых, возникновение множественности центров власти, конкурирующих между собой за доминирование в обществе. В-третьих, отсутствие сложившихся политических институтов, поскольку старые вскоре после начала революции оказываются разрушенными, а новые еще только предстоит создать, в результате чего функции политических посредников могут выполнять самые разнообразные, стихийно возникающие организации и институты. В-четвертых, отсутствие сколько-нибудь понятных и устоявшихся «правил игры», когда процедуры принятия решений властью не являются жестко установленными. Наконец, в-пятых, неспособность власти собирать налоги, что становится обобщаю-

is that between 1789 and 1794 the revolutionary tide, though dammed up and channeled by groups that successively came to power — having first fallen in line with it — was never really controlled by anyone, because it was made up of too many opposing aims and interests» (*Furet F. Interpreting the French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 124*).

щей экономической характеристикой кризиса всей государственной системы.

Наличие всех этих характеристик применительно к позднему СССР и современной России является вполне очевидным. Несмотря на формальную мощь коммунистического СССР, на формальную (конституционную) мощь исполнительной власти в России после 1993 года (до того было налицо всевластие законодательного корпуса), возможности для реализации всех этих обширных полномочий были более чем призрачными.

Разумеется, власть в СССР отличалась исключительной стабильностью и силой, способностью навязывать свои интересы как собственному народу, так и многим зарубежным странам. В результате общественное мнение страны было склонно, скорее, переоценивать возможности своего государства, чем недооценивать их. И все-таки государственная власть конца 1980–1990-х годов оставалась слабой. Особенно наглядным это становится на примере связи между политическими кризисами в стране и динамикой мировых цен на нефть. Наиболее болезненные политические и экономические потрясения происходили в СССР и России именно тогда, когда нефтяные цены опускались до минимальных в интервале пяти-семи лет значений — в 1985, 1991 и 1998 годах. Это приводило к резкому сужению возможностей социального маневра властей.

Другим фактором кризиса является неспособность власти собирать налоги. Специальный анализ этой проблемы показывает, что резкое ослабление возможностей сбора налогов (наиболее заметный прирост недоимок) происходило всегда в моменты резкого политического ослабления центральной власти, связанного с обострением политического

кризиса⁶. В 1990-е годы в этом отношении особенно выделяются август-октябрь 1993-го и рубеж 1995–1996 годов. В первом случае конфликт законодательной и исполнительной властей достиг своего пика и перспектива режима представлялась всем экономическим и политическим субъектам совершенно неопределенной⁷. Во втором случае после победы коммунистов на парламентских выборах и при высокой вероятности их победы через полгода на выборах президентские экономические субъекты справедливо рассудили, что существующее правительство не решится быть излишне жестким, а новый президент простит нелояльность по отношению к «антинародному режиму».

Политическая нестабильность является и важнейшим фактором нестабильности нормативно-правовой базы функционирования экономики. В результате власть оказывается исключительно уязвимой перед лицом разнообразных лоббистов и принимает решения, которые сама же вскоре вынуждена отменять. Анализ показывает, что устойчивость принимаемых исполнительной властью нормативных документов (указов президента и постановлений правительства) непосредственно связана с уровнем стабильности политической ситуации в стране. В моменты усиления нестабильности резко возрастает уязвимость власти перед группами интересов, стремление покупать политическую

6. См.: *May В.* Стабилизация, выборы и перспективы экономического роста (Политическая экономия реформы в России)// Вопросы экономики. 1997. № 2.

7. В августе 1993 года руководство Верховного Совета открыто призвало субъектов Федерации перестать перечислять налоги «антинародному правительству» Ельцина. Естественно, все это не могло не сказываться на возможностях решения проблем макроэкономической стабилизации.

поддержку, что отражается на качестве нормотворчества. Принимаемые в моменты слабости власти указы и постановления отличаются тем, что имеют очень короткий период действия, поскольку власть стремится отменить их как можно скорее⁸.

Более чем наглядно проявляется проблема полицентризма власти. Центральное правительство находится под постоянным давлением со стороны региональных властей, многие из которых откровенно игнорируют федеральное законодательство, а тем самым и Конституцию. Показателем ослабления федеральной власти становится постепенное, но неуклонное сокращение доли Федерации в консолидированном бюджете и одновременно увеличение в нем доли бюджетов субъектов Федерации. Причем в моменты обострения экономического кризиса (например, в 1991–1992 годах, в середине 1993 года, в сентябре 1998 года) происходило резкое усиление сепаратистского давления регионов на федеральную власть (и соответственно на федеральное законодательство).

Однако проблема полицентризма власти не ограничивается борьбой между федеральным правительством и регионами. В условиях слабого государства центрами власти пытаются становиться лидеры бизнес-элиты, представители влиятельных групп интересов. Разумеется, последние зачастую склонны преувеличивать свою власть и свои возможности, что наглядно продемонстрировал крах так называемых олигархов — группы крупных предпринимателей (прежде всего банкиров), потерявших свое влияние в результате финансового кризиса в августе 1998 года. Однако в условиях от-

8. См.: *May В.* Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М.: Ad Marginem, 1999. С. 154–171.

носителем финансовой стабильности влияние «олигархов» на принятие политических решений действительно было весьма значительным и, как выяснилось позднее, мало соответствовало их реальному финансово-экономическому «весу»⁹.

Слабость государственной власти оказывает прямое воздействие на самые различные стороны функционирования и развития экономики посткоммунистической России. Прежде всего слабость государственной власти объясняет весьма специфический характер решения двух основных задач, которые стояли перед страной на протяжении 1990-х годов: макроэкономической стабилизации и приватизации. Власть, ищущая социально-политической поддержки и не имеющая достаточных финансовых ресурсов, склонна прибегать к таким инструментам покупки политической базы, как инфляционное перераспределение финансовых ресурсов и перераспределение собственности на средства производства. Причем практика (начиная с революций XVIII столетия в США и Франции) свидетельствует, что инфляция и перераспределение собственности, как правило, тесно связаны друг с другом.

9. Финансово-промышленные группы и конгломераты в экономике и политике современной России / Я. Ш. Паппе (ред.). М.: Центр политических технологий, 1997.

Экономические проблемы революций в посткоммуни- стической России

ОСОБЫЙ интерес представляет анализ экономических особенностей революционной трансформации России. Среди важнейших характеристик революционного экономического кризиса мы выделяем: резкий рост транзакционных издержек; демонетизацию экономики; наличие длительного макроэкономического (бюджетного и денежного) кризиса, совпадающего с временными рамками революции; особые процессы перераспределения собственности, осуществляемые преимущественно в целях политической стабилизации нового режима.

9.1. Экономические особенности революционной трансформации России

Экономическую динамику СССР и России 1980–1990-х годов в самом общем виде можно охарактеризовать так: по мере ослабления государства последовательное нарастание кризиса и затем, с укреплением власти, появление первых признаков изменения направленности этого тренда. По сути, это и есть типичный революционный экономический цикл. Продолжительность экономи-

ческого кризиса, которая некоторым политикам и экономистам кажется беспрецедентной для мирного времени, на самом деле отнюдь не уникальна для периодов революционных потрясений.

Нарастание экономических трудностей в первой половине 1980-х годов дало толчок глубоким преобразованиям, которые вскоре приняли революционный характер. Первые шаги нового советского руководства во главе с М. С. Горбачевым сопровождались некоторыми позитивными сдвигами в народном хозяйстве на протяжении 1986–1988 годов. Однако с 1989 года ошибки новой власти в совокупности с сокращением нефтяных доходов обусловили ухудшение общей экономической конъюнктуры, после чего происходило дальнейшее ослабление государственной власти, усиливался спад производства, разгонялась инфляция, рушилась система государственных финансов.

Переход революции в радикальную фазу вновь сопровождался кратковременным улучшением экономического положения, но хотя по одним параметрам ситуация стабилизировалась, по другим — кризис усугублялся. На рубеже 1991 и 1992 годов удалось преодолеть казавшийся безысходным товарный дефицит — самый характерный феномен коммунистической системы. Отступила угроза голода и холода, нависшая над страной, и особенно над крупными промышленными центрами, в преддверии зимы 1991/1992 года. Однако вскоре в результате острейшей политической борьбы экономическая динамика приобрела отчетливо негативный характер: начался период длительной открытой высокой инфляции и углубляющегося спада производства, который продолжался до 1997 года.

Затем ситуация постепенно стабилизировалась. Произошли торможение инфляции и денежная ста-

билизация (1996–1997 годы), затем — бюджетная стабилизация (1998–1999 годы). Параллельно происходила и политическая стабилизация. На этом фоне и по этим причинам во второй половине 1999 года в России возобновился экономический рост.

Рост транзакционных издержек. В основе экономических проблем, характерных для революции, находятся политический кризис и вызываемый им рост транзакционных издержек¹. Рост транзакционных издержек стал важнейшим фактором ухудшения экономической ситуации во всех революциях, начиная с английской, когда революционные процессы протекали относительно сглаженно, а надежность прав собственности обеспечивалась в большей мере, чем в последующих революциях. Естественно, во всех последующих революциях проблема транзакционных издержек влияла на развитие событий еще сильнее.

Особенно остро названные проблемы стояли в России конца XX века. Низкая конкурентоспособность российских предприятий в значительной мере была связана именно с неспособностью государственной власти обеспечить стабильность условий хозяйствования, и прежде всего исполнение законодательства. Коррупция в государственном аппарате и коррупция в суде до сих пор являются важнейшими препятствиями развития российской экономики. Предприятия вынуждены закладывать в издержки своеобразные «затраты на исполнение закона» (на осуществление правосудия, на получение благоприятного решения в госаппарате), что не только ведет к росту издержек, но и суще-

1. См. с. 46–47 настоящего издания.

ственно повышает неопределенность хозяйственной жизни.

Бюджетный кризис революции. Центральным пунктом революционного экономического кризиса является бюджетный кризис, который остается актуальным на протяжении всего периода революции. Финансовый кризис выступает здесь, прежде всего, как кризис государственного бюджета, как неспособность государства финансировать свои расходы традиционными и легитимными способами.

Финансовый кризис революции проявляется в следующих основных формах.

Во-первых, падение сбора налогов и неспособность правительства применять силу государственного принуждения для получения законных налогов. Неудивительно, что в посткоммунистической России пики налоговых неплатежей совпадают с моментами наиболее резкого ослабления государственной власти (август–сентябрь 1993 года и зима 1995–1996 годов), когда со всей очевидностью вставал вопрос о ее способности выжить в течение ближайших месяцев.

Во-вторых, резко усиливается роль займов. Перестроечный СССР и посткоммунистическая Россия имели широкий доступ к заимствованиям (прежде всего внешним), и задолженность в этот период резко возросла (практически в пять раз за 1985–1997 годы). Параллельно нарастал и внутренний долг.

В-третьих, типичной для революций является та или иная форма дефолта по государственным обязательствам как способ разрыва с наследием прошлых режимов. Россия осуществила дефолт по внутреннему долгу в 1998 году, однако продолжала скрупулезно выплачивать внешний долг.

По сути, дефолт в этой ситуации становится способом преодоления бюджетных дисбалансов, признаком готовности власти встать на путь финансового оздоровления.

В-четвертых, широкое распространение получают неплатежи государства получателям бюджетных средств. Неплатежи были тяжелой проблемой посткоммунистической России, приближаясь к 40% ВВП. Неплатежи касались всех сфер экономической жизни страны — помимо бюджетных, значительных масштабов достигали налоговые неплатежи (в бюджет), задержки по выплате заработной платы (как в бюджетных, так и в частных предприятиях), задолженности предприятий друг перед другом.

По мере завершения революции и консолидации политического режима меры финансово-экономической стабилизации начинают приносить плоды, воспользоваться которыми, однако, удастся не тем, кто эти мероприятия осуществлял, а следующим правительствам. В посткоммунистической России финансовая стабилизация привела к началу экономического роста, но этот момент совпал с уходом президента Б. Н. Ельцина и приходом на этот пост В. В. Путина.

Ослабление государства, его неспособность собирать налоги и заимствовать финансовые ресурсы на рынке заставляет власти прибегать к «нетрадиционным» (во всяком случае в условиях мирного времени) источникам пополнения своих доходов, и прежде всего — к перераспределению собственности и бумажно-денежной эмиссии.

Инфляционное финансирование бюджета было важным элементом российской экономической политики 1990-х годов. Хотя инфляцию удавалось

сдерживать, она так и не переросла в гиперинфляцию и играла относительно меньшую роль в решении перераспределительных задач, чем собственно приватизация.

Перераспределение собственности является одним из важнейших механизмов решения революционными властями социально-экономических и политических проблем.

Практически для всех основных нормативных документов, регулирующих процессы приватизации в России², характерно, по крайней мере формальное, переплетение всех трех задач приватизации: повышение эффективности экономики, укрепление социально-политической базы режима и получение дополнительных ресурсов в казну. Так, первые (позднесоветские) документы Российской Федерации по приватизации отличает доминирование политических и фискальных задач³.

-
2. О собственности в СССР: Закон СССР от 6 марта 1990 г.; О предприятиях в СССР: Закон СССР от 4 июня 1990 г.; О собственности в России: Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г.; О приватизации государственных и муниципальных предприятий: Закон РСФСР от 3 июня 1991 г.; Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 г.: Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 29 декабря 1991 г.; Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год: Утверждена Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 11 июня 1992 г.; Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации: Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г.
 3. См., например, законы РСФСР «О собственности в России» (от 24 декабря 1990 г.) и «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» (от 3 июня 1991 г.).

Стремление к укреплению социальной базы российского руководства в противовес власти союзной прослеживается и в заигрывании с директорским корпусом, и в предоставлении трудовым коллективам льгот при формальной приватизации соответствующих предприятий. Предполагалось, что подобные меры будут способствовать укреплению политических позиций российской власти.

Свои социально-политические функции приватизация могла выполнить двойко. Во-первых, путем привлечения на сторону реформаторов части директорского корпуса, прежде всего способной обеспечивать эффективное функционирование предприятий в условиях жестких спросовых ограничений, рыночной конкуренции и недовольной отсутствием четких правовых гарантий своих прав на предприятие. Во-вторых, путем хотя бы временного привлечения население к перераспределению. На это и была нацелена модель массовой ваучерной приватизации.

Летом 1992 года в подходах к приватизации намечаются существенные сдвиги. Фискальная задача уходит на второй план, поскольку стабилизация в России приобретает отложенный характер, инфляция становится устойчивым феноменом, а тем самым проблема бюджетных доходов на время теряет свою остроту. Меньше внимания уделяется и проблеме эффективного собственника, поскольку в условиях длительной высокой инфляции формирование такового становится практически невозможным. А на передний план выдвигается социально-политическая задача приватизации⁴. Не-

4. Такое развитие событий не только не является странным, но, напротив, вполне соответствует логике развития революции на ее радикальной фазе. Например, французские

смотря на обязательное упоминание в обоих названных документах важности «формирования широкого слоя частных собственников как экономической основы рыночных отношений»⁵, механизм ваучерной приватизации в краткосрочном плане был нацелен на решение иных задач. В нем переплетались механизмы усиления роли директорского корпуса с популизмом «народной» приватизации, вовлекавшей в процессы передела собственности все население страны. Население городов получило в собственность практически бесплатно свои квартиры, а сельские жители — наделы земли.

В результате усилий правительства в 1992–1994 годах социально-политические цели были в основном достигнуты. Директорский корпус уже в 1993 году обнаружил признаки раскола на сторонников и противников продолжения рыночных реформ. На тех, кто смог адаптироваться к рыночной конкуренции, и тех, кому нужны были постоянная финансовая поддержка со стороны государства и протекционизм во внешнеэкономической сфере. Значительная часть населения почувствовала себя обманутой, что отразилось на итогах парламентских выборов 1993 и 1995 годов, но ключевые с точки зрения продолжения реформ президентские выборы 1996 года были выиграны сторонниками продолжения рыночных преобразований.

Президентские выборы 1996 года и связанная с ними обстановка крайней политической неста-

якобинцы, оказавшись перед выбором между темпом задачи земельной собственности и фискальной эффективностью этой процедуры, вынуждены были отдать предпочтение первому.

5. См.: Приватизация в России. М., 1993. Ч. 1. С. 70.

бильности внесли свой вклад в развитие приватизационной практики. Именно тогда, в условиях всеобщего ожидания прихода к власти коммунистов, власти пошли на решительные — и весьма болезненные — шаги по приватизации потенциально привлекательных объектов (прежде всего, нефтяных и металлургических) в обмен на политическую поддержку со стороны большого бизнеса. В конце 1995 года были проведены так называемые залоговые аукционы. Низкие бюджетные результаты залоговых аукционов конца 1995 года объясняются не только стремлением власти заручиться поддержкой финансовых кругов в преддверии выборов, но и реально низким спросом на активы в связи с угрозой победы на президентских выборах коммунистов, которые фактически отвергали приватизацию вообще и ее результаты в частности.

К 1997 году ситуация заметно изменилась. С завершением в 1995 году периода высокой инфляции правительство столкнулось с тяжелым бюджетным кризисом, и приватизация стала рассматриваться в качестве одного из важных источников пополнения казны. Правительство прибегло к реализации принадлежавших ему пакетов акций ряда предприятий, весьма привлекательных с коммерческой точки зрения, что усиливало бюджетный характер приватизации. Однако этот процесс столкнулся с жестким сопротивлением лидеров бизнеса (так называемых олигархов) — активных участников приватизации, заинтересованных в занижении цен на приватизируемые объекты. Начавшиеся затяжные политические конфликты привели к политическим потерям для обеих сторон этого противостояния — и бизнеса, и правительства.

Однако в 1998 году произошел новый поворот. Финансовый кризис привел, с одной стороны,

к резкому обострению бюджетного кризиса и соответственно к усилению значимости для правительства фискальных результатов приватизации, а с другой — к падению спроса на приватизируемые объекты и, следовательно, к падению цен. Естественно, в данных условиях с гораздо большим основанием стали звучать голоса «игроков на понижение». На протяжении всего года правительство разрывалось между сторонами этого противоречия, так и не найдя эффективного выхода. Срыв в высокую инфляцию, кризис банков и коллапс кредитного рейтинга России вновь отложили возможность получить значимые фискальные результаты от приватизации.

В дальнейшем, после достижения политической и макроэкономической стабилизации, приватизация была ориентирована преимущественно на решение задач повышения эффективности функционирования экономики — как государственной, так и частной. Государство стремится избавиться от мелких пакетов акций, которые не позволяют влиять на принятие решений, приватизировать государственные предприятия, которые не нужны для выполнения его функций, а также усиливать роль и скоординированность действий своих представителей в правлениях стратегически важных компаний (Газпром, РАО «ЕЭС России» и т. п.).

Таким образом, после решения задач макроэкономической и политической стабилизации на передний план вместо политической функции приватизации выходит функция обеспечения экономической эффективности. Фискальная функция приватизации оставалась практически сведенной к нулю, что объяснялось крайне благоприятной для России внешнеэкономической конъюнктурой (прежде всего высокими ценами на энергоносители).

ли) и способствовало наполнению федерального бюджета «дешевыми деньгами».

Демонетизация экономики является также неотъемлемой чертой революции. В наиболее острые моменты макроэкономического кризиса монетизация российской экономики опускалась до уровня ниже 10% ВВП (с более чем 60% в СССР). Естественно, как и в революциях прошлого, раздавались предложения о решении этой проблемы путем усиления бумажно-денежной эмиссии, однако большая часть российской политической элиты очень быстро поняла порочность такого пути решения проблемы. С конца 1990-х годов, после преодоления макроэкономического и политического кризиса, уровень монетизации российской экономики начал расти.

9.2. Проблемы отложенной стабилизации

В современной политэкономической литературе существует достаточно стандартное объяснение устойчивости инфляционных процессов и соответственно феномена отложенной стабилизации. Предлагаются три достаточно взаимосвязанных системы объяснений, почему правительство может оказываться неспособным решить стабилизационные задачи в приемлемые сроки.

Во-первых, сохранение неустойчивого баланса групп интересов, каждая из которых пытается переложить издержки от дезинфляции на других. Если влияние этих групп более или менее сопоставимо, то ни одной из них не удастся оказать решающее воздействие на баланс сил в обществе

и на принятие решения о проведении жесткой финансовой политики⁶.

Во-вторых, наличие в обществе влиятельных групп интересов, выигрывающих от инфляции и соответственно заинтересованных в продолжении инфляционной экономической политики. Поскольку инфляция является мощным механизмом перераспределения финансовых ресурсов, в финансовой стабилизации оказываются не заинтересованы те, в чью пользу эти ресурсы перераспределяются⁷. Инфляционисты обладают, как правило, значительным политическим влиянием: оно покупается за счет части тех средств, которые концентрируются в их руках благодаря инфляции.

В-третьих, наличие в данной стране факторов, являющихся предпосылками для «экономики популизма», то есть для мягких бюджетных ограничений и инфляционистской (мягкой) денежной политики⁸. Все три механизма объединяет то, что их реализация предполагает наличие достаточно слабой государственной власти, то есть власти, находящейся в сильной зависимости от действующих в данном обществе групп интересов и складывающегося баланса социальных сил. В посткоммунистической России налицо были все три механизма воспроизводства инфляционного цикла и соответственно отложенной стабилизации.

Практически все социальные группы на протяжении длительного времени опасались осуществ-

-
6. См.: *Drezen A. The Political Economy of Delayed Reform // The Journal of Policy Reform. 1996. № 1.*
 7. См.: *Burdekin R. C. K., Burkett P. Distributional Conflict and Inflation. L.: Macmillan, 1996.*
 8. См.: *The Macroeconomics of Populism in Latin America / R. Dornbusch, S. Edwards (eds.). Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1991.*

ления правительством решительных шагов по дезинфляции и финансовой стабилизации: особенно характерно это было для 1992 года, когда практически все группы интересов объединились для противодействия жесткому стабилизационному курсу. Вскоре произошел раскол на инфляционистов и антиинфляционистов, и неустойчивый баланс сил между ними стал фактором неустойчивости экономического курса на протяжении большей части 1990-х годов. Наконец, в России этого периода сложились стандартные факторы экономики популизма.

Если на рубеже 1991–1992 годов политика либерализации и стабилизации практически не вызвала сопротивления, то уже к весне 1992 года сопротивление стабилизации оказалось тотальным. Поначалу результаты либерализации были малопонятны и плохо просчитываемы для экономических агентов — советская экономика на протяжении десятилетий существовала в условиях товарного дефицита, и руководители предприятий не были знакомы с особенностями равновесного рынка и проблемой спросовых ограничителей. Но уже вскоре, столкнувшись с неожиданным для них резким сокращением спроса на свою продукцию и кризисом неплатежей, они осознали последствия либерализации и объединились в требовании финансовых ресурсов. Это был уникальный в социально-экономическом отношении период (весна-лето 1992 года), когда господство инфляционизма оказалось в стране практически безраздельным.

Противодействовать этому можно было лишь расколов потенциально различные интересы разных типов экономических агентов (предприятий), и эта задача была выполнена с началом приватизации. Таким образом, приватизация в исходном

пункте своей практической реализации являлась феноменом политическим, поскольку была призвана решать задачи укрепления социально-политической базы курса на либерализацию и стабилизацию экономики. Поэтому, в частности, правительство Е. Гайдара сочло возможным пойти в 1992 году по пути смягчения бюджетной и денежной политики, обеспечив такой ценой начало приватизации.

Политическим результатом подобного развития событий стало отчетливое оформление к весне 1993 года двух основных групп интересов, групп, приверженных инфляционистской и антиинфляционистской политике. Проблема инфляции стала доминирующим сюжетом политической борьбы вокруг экономических реформ, придя на смену полемике образца 1991 года об административном и либерально-экономическом вариантах стабилизации.

С одной стороны, явно обозначились ряды инфляционистов. К основным элементам отстаиваемого ими экономического курса относились: массивные финансовые вливания в народное хозяйство (через кредитную и бюджетную системы) с целью поддержки экономически слабых, неконкурентоспособных предприятий, попытки «усиления управляемости» народного хозяйства посредством восстановления властных полномочий центра по отношению к предприятиям государственного сектора, ужесточение контроля за экспортно-импортной деятельностью и явный протекционизм. Важными составными частями этого курса должны были быть масштабное участие государства в структурной трансформации народного хозяйства, создание (или воссоздание) разветвленной инфраструктуры, обеспечивающей руководство деятельностью хозяйственных аген-

тов через государственные органы управления (министерства и отраслевые комитеты) или через создаваемые «сверху» крупные монополистические структуры (концерны, промышленно-финансовые группы), находящиеся под контролем властей.

Ряды сторонников подобного экономического курса включали в себя довольно разнородные группы хозяйственных агентов. Некоторые из них прямо выигрывали от инфляции, делая на экономической нестабильности огромные прибыли. Для других этот курс означал продолжение государственной финансовой поддержки и защищал их от неминуемого разорения. В проведении политики «дешевых денег» были заинтересованы, прежде всего, слабые (хотя нередко и весьма крупные по числу занятых) государственные предприятия, в силу объективных или субъективных причин не способные адаптироваться к конкуренции и обреченные на поражение в случае проведения макроэкономической политики, имеющей в своей основе жесткие бюджетные ограничения. На тот момент инфляционистский курс был весьма выгоден и значительной части финансовых структур (банкам): их экономическое благополучие, а нередко и само существование в значительной мере были обусловлены наличием льготных кредитов и бюджетных субсидий. Наконец, инфляция являлась источником исключительно высокой доходности торгово-посреднической деятельности, что обуславливало соответствующие позиции этой части бизнеса в экономико-политическом спектре России. Иными словами, инфляционная политика позволяла неэффективным предприятиям выжить, а коммерческим банкам и торговым организациям получать прибыли, несопоставимые с доходами производственных секторов.

С *другой стороны*, постепенно формировались ряды сторонников альтернативного экономического курса, ориентированного на решительную макроэкономическую стабилизацию. Основными чертами его являлись последовательная либерализация хозяйственной деятельности, жесткая финансово-кредитная политика, неуклонное осуществление приватизации. Суть этого курса можно определить как антиинфляционизм. Число его сторонников увеличивалось по мере расширения процесса приватизации и адаптации части предприятий к работе в условиях реальной рыночной среды, открывающих для активных руководителей и квалифицированного персонала широкие возможности экономического и социального роста. Понятно, что в проведении последовательной антиинфляционной политики более всего были заинтересованы те хозяйственные структуры, которые уже успели осознать свою экономическую силу, имели неплохие возможности реализовывать производимую продукцию в условиях конкуренции на внутреннем (или даже на мировом) рынке и которые уже были готовы проводить активную инвестиционную политику, предпосылкой которой, в первую очередь, выступала макроэкономическая стабильность.

Такое перераспределение интересов отразило новую и весьма важную тенденцию развития социальной ситуации в ходе реформ. Если раньше основной водораздел интересов проходил по линии принадлежности хозяйственного агента к государственному или частному сектору, то теперь принадлежность к той или иной форме собственности стала терять свое критериальное («интересообразующее») значение. Существенным фактором стало положение того или иного хозяйствующего агента

по отношению к перераспределительным потокам «дешевых денег» (единственному оставшемуся дефициту), его возможность использовать их в своих интересах. В результате по обе стороны этой «экономической баррикады» оказывались как частные, так и государственные предприятия.

Именно наличие этих двух групп интересов с принципиально различными ориентирами и ожиданиями от экономической политики государства предопределило ту неустойчивость макроэкономической политики, которая отличает период 1992–1996 годов. На протяжении этих лет в России происходили важные изменения в обоих названных направлениях.

Если подходить с формальной, количественной, точки зрения, то можно увидеть, что исходный баланс социальных сил (групп интересов) складывался с явным перевесом инфляционистов. Количественное преобладание инфляционистски настроенных экономических агентов значительно осложняло стабилизационные усилия первых лет посткоммунистического развития. Руководители этих предприятий имели немалый политический вес, доступ в центральные эшелоны власти, в которых продолжали доминировать традиционные советские представления о «народнохозяйственной важности» отраслей и производств. Численность занятых и обремененность социальной сферой были среди основных критериев при решении вопросов о финансовой поддержке тех или иных экономических агентов, поскольку положение исполнительной власти оставалось более чем слабым в конституционно-политическом отношении и уязвимым в социальном.

Отсутствие структурных сдвигов в экономике лишь укрепляло позиции инфляционистов.

На протяжении первой половины 1990-х годов положение антиинфляционистских сил оставалось крайне противоречивым, а их политические перспективы весьма туманными. Решительная и последовательная приватизация укрепляла их ряды, расширяя возможности для проявления предпринимательского поведения в противовес «поиску политической ренты» государственных или квазичастных структур традиционного советского типа. В то же время чисто количественное преобладание инфляционистов в совокупности с неустойчивой макроэкономической политикой государства способствовали определенным негативным трансформациям в рядах потенциальных сторонников открытой рыночной экономики (антиинфляционистов). Здесь происходили процессы двоякого рода.

Во-первых, слабела политическая активность предприятий — сторонников антиинфляционного курса. Надежды на быструю остановку инфляции не оправдывались и, следовательно, те, кто был заинтересован в быстрой и решительной стабилизации и строил на этом свою стратегию выживания в условиях рынка, приспособлялись к функционированию в условиях длительной высокой инфляции.

Во-вторых, произошло сращивание части активного (нового) предпринимательского слоя с институтами государственной власти. Слабое государство искало поддержки в новом, экономически сильном и влиятельном отечественном предпринимательстве. Для представителей же крупного бизнеса (неважно, частного или полугосударственного) тем самым создавалась комфортная среда, в которой борьба за выживание на рынке сменялась возможностью опереться на поддержку государственных институтов. Государство должно было опираться на наиболее сильных экономических агентов в об-

мен на свой единственный ресурс — предоставление «политической ренты», причем даже в том случае, когда его партнеры объективно были достаточно сильны, чтобы выживать самостоятельно.

Вместе с тем протекавшие социальные процессы, изменение экономических и, следовательно, политических «весов» различных секторов экономики и групп интересов постепенно трансформировали социально-политические реалии. Двумя наиболее существенными особенностями этой трансформации стали, по нашему мнению, изменения в финансово-банковском секторе, а также трансформация и стабилизация конституционно-правового пространства России.

Как нетрудно было предположить, основными бенефициантами инфляционных процессов оказались банки. В отличие от других секторов, заинтересованных в инфляции, и прежде всего от советского индустриального истеблишмента, банки в основном не проедали получаемые через инфляционные процессы ресурсы, а напротив, в значительной мере накапливали их — как в денежной, так и в материальной форме. В результате примерно к рубежу 1994–1995 годов достаточно ясно обозначились сдвиги в экономико-политической позиции банков. Часть банков благодаря инфляции (или благодаря близости к властным структурам) смогла скопить значительный капитал, который был достаточен для того, чтобы переориентировать свои интересы на максимизацию массы (а не нормы) прибыли и создание более устойчивых условий для своего функционирования впредь.

В то же время низкая инфляция и макроэкономическая стабилизация оказывались для крупных банков привлекательными по целому ряду причин, из которых можно выделить следующие.

Во-первых, тем самым создавались благоприятные возможности для экспансии в сфере банковских услуг за счет поглощения мелких банков, не способных выжить при значительном снижении процентной ставки. Во-вторых, произошедшая в ходе приватизации экспансия банковского капитала в производственную сферу сделала финансовые институты гораздо более чувствительными к проблемам развития производства — по крайней мере, тех секторов, с которыми были связаны их капиталы, а это требовало снижения инфляции до приемлемого для инвестиций уровня. Разумеется, все сказанное ни в коей мере не может трактоваться как неожиданно возникшая готовность банков отказаться от поиска «политической ренты» (и связанной с этим в специфических российских условиях коррупции).

Укрепление банковского сектора и усиление в нем антиинфляционистских настроений способствовали и существенной трансформации правительственного курса, усилению в нем роли реформаторско-стабилизационных сил. Количественное преобладание неэффективного производства (по таким показателям, как количество предприятий и численность занятых на них) сохранялось, но финансовая и политическая роль неэффективных предприятий резко снизилась. Даже формальные изменения в составе правительства на протяжении 1994–1997 годов свидетельствовали о резком снижении роли традиционного советского хозяйственного истеблишмента (так называемых красных директоров) и о столь же резком усилении влияния новых коммерческих структур и связанных с ними политиков⁹.

9. См.: Финансово-промышленные группы и конгломераты

Этот вывод вполне подтверждается и развитием событий в результате августовского кризиса 1998 года. Всплеск инфляции оказался кратковременным, и в борьбе с инфляцией объединились практически все основные политические силы, как правые, так и левые. Левое правительство рубежа 1998–1999 годов провело стабилизационные мероприятия беспрецедентно жестко с социальной точки зрения. Отчасти это было связано с опасениями за политическую стабильность в стране, разрушение которой могло иметь крайне неприятные последствия практически для всего истеблишмента.

9.3. Социально-политические проблемы приватизации

Слабое государство в поисках социально-политической опоры неизбежно прибегает к помощи такого мощного механизма, каким является перераспределение собственности.

В качестве основных среди задач приватизации можно выделить следующие. Во-первых, решение проблемы эффективного собственника и динамики экономических реформ. Во-вторых, укрепление социально-политической базы преобразований — вопросы трансформации собственности являлись естественным и достаточно мощным аргументом в поиске поддержки тех или иных политических сил со стороны влиятельных групп интересов. В-третьих, задачи стабилизации финансового положения страны. На разных этапах раз-

в экономике и политике современной России / Я. Ш. Паппе (ред.). М., 1997.

вития России степень актуальности каждой из перечисленных задач приватизации была разной.

Уже реформа предприятий 1987–1988 годов при последовательной реализации означала в стратегическом отношении шаг в направлении приватизации в пользу директоров. Руководство предприятий в новых условиях оказывалось практически не зависимым от вышестоящих органов хозяйственного управления, а зависимости от собственников не возникало по причине отсутствия последних. Этот шаг горбачевской администрации был одним из ключевых моментов в революционизировании перестройки и, будучи таковым, представлял собой попытку расширения социальной базы реформаторов за счет привлечения на свою сторону директорского корпуса и отчасти трудовых коллективов (которые получили право избрания директоров). Одновременно, как выяснилось позднее, это был шаг к административной и организационной дестабилизации, поскольку в обществе появился влиятельный слой хозяйствующих структур, не связанных в своих действиях ни административными, ни рыночными ограничителями. Тем более что вскоре под давлением этой группы интересов стали приниматься новые решения по углублению ее независимости (и безответственности) через развитие разного рода кооперативных и арендных («с правом выкупа») начал, которые означали на деле почти бесплатную передачу собственности в руки администрации действовавших предприятий¹⁰.

По мере нарастания кризиса внимание к приватизации все более усиливалось. Слабеющая со-

10. См.: *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. С. 149–151; *Aslund A.* How Russia Became a Market Economy. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1995. P. 225–226.

юзная власть не имела рычагов для стабилизации отношений собственности, для упорядочения процессов приватизации, придания им достаточных легальных оснований. Такое наследие в конце 1991 года получило российское руководство, пошедшее по пути радикализации экономических реформ. И именно поэтому, помимо перечисленных выше трех основных задач, приватизация в России конца 1991–1992 годов должна была решить еще одну — обеспечить минимальное восстановление управляемости экономики посредством включения отношений собственности хоть в какое-то правовое поле.

Практически для всех основных нормативных документов, регулирующих процессы приватизации в РФ¹¹, характерно по крайней мере формальное переплетение всех трех задач приватизации — экономической (повышение эффективности), социальной и фискальной. Хотя специфика различных документов, принимавшихся на разных этапах экономической реформы, естественно, различна.

В первых российских документах по проблемам собственности содержатся такие нормы, как закрепление за предприятиями государственной и муниципальной собственности «на праве полного хозяйственного ведения» (что на практике означало легализацию возможности бесконтрольного использования госсобственности в частных интересах), предоставление права выкупа на льготных условиях предприятий, работающих на аренде (последнее было легальным способом приобретения своего предприятия руководителями и связанными с ними предпринимателями-«кооператорами»).

11. См. примечание 2 на стр. 184.

Предполагалось, что подобные меры будут способствовать укреплению политических позиций российской власти — как непосредственно, так и путем стимулирования перехода предприятий от союзного подчинения в республиканское.

Начальный период посткоммунистического этапа развития характеризуется усилением акцента на макроэкономическом аспекте приватизации. В «Основных положениях программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ на 1992 год» от 29 декабря 1991 года в качестве целей приватизации фигурируют: «содействие общим задачам политики экономической стабилизации», «обеспечение резкого повышения экономической эффективности деятельности предприятий на основе их передачи в руки наиболее эффективных собственников», «увеличение бюджетных доходов».

Отсутствие в этом документе социально-политических целей приватизации требует пояснений. Разумеется, формирование строя частных собственников в ходе приватизации было одной из важнейших программных задач либерального посткоммунистического правительства. Однако эта проблема воспринималась тогда как стратегическая и не рассматривалась в качестве рычага укрепления политических позиций нового режима. Такое понимание роли приватизации пришло позднее, уже во второй половине 1992 года. В начале же правительство Ельцина — Гайдара было склонно проводить курс, выходящий за рамки тех или иных групп интересов. Напротив, задача быстрой макроэкономической стабилизации и, соответственно, преодоления фискального кризиса воспринималась на этой стадии в качестве ключевой. Правительство надеялось на развитие со-

бытий по польскому сценарию, предполагавшему быстрое торможение инфляции и выход на этой основе в режим экономического роста. Поэтому поиск неинфляционных источников финансирования характерного для постсоциализма высокого уровня государственных расходов делал исключительно актуальной возможность привлечения в бюджет средств от приватизации.

Однако реальное развитие событий пошло в ином направлении, в результате чего массовая приватизация 1992–1995 годов имела откровенно социально-политический характер¹². С одной стороны, высокая инфляция оставалась важным фактором пополнения бюджетных доходов и на время ослабляла тяжесть бюджетных проблем. С другой стороны, обстановка политической нестабильности, особенно в преддверии президентских выборов 1996 года, не позволяла всерьез рассчитывать на приток капитала и соответственно на поступление в бюджет средств от приватизации¹³.

12. Это отчетливо прослеживается в двух первых версиях Государственной программы приватизации — от 11 июня 1992 года и особенно от 24 декабря 1993 года. На доминирование социальных задач приватизации и принесение им в жертву задач фискальных прямо указывали многие реформаторы, и прежде всего Е. Гайдар: «...требовалось как можно быстрее создать критическую массу частной собственности. Так что, выбирая между скоростью и качеством приватизации, мы сознательно делали ставку на темпы» (*Гайдар Е.* Власть и собственность: развод по-русски // *Известия*. 1997. 1 октября).

13. Поэтому, кстати, низкие бюджетные результаты залоговых аукционов конца 1995 года должны объясняться не только стремлением власти заручиться поддержкой финансовых кругов в преддверии выборов, но и реально низким спросом на активы в связи с угрозой победы на президентских выборах коммунистов, отвергающих приватизацию.

К 1997 году в связи с завершением периода высокой инфляции ситуация заметно изменилась. Правительство оказалось перед лицом тяжелого бюджетного кризиса, и приватизация стала рассматриваться в качестве одного из важнейших источников пополнения казны. Правительство прибегло к реализации принадлежащих ему пакетов акций ряда предприятий, весьма привлекательных с коммерческой точки зрения. Усиление «бюджетного» характера приватизации отчетливо прослеживается по данным, приведенным в таблице. Однако оно столкнулось с жестким сопротивлением лидеров бизнеса — активных участников приватизации, заинтересованных в занижении цен на приватизируемые объекты. Начавшиеся затяжные политические конфликты привели к политическим потерям для обеих сторон этого противостояния (бизнеса и правительства).

Однако в 1998 году произошел новый поворот. Финансовый кризис привел, с одной стороны, к резкому обострению бюджетного кризиса и соответственно к усилению значимости для правительства фискальных результатов приватизации, а с другой стороны — к падению спроса на приватизируемые объекты и, следовательно, к падению

Ряд экономистов, анализирующих российскую приватизацию, отмечают противоречивость ее социальных и финансово-экономических аспектов и характеризуют возникающую здесь ситуацию под углом зрения проблемы трансакционных издержек. Так, например, С. Малле писала, что социально-политическая борьба вокруг приватизации в России «негативно сказывается на величине трансакционных издержек. Они становятся выше, чем в том случае, когда передача прав собственности опиралась бы только на экономические критерии» (Малле С. Приватизация в России: особенности, цели и действующие лица // Вопросы экономики. 1994. № 3. С. 55).

ТАБЛИЦА. Финансовые результаты приватизации, 1992–2002 годы

Годы	Доходы федерального бюджета от приватизации		
	по 1997 г. — млрд руб., по 1998 г. — млн руб.	как доля всех доходов бюджета, %	как доля ВВП, %
1992	19	0,6	0,1
1993	71,1	0,28	0,04
1994	117	0,14	0,02
1995	1140	0,49	0,08
1996	898	0,32	0,04
1997	17959,9	5,23	0,77
1998	14977,8	4,60	0,57
1999	8540,5	1,39	0,18
2000	31324	2,77	0,43
2001	9943,4	0,62	0,11
2002	13413	0,61	0,12

Источники: Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 2002. С. 334; Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 1999. С. 290; Российская Федерация в цифрах в 1993 г. М.: Госкомстат России, 1994. С. 32.

цен. Естественно, в этих условиях с гораздо большим основанием стали звучать и голоса «игроков на понижение». На протяжении всего года правительство разрывалось между сторонами этого противоречия, так и не найдя эффективного выхода из ситуации. Срыв в высокую инфляцию, кризис банков и коллапс кредитного рейтинга России вновь откладывают возможности получения значимых фискальных результатов от приватизации.

9.4. Заключительные замечания

В данной главе речь шла лишь о некоторых проблемах политической экономики посткоммунистической трансформации. А именно о тех из них, которые связаны с революционным характером этой трансформации применительно к современной России.

Подводя итоги сказанному, необходимо подчеркнуть, что революционный период 1990-х годов в России стал временем формирования базовых макроэкономических, институциональных и политических условий функционирования современной рыночной экономики.

К началу 1990-х гг. Россия была страной, в которой практически полностью отсутствовали институты, которые должны обеспечивать устойчивое функционирование, и даже существование, любого государства. Были разрушены экономические институты, что проявлялось в масштабных рыночных дисбалансах (экономический спад, пустые прилавки магазинов, надвигавшаяся угроза голода и холода). Но еще большую опасность представляло то, что с фактическим, а затем и формальным распадом СССР в России рухнули институты государственной власти. Сохранение этой ситуации было чревато ликвидацией со временем самой России.

Поэтому первой задачей было восстановление базовых институтов, без которых не может функционировать ни одна страна. Прежде всего государственных институтов, хотя бы элементарных экономических механизмов, а также отношений собственности.

К концу 1990-х годов были решены следующие задачи: созданы и укреплены базовые политические институты, ключевыми моментами чего стали

принятие Конституции РФ и упорядочение федеративных отношений; осуществлена макроэкономическая стабилизация, которая дала стране более или менее устойчивую валюту и сбалансированный бюджет; проведена массовая приватизация. Тем самым в стране сложился и закрепился принципиально новый общественно-политический строй. Революция завершилась.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Интеллигенция, история и революция: очерки современной жизни России¹

Стоит русский богатырь на распутье и читает известную надпись: «Направо пойдешь... Налево пойдешь...» В общем, все плохо. Стоит, думает. И слышит голос сверху: «Думай скорее, а то прямо здесь на голову кирпич свалится».

Современный анекдот

НА РУБЕЖЕ веков Россия опять стоит на перепутье. Куда идти? На Запад пойдешь — идентичность потеряешь, американцем станешь. На Восток пойдешь — голову потеряешь. Трудно быть скифами и постоянно держать щит меж двух враждебных рас. Недаром скифы отошли в вечность, став принадлежностью истории и только истории. А каково быть скифами, которые одновременно и щит держать должны, и рефлексировать хотят, хорошо ли этот щит блестит на солнце, тот ли на нем рисунок?!

Или, может быть, нет никакого перепутья. Может быть, страна развивается в предначертанном ей направлении, и нам надо только уловить это направление, а затем расслабиться и получать удовольствие? Или надо оказать сопротивление? Где мы: на развилке или в тупике, в начале большого пути или в его конце?

1. Опубликовано в: Новый мир. 2000. № 5.

В этих заметках мне хотелось бы поговорить о характере и о направлении нашего развития. Конечно, это будут лишь гипотезы, подтверждаемые определенными фактами и историческими тенденциями. Каждой гипотезе можно противопоставить другую, также логичную и убедительную. Однако хочется надеяться, что какой-то части читателей мои соображения покажутся небезосновательными и помогут упорядочить то ощущение реальных процессов, которое есть у каждого из нас.

Ведь согласие с той или иной гипотезой общественного развития является результатом определенного идеологического предпочтения, то есть результатом определенного методологического выбора. Людям свойственно помещать известные им факты в теоретическую рамку, которая бы упорядочивала мозаику, объясняла события и помогала прогнозировать ход их дальнейшего развития. Таких рамок может быть несколько. Их выбор в значительной мере предопределяется той идеологией, той системой ценностей, которая изначально заложена в каждом думающем индивиде². Способность же модели давать адекватное пред-

2. В содержащейся здесь интерпретации идеологии я разделяю подход Дугласа Норта, сформулированный им в одной из последних работ. Для него идеология — это ответ человека на неопределенность, что и позволяет формулировать гипотезы и обосновывать теории. «Нельзя теоретизировать в условиях неопределенности, когда вы абсолютно не представляете себе, что может произойти... Но на практике люди постоянно действуют в условиях неопределенности. Мы принимаем решения в условиях неопределенности, основываясь на наших религиозных, ценностных и идеологических представлениях» (*North D. C. Understanding the Process of Economic Change. L.: IEA, 1999. P. 13–14.* [*Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ—ВШЭ, 2010. — Прим. ред.*]).

ставление о перспективах развития позволяет сделать вывод о ее ценности относительно других моделей и подходов. Однако и этот вывод не должен абсолютизироваться. История детерминирована, но не предопределена, и перспективы нашего развития зависят не только от исторического тренда, но и от миллионов индивидуальных предпочтений, влияющих на этот тренд.

Очерк первый, вступительный. Кое-что о российской интеллигенции

Нам истерические порывы
не нужны. Нам нужна мерная
поступь железных батальонов
пролетариата.

*В. И. Ленин. Очередные задачи
Советской власти*

Ленин не любил интеллигенцию, считая ее порождением мелкобуржуазности и видя в ней источник колебаний, сомнений, неустойчивости, собственных российскому образованному классу. Об этом написано и сказано немало. Дело, конечно, не в цитатах, которых у любого классика и основоположника можно найти на все случаи жизни. Дело в принципиальном отношении к этому слою российского общества, к той роли, которую интеллигенция играла в российской истории XIX и XX столетий.

Ситуация несколько парадоксальна, как, впрочем, это часто бывает в истории. Интеллигенция стала одним из важнейших источников политических потрясений России, дав стране основную массу теоретиков и лидеров революции (точнее, революций). И именно интеллигенция в лице ее

лучших представителей принесла невосполнимые жертвы на алтарь отечественной истории Новейшего времени. Прошли годы, но и до настоящего времени российская интеллигенция продолжает играть столь же противоречивую роль, давая стране героев, жертв и палачей.

Я не намерен углубляться в дискуссии об определении интеллигенции, о различии между образованностью и интеллигентностью etc. Дискуссии подобного рода столь же интересны, сколь и бесконечны. Достаточно того, что все мы понимаем под интеллигентом в российском смысле этого слова образованного разночинца, оторвавшегося от идиотизма своего класса, лишенного социальных корней и благодаря этому имеющего возможность и вкус к длительным рассуждениям о смысле жизни и своей роли во всемирной истории (или в мировой революции). Отсутствие социальных корней (кроме собственно интеллигентских) особенно важно, поскольку создает основу интеллигентского индивидуализма, его ограниченной способности объединяться для достижения социально-политических целей.

Этот индивидуализм — важнейшее условие, источник того интенсивного творческого поиска, который является визитной карточкой интеллигенции и который делает наиболее выдающихся ее представителей подлинной совестью нации. Но именно этот индивидуализм делает российскую интеллигенцию принципиально неспособной осознать себя как единый слой, который должен уметь защищать свои интересы.

У интеллигенции есть общие идеи, и каждый готов жизнь отдать за их торжество. Но вот рутинная, скучная работа над практическим воплощением этих идей в реальность оказывается невозмож-

ной для большинства российской интеллигенции. И ведь верно, *не царское это дело...*

Три характеристики интеллигенции принципиально выделяют этот слой из других социальных групп и слоев. Это отношение к богатству, к истории и к государству. Отношение, представляющее собой смесь презрения, нетерпения и зависти. Особенно характерны в этом смысле интеллигенция французская и российская, хотя и в англосаксонских странах подобные настроения в минувшем столетии также заметно возросли.

Презрение к богатству — принципиальная особенность интеллигенции. «*Собственность есть кража*» — в этом политэкономическом тезисе французского социалиста П. Ж. Прудона содержится квинтэссенция мудрости и веры континентальной интеллигенции. Этот тезис откровенно противостоит другому классическому политэкономическому труду, написанному в англосаксонской традиции, — «Исследованию о природе и причинах богатства народов» Адама Смита. В этом начальная суть конфликта. Богатство, с одной стороны, и кража — с другой. Или человек должен доказать справедливость своих идей и выводов на практике, и тогда надо признать обоснованность вопроса: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» Или же надо сторониться низкой и грязной практики, и тогда всякий жизненный успех непременно вызывает подозрения у собратьев по классу.

Противопоставление интеллектуального поиска бизнесу, недостаточная «практичность» в повседневной жизни становились источником гордости и самоуважения континентальных интеллигентов. Интеллигенция должна быть выше грязи повседневной жизни. Только это позво-

лит ей по-настоящему *страдать за народ*. Правда, предполагается наличие в достаточном количестве хлеба с маслом, сыром и колбасой, чтобы страдать удавалось более интенсивно, не отвлекаясь на различные глупости вроде хлеба насущного. «Утром мажу бутерброд, / Сразу мысль: а как народ?» — это не из царской жизни, а из интеллигентской.

Такое положение не может быть устойчивым. Поэтому именно интеллигенция поставляет на политическую арену экстремистов разного рода — от радикалов и террористов до жесточайших реакционеров и консерваторов. Неубедительность страданий за народ за чашкой чая порождает неумные натуры, готовые растрачивать свой талант и энергию в целях разрушения. Рахметов в этом ряду представляется положительным персонажем: он хоть сам на гвоздях спал, готовился к будущим мучениям. Его же друзья готовили гвозди и бомбы для других, видя в «адских машинах» лучший способ привести всех в светлое будущее.

А напротив — реальный персонаж, Победоносцев. Тот самый, который по молодости лет писал письма Герцену (см. «Голоса из России»), а потом стал одним из наиболее жестких охранителей существующего самодержавного режима.

Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла.
И не было ни дня, ни ночи,
А только тень огромных крыл...

Написано, между прочим, до 1917 года. Тоже своего рода интеллигент, нашедший свой вариант осчастливливания нации.

Именно единство Рахметовых и Победоносцевых, неумных, ищущих формы самореализации,

и создало в России предпосылки для большинства кровавых событий XX века.

Страдание за народ, как правило, не дает возможности сказать правду народу и одновременно побуждает видеть чуть ли не во всяком мерзавце представителя «простых людей». Боюсь, что лишь у ничтожного меньшинства из нас хватит мужества сказать вместе с Ю. Карякиным: «Россия, ты одурела!» (декабрь 1993 года), не боясь быть обвиненным в пресловутом отрыве от собственного народа. И уж совсем неприлично выступать с аргументацией, например, об ущербности всеобщего избирательного права в его формальной интерпретации, безотносительно к тому, какой вклад вносит тот или иной гражданин в благосостояние страны.

Отказ от рутинной, методичной работы в совокупности с презрением к накоплению материального богатства оборачивается своеобразным историческим экстремизмом. Всё надо получить немедленно, здесь и сейчас. «Оборотной стороной интеллигентского максимализма является историческая нетерпеливость, недостаток исторической трезвости, стремление вызвать социальное чудо, практическое отрицание теоретически исповедуемого эволюционизма», — замечал С. Н. Булгаков³.

Стремление вызвать «социальное чудо», желание осчастливить народ тесно связаны с доминированием в интеллигентской среде философского рационализма. Это неудивительно. Современная российская интеллигенция есть порождение французского Просвещения с его верой во всемогущество человеческого разума. Именно на этой методо-

3. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 71.

логической базе интеллигенция стремится осчастливливать народ. Мы знаем, как и что надо делать, поскольку владеем самой передовой (самой правильной, самой развитой, etc.) теорией. Сомнения кажутся вредными и опасными.

Я вовсе не призываю здесь к тотальному агностицизму (об этом еще пойдет речь ниже), но не могу не признать, что как раз сомнений в ограниченности знания нам особенно не хватает. Иначе говоря, либерализма, который предполагает признание ограниченности всякого знания, отсутствие у кого бы то ни было монопольного права на обладание истиной, а потому в методологическом отношении непосредственно связанного со скептицизмом (или даже с агностицизмом)⁴. При всем внешнем либерализме отечественной интеллигенции как раз интеллектуального либерализма ей более всего и не достает.

В результате новейшая история России изобилует стремлением вождей заставить народ мучиться и испытывать лишения ради счастья будущих поколений. Однако это лишь обратная сторона прямо противоположных настроений отечественной интеллигенции, ее желания обмануть общественный прогресс, обмануть историю, перескочить через естественные этапы развития общества. Иногда это даже удается, но ценой неисчислимых жертв того самого народа, за который надо стра-

4. Необходимо, впрочем, особо подчеркнуть, что речь здесь идет исключительно о роли интеллигента как советника (то есть в более органичной для себя роли), а вовсе не как практикующего политика. Интеллигент в практической политике склонен демонстрировать противоположные качества — колебания, неуверенность, что так же опасно для политика, как вера в обладание абсолютным знанием у советника.

дать, и той самой интеллигенции, которой не терпится вступить в то самое *счастливое завтра*, во имя которого можно и *сжечь Рафаэля*. Но даже в этом случае за прорывом вперед следует возвращение, поскольку отсутствие методичного, освоенного естественным путем опыта оставляет интеллектуальные и материальные лакуны.

Отношение к истории колеблется между крайностями. Так и хочется ускорить ее ход, перепрыгнуть через этапы безотносительно к реально накопленным ценностям. А когда это не удастся, начинаются разговоры о собственной уникальности, которую нельзя измерить общим аршином.

Хочу быть понятым правильно. Я вполне разделяю естественное чувство исторического нетерпения, нежелание мириться с мерзостями сегодняшней жизни и стремление преодолеть их как можно скорее. Однако в этой борьбе пропадает ощущение вечности, исторической перспективы, понимание связи себя, своего поколения с прошлым и будущим. Мы постоянно колеблемся между желанием разрешить все проблемы сейчас («нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме») и готовностью приносить себя в жертву ради счастья отдаленных потомков. Такие колебания суть результат неисторичности интеллигентского сознания. Без ощущения целостности истории своей страны время оказывается «таинственной субстанцией, превращающей наше светлое будущее в наше проклятое прошлое».

Стремление к ускорению истории в современном интеллигентском сознании тесно переплетается со стремлением увидеть свою исключительность, уникальность. Мало кто готов признать, что Россия столь же уникальна, сколь и другие страны мира. Все страны, как и все люди, уникальны, и все

они — похожи друг на друга. Неготовность принять эту простую истину часто отражает комплекс неполноценности современной российской интеллигенции, ее оторванность от развития мировой культуры в XX столетии, и особенно отсутствие хорошего знания иностранных языков. Увы, на протяжении последнего десятилетия мне не раз приходилось встречать «властителей умов», не просто не владеющих иностранными языками, но и гордящихся этим: мол, зарубежный опыт ничему хорошему научить нас не может. Стремясь оправдать провалы в собственном образовании, эти авторы увлеченно изучают тома ранее запрещенных отечественных мыслителей, видя в них источник национальной правды и откровения, «наш ответ Чемберлену», нашу непревзойденную уникальность. В результате нередко уважаемые авторы приводят нам примеры «уникальности» российского опыта и образа жизни, которые на самом деле свидетельствуют лишь о плохом знании истории других стран и нередко являются своеобразной психологической формой компенсации за недостатки образования (а в некоторых, ксенофобских, случаях — и за настоящую дикость)⁵.

Никто не хочет жить в реальной истории и видеть реальные, а не мнимые альтернативные ва-

5. Кто-то возмутится: как можно обвинять отечественную интеллигенцию в недостаточной образованности? К сожалению, это так. Наша интеллигенция начитанная (временами читать в послесталинском Советском Союзе было достаточно), но недостаточно образованная. Образование требует не только книжного знания, но и знания «всех тех богатств, которые накопило человечество», и понимания контекста дискуссий, которые велись в мире на протяжении XX века. Это касается и исторических исследований минувшего столетия.

рианты общественного развития. «Почему у нас положение дел хуже, чем в Польше, Венгрии, Чехии, не говоря уже о Германии?» Подобный вопрос в той или иной форме задается нашим интеллигентским сообществом, а за ним следует поиск виноватого в виде Ельцина, Гайдара, Чубайса, МВФ, ЦРУ, жидомасонов (список открытый). Но никому не приходят в голову простые вопросы: «А почему мы не воюем с другими республиками бывшего СССР? Как мы избежали гражданской войны? Почему мы не повторили путь Боснии? Сербии?» Все уже забыли, что распад советской империи происходил на фоне бомбардировок Сребреницы, и именно они были тем мощнейшим политическим и интеллектуальным фактором, который давил на российское руководство осенью 1991 года, когда оно принимало решение о роспуске СССР. А ведь наши стартовые условия (распад союзного государства, переплетение в нем существенно различных этнических и религиозных групп) были гораздо ближе к этой стране, и избежание гражданской войны является важнейшим достижением М. Горбачева, Б. Ельцина и первого посткоммунистического правительства России. Достижением, за которое оно слышит только хулу и никогда не дождетса благодарности. Ну и ладно, *хвалу и клевету приемли равнодушно.*

Презрение к богатству дополняется презрением к государству и его институтам. Конечно, бюрократическое государство само немало делает для того, чтобы его можно было презирать. Однако попытки отдельных представителей интеллектуалов заняться расчисткой авгиевых конюшен власти, как правило, заставляют собратьев по классу лишь *брезгливо морщить нос.* А когда удастся сделать хоть что-то и совершить притом, конечно же, немало ошибок,

как приятно показывать на власть пальцем и кричать: «Подлецы! Держите ответ перед нами, которые в белом!» Хотя на самом деле белые одежды обвинителей пошиты руками обвиняемых. Если нет мужества или желания бороться за свои идеи, как Чубайс, то хоть признайте, что он делает работу за вас. Работа критиков тоже важна и почетна, но она возможна лишь тогда, когда кто-то дает материал для этой критики.

Конечно, бывают ситуации, когда сотрудничество с властями действительно неприлично. И каждый должен определять такой момент индивидуально, ориентируясь на свои ценности и на свою совесть. Но принимая решение «не участвовать», надо быть честным до конца, надо быть способным хотя бы внутренне видеть свою ответственность не только за то, что сделано, но и за то, что не сделано. Хотя оценить последнее бывает очень трудно.

Проблема взаимоотношений интеллигента с властью существует давно. Но лишь недоверие к собственному чувству справедливости, к своей совести толкает многих представителей интеллигенции к тому, что проблема возводится в принцип. Нельзя интеллигенции уподобляться вора́м в законе, статус которых в принципе запрещает сотрудничество с властью. Нельзя отдавать политику на откуп беспринципным дельцам и карьеристам. Тем более что без конкуренции извне, без постоянной подпитки со стороны интеллектуалов политика действительно останется сферой, закрытой от ценностей и принципов.

Такое отношение к власти является результатом неготовности значительной части интеллигенции признать, что политическая жизнь имеет определенную логику, какой бы неприятной она ни была.

Реальная жизнь, увы, труднее и грязнее идеальной схемы, однако неучастие в ней честных людей (чтобы не замараться!) делает политическую жизнь еще грязнее. Не могу не процитировать слова Ленина о людях (прежде всего интеллигентах), активно готовивших свержение монархии и ужаснувшихся от того, что они увидели с началом революции. «Беда этих горе-революционеров состоит в том, что даже у тех из них, кто руководится лучшими в мире побуждениями... недостает понимания того особого и особо „неприятного“ состояния, через которое неминуемо должна была пройти отсталая страна, истерзанная реакционной и несчастной войной... недостает выдержки в трудные минуты трудного перехода. [Т]акие типы чаще всего морщат пренебрежительно нос и говорят: „Я не из тех, кто поет гимны „органической“ работе, практицизму и постепенности“»⁶. При всем негативном отношении к деяниям автора этих слов трудно отрицать их правоту. Причем речь здесь идет о ситуации, складывавшейся в России к концу 1917 года, когда еще не пришлось пройти через кошмар гражданской войны. Интересно, много ли интеллигентов позднее нашли в себе силы увидеть собственную ответственность за дальнейшие события российской истории?

Не мной замечено, что российское понимание интеллигенции очень близко к французскому, на это указывали многие исследователи. Об этом свидетельствует не только специальный культурологический или социальный анализ, но и сопоставимая логика исторического процесса обеих стран. В обеих странах несколько десятилетий бурной ак-

6. Ленин В. И. Очередные задачи советской власти / Ленин В. И. ПСС. Т. 36. 1974. С. 207–208.

тивности интеллигенции завершились революционными взрывами, невиданно кровавыми по сравнению с другими европейскими революциями. В обоих случаях именно интеллигенция явилась мотором и основной жертвой революционных потрясений. В обоих случаях результатом революций стало укрепление в стране бюрократического государства при значительном ослаблении роли негосударственных, общественных институтов.

Я вовсе не намерен здесь выводить повышенную роль бюрократии из повышенной активности интеллигенции. Цепочка причинно-следственных зависимостей достаточно сложна и требует самостоятельного исследования. Однако было бы неверно игнорировать наличие определенных функциональных связей между всеми этими явлениями. Критическое отношение к власти, доходящее подчас до наделения ее сверхъестественными свойствами, при одновременном осознании собственной исключительности оборачивается готовностью прислониться к этой власти, когда она способна гарантировать интеллигенции статус исключительности, противоположности другим социальным слоям (классам). По известным словам М. О. Гершензона, интеллигенты должны «благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»⁷.

В этом отношении «антигосударственность» есть не что иное, как продолжение или форма проявления «государственности». Такая ситуация является естественным результатом разрыва между материальными и интеллектуальными условиями существования интеллигенции, которая, не имея

7. Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. 1991. С. 101.

реальных финансовых ресурсов и презирая аристократию, естественно, оказывается в финансовой зависимости от власти.

Интеллигенции, чтобы самореализовываться как интеллигенции, надо иметь государство, которое она может обличать и ненавидеть. Но которое может ее, интеллигенцию, при необходимости и защитить от обязанности работать в поле, *накормить и обогреть*, поскольку без этого нельзя петь обличительные песни и плясать революционные пляски. Вот и получается, что в странах, где нет сильного бюрократического государства, нет и интеллигенции в специфически российском (точнее, российско-французском) смысле этого слова. Причем российские ученики оказались талантливее французских учителей, у нас союз-ненависть государства и интеллигенции принял более яркие и устойчивые формы. (Объяснение последнего, впрочем, выходит за рамки данной статьи.)

И как только государство ослабевает, как только ослабевает государственный диктат и государственная подкормка, немедленно раздаются раздраженные крики, переходящие в ненависть и науськивание. Причем в этом доблестном лае сливаются голоса, казалось бы, антиподов. «Двенадцать голосов злобно перебранивались, отличить, какой чей, было невозможно... Они переводили глаза со свиньи на человека, с человека на свинью и снова со свиньи на человека, но угадать, кто из них кто, было невозможно», — как писал по другому поводу Дж. Оруэлл в заключительном абзаце «Скотного двора».

Особенно заметно это при обращении к инженерам человеческих душ. Диссидентствующие интеллигенты поносят демократические реформы ничуть не с меньшим энтузиазмом, чем лауреа-

ты всевозможных советских премий. Объявление вполне уважаемым г-м Синявским Егора Гайдара своим личным врагом ничем не отличается от анафемы, раздающейся от пресловутого Союза писателей России. Какая уж тут последовательность, какая уж тут связь между прошлым и настоящим, между личным опытом и провозглашаемыми ценностями, когда сам патриарх и гений Александр Исаевич Солженицын осуждает частную собственность на землю-матушку, хотя с собственностью в штате Вермонт он вполне неплохо уживался. (И то правда, американская земля — мачеха, на нее и ярмо частной собственности взвалить не грех, а вот Русского Мужика и Русскую Землю от такой гадости надо избавить.)

Все это печально, но неудивительно. Было время, когда государство кормило и одевало и тех и других. Одни получали от Советской власти премии и звания непосредственно. Другие — опосредованно, в виде зарубежных премий и грантов нонконформистам и жертвам тоталитарного режима. Я менее всего хочу ставить знак равенства между уважаемыми диссидентами и циниками совписа. Первым действительно пришлось пострадать и зарабатывать свои гранты в советских тюрьмах и лагерях, тогда как вторые в лучшем случае мучились от мысли, не продешевили ли они, продавая свою бессмертную душу (впрочем, таких было, думаю, меньшинство, остальные могли мучиться только от изжоги). Однако факт остается фактом: крушение тоталитарного режима привело к тяжелому психологическом *кризису как тех интеллигентов, так и этих.*

Рухнул коммунизм, исчезли устоявшиеся стереотипы, привычные ориентиры. Надо начинать борьбу заново. И тут-то происходит поистине

удивительная *рокировка*, куда там Борису Николаевичу. В одном лагере оказываются и вполне официальный Бакланов, и творивший на грани дозволенного Окуджава, и запрещенный Войнович. А в рядах певцов тоталитаризма мы видим недавних его критиков — Зиновьева и Лимонова.

Дело, конечно, не в писателях. Писатели лишь отражают общую закономерность развития отечественной интеллигенции, ее крайнего нежелания брать на себя ответственность — ни за свою семью, ни за свою страну. Ее стремления обмануть политическую логику и историю, найдя себе доброго и мудрого вождя, который будет руководствоваться интересами страны в их идеальной (то есть несуществующей) интерпретации. Именно такой идеал и воплощают для наших людей Г. А. Зюганов и Г. А. Явлинский, за которых голосует значительная (если не подавляющая) часть традиционной советской интеллигенции. При всей несхожести этих персонажей они представляются мне весьма близкими духовному поиску интеллигенции, оказавшейся на перепутье. Оба говорят, что обладают сокровенным знанием, благодаря которому без особых усилий и лишь при объединении действий всего народа смогут обеспечить всем достаток и благополучие. Жизнь оказывается не сложным процессом обретения опыта, а лишь поиском Высокого Знания (петушиного слова?), обладатель которого и способен осчастливить неразумный народ. Понятное дело, что это Знание абсолютно («всесильно, потому что верно»), но его практическая реализация требует безусловной веры в носителя такого Знания. А уже следующий вопрос, как осчастливить, через утопию кроваво-коммунистическую или розово-демократическую, не имеет особого значения. Главное, вождь знает путь. «Der Führer sacht».

А за всем этим следует «коллективное прозрение». Когда-то казалось, что подобное уже не может повториться. Оказывается, может, хотя и не обязательно. Чтобы этого не повторилось, предстоит много работать — и над экономикой, и над собой.

Удастся ли российской интеллигенции избавиться от комплекса собственной мессианской роли, который является лишь оборотной стороной униженности? Многое здесь зависит от социально-экономических тенденций развития страны. Либеральная экономика, создающая простор для творческого поиска и одновременно делающая необходимым зарабатывать свой хлеб в труде, не ожидая подачек от государства (неважно, своего или иностранного), создает условия для формирования реально независимого от власти слоя интеллектуалов. Это уже не брюзжащая и вечно недовольная интеллигенция, сетующая, что ее все время недооценивают. Здесь просто нет времени брюзжать и жаловаться, здесь надо работать и зарабатывать. (Увы, гораздо меньше времени остается и на то, чтобы читать книги в свое удовольствие). Зато здесь формируется интеллектуальная элита, которая рассматривает государство как своего наемного служащего и способна прямо, а не «через отрицание», оказывать влияние на власти предрержащие.

Но дело не сводится только к экономике. От позиции самой «ныне действующей» интеллигенции также многое зависит. Нужна напряженная интеллектуальная работа по осознанию места своей страны в мировой истории и своего места в истории страны. От «коллективного прозрения» отчасти спасает знание и переосмысление истории. Но не той истории, какую любили Вральман с Митрофанушкой, не просто дней минувших анекдоты, а осмысление истории сквозь призму опыта

различных стран, своей страны и своего собственного жизненного опыта. Признание того, что мы не уникальны, дает определенный ключ к пониманию тенденций нашего развития. История как метод познания сегодняшних реалий — вот что нам важно сейчас как никогда. В конце концов не помешает и немного цинизма, к которому приводит знание истории, знание того, что все уже было, прошло, *пройдет и это*.

Очерк второй. Россия в контексте истории — мировой вообще и западной в особенности

История, показывая кризис в перспективе, снабжает каждое поколение противоядием от иллюзии, что его проблемы уникальны по тяжести. Знание прошлого должно давать иммунитет от истерии, но не должно внушать самодовольства.

*А. Шлезингер. Циклы американской истории*⁸

Моей первой опубликованной работой был обзор седьмого тома «Кембриджской экономической истории Европы» (Вопросы истории. 1981. № 1) — солидного британского издания, первый том которого вышел еще до моего рождения. Методично, на протяжении нескольких десятилетий крупнейшие специалисты по экономической истории трудились над этим изданием, выпуская книгу за книгой, самим фактом своей работы демонстрируя,

8. Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 12.

что у них «в запасе вечность». Открыв седьмой том, посвященный концу XIX — началу XX века, я с наивным удивлением обнаружил, что помимо Франции, Германии, Италии, Бельгии и ряда других европейских стран обширные главы посвящены России, США и Японии. Мне было приятно, что редакторы тома отнесли Россию (и СССР) к Европе. Но почему США и Япония??? Обратившись к предыдущим томам, я заметил, что в них поначалу нет ни одной из этих стран, но с приближением к Новейшему времени постепенно появляются Россия и США. А в исследованиях, посвященных началу XX столетия, появилась и Япония.

Вывод напрашивался сам собой: значит, понятие «европейский» имеет не только географическое, но и экономическое (или экономико-политическое) значение. Значит, Европа — это не нечто, расположившееся в лучшем случае «от Атлантики до Урала» (до восточного склона Уральских гор, если быть географическим педантом). Более того, это и не пространство «от тайги до британских морей», если принимать политгеографическую точку зрения и включать в это понятие СССР.

Более того, получалось, что с экономической точки зрения понятие «европейский» вообще является относительным и историческим. Относительным, поскольку страна может располагаться в Европе, но не быть частью европейской цивилизации; и наоборот, находясь за тысячи километров от Европы, являться европейской. Это и историческое понятие, поскольку по мере своего продвижения по пути социально-экономического прогресса страны, далекие от Старого Света, могут становиться его органической частью.

Вообще-то эти рассуждения должны быть очевидными для исследователя, воспитанного в мар-

ксистской методологической культуре. Как писал К. Маркс, «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»⁹. Однако для практического применения этого вывода к анализу советских и российских реалий необходимо было отказаться от догматического и мессианского восприятия советского опыта. Ведь сколь бы скептически мы ни относились в свое время к советскому социализму, в глубине души у многих жило представление, что именно СССР дает другим странам некоторые контуры их будущего. Рассуждая таким образом, мы упустили из виду то, что социальный разрыв (измеряемый, скажем, уровнем образования) между СССР и Западом нивелировался, а экономический разрыв примерно с 1960-х годов стал быстро нарастать. Последнее фиксировалось углублением разрыва среднедушевого ВВП — интегрального показателя, характеризующего не только экономические, но и социально-политические особенности каждой страны.

Психологической компенсацией за это отставание стало высокомерное пренебрежение западным опытом, ссылки на уникальность «российского пути». Общие тенденции мировой истории оказывались вне поля зрения значительной части исследователей, как историков, так и экономистов. Между тем существуют некоторые обобщающие характеристики, которые следовало бы принимать во внимание при оценке тенденций и перспектив развития той или иной страны. И именно ВВП на душу населения является одной из важнейших

9. Маркс К. Капитал. Предисловие к первому изданию / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 9.

характеристик такого рода. При проведении межстрановых исследований целесообразно сопоставлять не страны в данный год или даже в данное десятилетие, а страны, находящиеся на сопоставимом уровне среднедушевого валового внутреннего продукта.

И тогда открываются вещи поистине удивительные.

Первое, что бросится в глаза, будет близость уровня среднедушевого ВВП во всех странах в момент осуществления в них революций Нового времени. Вы увидите, что этот показатель достаточно близок в Англии середины XVII века, в США и Франции второй половины XVIII века, в Германии и Италии середины XIX века, в России и Мексике начала XX века (колебания находятся в пределах 10%)¹⁰. Грубо говоря, монарха казнят в странах сопоставимого уровня экономического развития.

Следуя далее по истории, мы заметим, что устойчивый демократический режим возникает также на сопоставимом уровне социально-экономического развития, примерно вчетверо превышающем уровень «казни монарха»¹¹. Устойчивость демократической конституции также связана с определенным уровнем развития: исторический опыт свидетельствует, что попытки введения

10. Межстрановые сопоставления ВВП — самостоятельная и весьма сложная задача учета покупательной способности валют разных стран, к тому же в исторической ретроспективе. В данном случае мы опираемся на расчеты, проведенные А. Мэддисоном (см.: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris: OECD, 1995).

11. Об этом писал С. Хантингтон в книге «*The Third Wave*» (Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991. P. 61–69) [Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. — Прим. ред.]

всеобщего избирательного права на уровне, ниже определенного, оборачиваются скорым крахом этой системы (она или отменяется, или превращается в пустую формальность, как это было в СССР), введенной, впрочем, с вполне благими намерениями.

Дело не в формальных цифрах ВВП и уж тем более не в мистике этих цифр. Среднедушевой ВВП является неплохим интегральным показателем, отражающим социальные, политические и гуманитарные аспекты развития той или иной страны. Скажем, страна с уровнем 1200–1400 долл. (1990 года) ВВП на душу населения с высокой степенью вероятности является аграрной (примерно две трети населения и столько же ВВП связано с сельским хозяйством), с низким уровнем образования (неграмотно более половины населения), причем если речь идет о периоде до начала XX века, то это — монархия. Страны с уровнем выше 6 тыс. долл. — демократические, с доминированием промышленности в структуре производства и занятости. А в странах с уровнем выше 10 тыс. долл. интенсивно идет структурная трансформация в направлении постиндустриализма.

Уровень среднедушевого ВВП хорошо коррелирует с индексом человеческого развития и индексом экономической свободы, с развитием процессов политической демократии. Понятен механизм связи этих показателей. С ростом среднедушевого ВВП происходит рост образования и соответственно кругозора населения, диверсифицируются его потребности и производство. Правительство в такой ситуации все больше попадает в зависимость от своих граждан, налогообложение которых становится основным источником доступных государству финансовых ресурсов. (В традицион-

ных обществах бюджет формируется в основном за счет рентных доходов, то есть мало связан с экономической активностью.) Государство попадает в зависимость от экономической активности своих граждан, которые оказываются уже достаточно образованными, чтобы понимать свои интересы. *Это приводит к превращению подданных в граждан.* А граждане отличаются от подданных тем, что они желают знать, как и на какие цели тратит государство собираемые у них налоги. Таким образом возникают предпосылки для установления демократического режима¹².

Или возьмем такой пример, как всеобщее избирательное право. Элементарное сравнение уровней экономического развития в год, когда в той или иной стране оно было введено впервые, показывает, что устойчивым этот принцип оказывается лишь в странах со среднедушевым ВВП порядка 3,5 тыс. долл. и выше. Именно тогда к избирательным урнам было допущено все население Великобритании, Германии, США. Попытки же введения его на более низкой ступени приводят к тому, что очень быстро оно оказывается или отмененным (во Франции после 1795 года), или превращенным в пустую

12. Отсюда, кстати, становятся понятными такие исключения из общего правила демократизации с ростом уровня экономического развития, как, например, сохранение абсолютистских монархий в странах Персидского залива. Доходы этих стран формируются почти исключительно за счет нефтяной трубы (ренты), то есть государство не попадает в зависимость от деловой активности своих граждан и, более того, имеет достаточно ресурсов, чтобы покупать лояльность своих подданных, обеспечивая им высокий уровень жизни. Исключение из «правила демократизации» оказывается связано не с какими-то историко-культурными особенностями, а со структурными характеристиками отдельных стран.

формальность (в СССР, в большинстве латиноамериканских и африканских стран)¹³. Понять причины такого порядка вещей не представляет особого труда. Ответственно голосует лишь тот, кому есть что терять. Поэтому в развитых ныне странах Запада избирательное право расширялось постепенно, по мере расширения количества людей, живущих в достатке. И лишь тогда, когда они оказывались в большинстве (а на это и указывает названный выше уровень среднедушевого ВВП), избирательное право становилось всеобщим. Иными словами, наличие собственности (или определенного уровня достатка, или образования) является противоядием от популизма и демагогических обещаний безответственных политиков.

Количество примеров подобного рода можно увеличивать. Но уже очевидны два взаимосвязанных вывода. *Во-первых*, сравнивать имеет смысл только сопоставимые по уровню страны и между ними уже искать культурно-исторические различия, необъяснимые уровнем их социально-экономического развития, — то есть помимо хронологического времени имеет смысл говорить о существовании «социально-экономического времени», и лишь в этом измерении можно делать реальные сопоставления.

Во-вторых, достижение более высокого уровня социально-экономического развития приводит к существенным сдвигам в политической и культурной сферах. Более высокие темпы роста отдель-

13. Сюжет о «естественном уровне» социально-экономического развития для устойчивости системы всеобщего избирательного права подробно рассмотрен мной в книге «Экономическая реформа сквозь призму конституции и политики» (М.: Ad Marginem, 1999). Там приводятся соответствующие количественные оценки.

ных стран и приближение их к странам — лидерам по уровню среднедушевого ВВП делают эти страны сопоставимыми опять же не только в экономическом, но и в политическом, а отчасти и в культурном отношении. Признавая правоту К. Маркса в приведенной выше цитате о странах разного уровня развития, мы можем дополнить ее и противоположным выводом, характеризующим уже историческую ретроспективу: более развитые страны могут видеть в странах относительно менее развитых картину их более или менее отдаленного прошлого.

Последний вывод надо помнить тем западным политикам и интеллектуалам, которые высокомерно кривятся от нынешних российских проблем, от коррупции, от неурегулированности отношений между уровнями власти, резкости или некорректности действий отдельных наших политиков. О нем не следует забывать и нашим демократическим страдальцам, жалующимся на причудливость сегодняшней демократии в России по сравнению с западными образцами.

Дело не только в отсутствии значительного демократического опыта и традиций, хотя и это тоже важно. Дело не только в том, что за 1990-е годы Россия прошла политический путь, который на Западе занимал многие десятилетия, если не столетия. Посмотрите на современные развитые страны в то время, когда они находились на сопоставимом с нынешней Россией уровне экономического развития (скажем, США на рубеже XIX–XX веков, Италию в 1950-е годы). Вы увидите и схожие формы политической борьбы, и попытки олигархических структур доминировать в политической жизни, и сопоставимый уровень коррупции.

Однако на ту же проблему можно посмотреть и с другой стороны, так сказать, снизу. Забавными

выглядят ссылки на современный Китай, указания на преимущества этой модели по сравнению с российской. Я отчасти понимаю, когда об игнорировании этого опыта с раздражением говорят представители некогда реформистского крыла советской номенклатуры (Е. М. Примаков, А. И. Вольский, О. Т. Богомолов и др.): китайский путь означал бы не только сохранение, но и упрочение их политического и хозяйственного влияния по крайней мере еще на пару десятилетий. Ведь социальная суть китайского пути состоит в сохранении власти в руках старой номенклатуры благодаря однопартийной системе и идеологической жесткости режима, когда экономические преобразования проводятся постепенно и под контролем номенклатуры, а попытки проявления политической активности вне этих рамок жестоко подавляются. Однако идеи благотворности «китаизации всей страны» получили гораздо более широкое распространение и в России, и среди западных интеллектуалов.

Я оставляю в стороне вопрос о *политической* невозможности и нравственной ущербности предложений об использовании китайского опыта в современной России. Это было неосуществимо, поскольку к началу 1990-х годов была разрушена партийно-чекистская вертикаль власти, без которой в принципе нельзя реализовать эволюционный путь китайского типа. Это было бы безнравственно, поскольку ценности демократии, идеалы политической свободы не могут и не должны измеряться арифметикой краткосрочной экономической целесообразности¹⁴.

14. При всей своей моральной ущербности сожаления о том, что политические реформы начались вместе с экономическими (а то и раньше их), весьма популярны среди за-

Впрочем, использование китайского опыта в СССР конца 1980-х было невозможно и по социально-экономическим причинам. По уровню среднечеловека ВВП эти две страны разделяло столетие, что отражалось и в качественных параметрах. Соотношение городского и сельского населения, структура ВВП и занятости, уровень грамотности, система социального обеспечения населения и коррелирующие со всем этим среднечеловека ВВП и бюджетная нагрузка на экономику (доля бюджета в ВВП) Китая весьма близки СССР 1920-х годов¹⁵.

падных исследователей (особенно левого толка). В связи с этим вспоминается дискуссия, которую автор этих строк имел с одним видным итальянским экономистом — специалистом по СССР и России. В ответ на традиционные сентенции об ошибочности горбачевского курса на политические реформы я заметил: «Наверное, Вы правы. Однако согласитесь, что ошибки такого рода уже были в истории. Ведь и для Италии было бы гораздо лучше, если бы Муссолини не ввязался во Вторую мировую войну, а сохранил бы власть, скажем, до середины 1970-х годов. Итальянская экономика устойчиво развивалась бы, не было бы чехарды правительств, террора «красных бригад», коррупции, северного сепаратизма и других острейших проблем послевоенных десятилетий». Мой собеседник был возмущен подобным сравнением, хотя оно совершенно естественно и достаточно очевидно.

15. Не вдаваясь здесь в более подробное рассмотрение этого вопроса, отмечу лишь, что китайская трансформация является свидетельством в пользу принципиальной возможности «мягкой» индустриализации нэповской России, которая связывается у нас с именем Н. И. Бухарина. Индустриализация по Бухарину предполагала постепенное развитие промышленности через развитие самих крестьянских хозяйств, легкой и пищевой промышленности. Эта модель индустриализации была заклеена Сталиным как «правый уклон», а ее приверженцы поплатились жизнью. На протяжении последующих десятилетий вопрос о жизнеспособности бухаринской модели, о ее совместимости с коммунистическим тоталитаризмом являлся пред-

Таким образом, три условия принципиально важны для реализуемости модели ускоренного экономического развития при сохранении политического авторитаризма. *Во-первых*, низкий уровень экономического развития, наличие значительного числа не вовлеченных в эффективное производство трудовых ресурсов (аграрное перенаселение). *Во-вторых*, низкий уровень социального развития, когда государство не имеет характерного для развитого общества уровня социальных обязательств. (Например, если в КНР социальным страхованием и пенсионным обеспечением охвачено не более 20% населения, то в СССР оно распространялось на всех.) Наконец, *в-третьих*, низкий культурно-образовательный уровень, когда требование демократизации еще не является одним из ключевых для значительной массы населения.

Все эти факторы налицо в КНР, и всех их не было в Советском Союзе 1980-х годов. Поэтому те, кто выражает сожаление, что Горбачев не пошел по пути Дэн Сяопина, или рекомендует России учиться у Китая, должны согласиться со следующими предпосылками этого развития. Прежде всего правительству следует отказаться от социальных обязательств и перестать платить большую часть пенсий и социальных пособий. Правительству следует также сократить объемы предоставления бесплатных услуг в области здравоохранения и образования. Словом, довести уровень бюджетной нагрузки в ВВП с нынешних 36–40% до при-

метом теоретических дискуссий. Китай продемонстрировал, что эта модель является реальной, практической альтернативой. Правда, здесь следует особо оговориться, что речь идет о принципиальной экономической возможности такого развития, но не о его политической реализуемости в конкретных советских условиях 1920–1930-х годов.

мерно 20–25%. Однако сторонники китайских рецептов мотивируют их в значительной мере как раз деградацией социальной сферы России. Но тогда все эти рекомендации уходят из сферы реальной экономической политики в область благородных, но бесполезных мечтаний.

Однако ни схожесть нашей социально-политической системы с Западом на более ранней индустриальной фазе его развития, ни наша нынешняя социально-политическая несхожесть с Китаем не должны внушать ни самодовольства, ни самоуспокоения. Хотя социальная и экономическая структура современного российского общества, несмотря на глубокий экономический спад 1990-х, остается гораздо ближе к развитым странам, чем к развивающимся, результаты прошедшего десятилетия не могут быть оценены однозначно.

С одной стороны, произошел глубокий спад производства. Выпуск в отдельных отраслях промышленности сократился в разы, особенно это коснулось машиностроения и производства товаров народного потребления. Заметно снизился уровень среднедушевого ВВП.

С другой стороны, произошедшие изменения сопровождались некоторыми важными структурными сдвигами. Нам часто говорят о деиндустриализации России, тогда как реальные процессы свидетельствуют, скорее, о сдвигах постиндустриального характера. Произошел резкий сдвиг занятости из сферы материального производства в сферу услуг, в этом же направлении изменилась и структура ВВП. В тех отраслях промышленности, на продукцию которых есть реальный спрос, увеличилась доля выпуска с использованием прогрессивных технологий. Резко выросло использование компьютеров, без которых сейчас невозможно во-

образить работу даже самой захудалой бухгалтерии даже на давно остановившемся предприятии. Бурными темпами растут телекоммуникации и связь.

Страна находится на критическом рубеже своего развития. Налицо очередная развилка, причем вопрос стоит очень жестко. Или мы найдем путь для преодоления качественного разрыва с уровнем развитых западных государств, обеспечив соответствие экономического уровня развития страны социальному и интеллектуальному уровню ее народа. Или произойдет деградация интеллектуального потенциала до соответствующего экономического уровня. Конечно, изменения как в ту, так и в другую сторону будут происходить постепенно, однако выбор между инерцией роста и инерцией деградации будет сделан уже в ближайшее время. Точнее, выбор делается уже сейчас. И от ответа на этот исторический вызов зависит будущее страны, а может быть, и само ее существование.

Особая сложность ситуации состоит в том, что практически невозможно априорно сказать, что конкретно надо делать для решения стоящих перед Россией проблем. Точнее, можно долго и убедительно объяснять, какие конкретно реформы надо проводить для нормализации экономической ситуации — налоговую, бюджетную, как улучшать инвестиционный климат. Можно убедительно объяснить, какие изменения в Конституции приведут к всеобщему счастью, или, напротив, доказывать, что Основной закон страны лучше не трогать (я лично разделяю последнюю точку зрения). Можно предлагать рецепты либеральные и авторитарные, можно уничижительно критиковать и те и другие. Однако сказать, что именно может стать решающим фактором в прорыве или деградации, знать не может никто.

Я не собираюсь в этой статье предлагать свои рецепты прорыва к всеобщему счастью. Исторический опыт свидетельствует, что любые расчеты на эту тему оказываются ошибочными. Страна находит путь к благосостоянию, осуществляет или не осуществляет социально-экономический прорыв не тогда, когда исполняет на десятилетия вперед расписанные планы, а когда решает конкретные задачи и в процессе их решения нащупывает точки и инструменты прорыва. А уже потом политики и историки объясняют, благодаря каким гениальным предначертаниям одной стране удалось совершить чудо, а другая попала в ловушку стагнации.

При анализе ситуации в стране для определения пути ее оптимального развития важно трезво относиться к двум факторам, о выдающейся роли которых особенно часто можно слышать и в интеллектуальной, и в политической среде. Я имею в виду такие любимые нашей публикой вопросы, как наличие у России богатых природных ресурсов и не менее богатых национальных, исторических, культурных и т. п. традиций. Значение этих факторов, по меньшей мере, не следует оценивать однозначно.

Богатство природных ресурсов только на поверхности выглядит как благо. Весь опыт XX столетия свидетельствует о том, что наличие этого фактора само по себе не является ни необходимым, ни достаточным для решения стоящих перед данной страной масштабных социально-экономических задач. Скорее, наоборот, изобилие ресурсов нередко становилось фактором, развращающим правительства, вселяющим необоснованные надежды и отнюдь не стимулирующим к проведению ответственной экономической политики.

Посмотрите, например, на опыт стран, которые было принято относить к третьему миру. В первое послевоенное десятилетие, когда происходили бурные процессы деколонизации и на картах Африки и Азии появились десятки новых государств, довольно распространенным было мнение, что именно «черный континент» будет демонстрировать бурные темпы роста, тогда как у азиатских стран вряд ли есть надежда на процветание. Объяснялось это наличием богатейших природных ресурсов в одном случае и почти полным их отсутствием — в другом. Прошли годы. И, как это часто бывает в экономике, прогноз сбылся с точностью до наоборот. Многие азиатские страны обеспечили высокие темпы роста и быстрое преодоление отсталости от первого мира, а Африка пребывает в нищете и кризисе, несмотря на все свои алмазы, нефть, цветные металлы, гидроэнергоресурсы.

Можно долго обсуждать причины такого положения дел, однако одна из них налицо. Наличие богатейших ресурсов делает слабые политические системы (то есть системы без многовековой традиции государственности и находящиеся на низком уровне экономического развития) лакомым объектом для политических авантюристов, стремящихся хоть на время припасть к живительному источнику богатства. Свою роль играет и политический популизм в совокупности с высокомерием. Страны с доминированием бедного, необразованного аграрного населения не могут быть образцами демократии, основанной на всеобщем избирательном праве. Однако предрассудки XX века при отсутствии традиций собственной государственности (хотя бы монархических традиций) не создавали условий для возникновения устойчивого легитимного режима. В результате перевороты следовали

за переворотами, а приходящие к власти правители в лучшем случае (редко) оказывались социальными прожектерами (вроде Патриса Лумумбы), а чаще всего — амбициозными ворами (в экономической науке для них есть даже специальный термин — «блуждающие бандиты»).

Иначе обстояли дела в странах, бедных природными ресурсами. Их населению особо не на что было рассчитывать. А, главное, их правителям не были доступны ресурсы ни для социальных экспериментов, ни для разграбления. Чтобы получить хлеб с маслом, здесь надо было напряженно работать — как населению, так и элите. И постепенно в этих странах обозначились признаки экономического благополучия. Причем налицо была одна достаточно очевидная закономерность: первыми признаки экономического чуда стали демонстрировать политически стабильные государства — Япония (благодаря американской оккупации), Тайвань, Сингапур, Гонконг. Позднее к ним присоединились Южная Корея, Малайзия, Индонезия. И демократическим, и авторитарным режимам здесь не на что было рассчитывать, кроме как на свои силы и поддержку Запада при соответствующем выборе внешнеполитических приоритетов.

Характерный пример дает и опыт развития СССР и КНР. Помимо отмеченных выше политических различий ресурсный фактор также оказался исключительно важным при определении экономической стратегии обеих стран в середине 1970-х. К этому времени социализм советского типа уже столкнулся с серьезными экономическими трудностями: падали темпы роста, обозначились признаки стагнации. Вставали непростые вопросы о дальнейшем пути развития. В СССР начались дискуссии о повышении роли рыночных механизмов, попыт-

ка чего была предпринята в рамках хозяйственной реформы 1965 года. Однако энергетический кризис 1973 года резко изменил ситуацию. Огромные запасы дешевой нефти и газа дали стране (точнее, брежневскому руководству) поистине фантастические финансовые ресурсы, обладание которыми сделало ненужным поиск путей повышения экономической эффективности. Нефтедоллары позволили продолжить активное участие в гонке вооружений и одновременно обеспечивать некоторый рост уровня жизни, поддерживать социальную стабильность в стране. Реформы были отложены за ненадобностью, и к ним вернулись только в 1983–1985 годы, то есть тогда, когда мировые цены на энергоресурсы стали снижаться¹⁶.

Китай после экспериментов «культурной революции» и смерти Мао Цзэдуна также определялся относительно дальнейшего пути. После недолгого периода колебаний и экспериментов и при отсутствии богатых природных ресурсов китайскому руководству не оставалось ничего другого, как арестовать склонную к левому экспериментированию «банду четырех» и объявить устами Дэн Сяопина, что «неважно, какого цвета кошка, а важно, как она ловит мышей». И начать коренное рефор-

16. Здесь, кстати, уместно также заметить, что и в посткоммунистической России 1990-х годов прослеживается зависимость реформ от доступности нефтедолларов. Скажем, радикализация реформ и крах СССР также пришлось на период очередного падения цен на нефть, — либералов призвали лишь тогда, когда другие ресурсы (как административные, так и финансовые) оказались просто недоступными. Этим же фактором можно объяснить и экономические успехи Е. М. Примакова, чье премьерство также пришлось на период максимального падения нефтяных цен, что полностью лишило его правительство финансовых ресурсов для некоммунистических экспериментов.

мирование своей экономической системы на рыночных основаниях.

Конечно, из всякого правила есть исключения. Исключением являются нефтяные монархии Ближнего Востока, которые сумели эффективно воспользоваться имеющимся у них природным богатством и обеспечить высокие темпы роста и стабильность. (Конечно, с формальной точки зрения они относятся как раз к Азии, но, понятное дело, речь у нас идет не о географии, а о политике.) Однако в данном случае критическим фактором оказалась как раз стабильная политическая система или, точнее, стабильность абсолютной монархии, которая создавала основу *жесткого легитимного* управления страной без политических катаклизмов и государственных переворотов. Хочу подчеркнуть здесь *жесткость и легитимность*, поскольку приход к власти в нефтяных странах (вроде Ливии) даже многолетних диктаторов или существование полудемократических нестабильных режимов (вроде Алжира) отнюдь не способствуют порядку и процветанию: нелегитимный правитель не имеет устойчивой перспективы, какой обладает наследственный монарх, и относится к богатствам своей страны как к временному источнику обогащения (нередко личного), тогда как в абсолютной монархии процветание страны и процветание первой семьи непосредственно и стратегически связаны. Для таких режимов также существует термин — «стационарные бандиты», они понимают: чтобы больше грабить на «своей большой дороге», надо сделать ее более привлекательной по сравнению с дорогами, контролируемыми другими бандитами.

И, разумеется, при наличии стабильно функционирующей эффективной политической системы доступные природные ресурсы также могут

обернуться благом. Скажем, открытие нефтяных месторождений в Северном море пошло на пользу Великобритании и Норвегии. Однако в обоих случаях нефтяные богатства не стали доминирующим фактором развития, не поставили всю экономику в зависимость от одной этой отрасли.

Схоже обстоит дело и с ролью национально-культурно-исторических etc. особенностей той или иной страны. Перефразируя классика, можно сказать, что все счастливые страны счастливы одинаково, но все несчастливые страны, с провальными результатами, идут к ним собственным путем, апеллируя к национальным особенностям и традициям.

Конечно, эти особенности и традиции существуют. Однако никто и никогда не смог *ex ante* показать, какие подобные факторы и почему дадут положительный или отрицательный результат. *Ex post* — сколько угодно, найдутся сотни и тысячи экспертов, увешанных академическими званиями и премиями, которые убедительно и авторитетно объяснят нам причины успехов особенностями национальной охоты и рыбалки. Но в том-то и состоит «прелесть» исторического прогресса, что заранее почти ничего сказать нельзя.

А вот о чем действительно можно сказать заранее, так это о наличии разнообразных групп интересов, которые всегда не прочь воспользоваться «национально-культурной» аргументацией для получения конкретных материальных дивидендов. И неудивительно: этот аргумент поистине универсален и им можно объяснить практически всё что угодно. Мне приходилось слышать, как необходимость создания Российского банка реконструкции (источника дешевых денег для дружественных фирм) объясняли обилием часовых поясов, как не-

платежи и бартер объясняли огромными размерами государства Российского, как множественность валютных курсов выводили из особенностей национального характера. Список можно продолжать до бесконечности. Имеющийся опыт позволяет сделать вывод о том, что ссылка на особенности страны в лучшем случае возникает, когда не находится других аргументов, а в худшем — когда есть намерение что-то украсть.

Национально-культурные особенности — фактор, не поддающийся количественной верификации. Одинаково убедительный набор исторических аргументов доказывает, что Россия, скажем, самая индивидуалистическая и самая коллективистская страна, что либерализм органически присущ или совершенно чужд ее истории и т. п. Иногда кажется, что фактор национально-культурных особенностей играет в экономико-политических дискуссиях роль *deus ex machina* в греческих трагедиях: он возникает тогда, когда не удастся найти других объяснений происходящим событиям.

Причем касается это не только России. Как известно, после Второй мировой войны на протяжении примерно полутора десятков лет исследователи скептически относились к экономической политике Японии на основании особенностей японских традиций и национального характера. А позднее с тем же упорством именно этими факторами объясняли происхождение «японского экономического чуда».

Подчеркну еще раз: я не намерен отрицать значение таких факторов, как национальные традиции, культура, географическое положение и т. п. Я хочу лишь предостеречь от злоупотребления ими и использования подобных аргументов при выработке экономической политики. *Во-первых,*

по причине нечеткости этих факторов и легкости использования этих аргументов в узкогрупповых эгоистических целях. А во-вторых, по причинам принципиальной невозможности дать комплексную, строгую, исторически оправданную оценку того или иного культурного феномена.

Последнее очень хорошо демонстрирует следующая цитата. «Крестьяне этой страны до того ленивы и медлительны, что они никогда не станут работать больше, чем это необходимо для их собственного потребления».

Как вы думаете, читатель, о какой стране здесь идет речь? Нет, не о России, как ее принято изображать в заметках иностранных путешественников и некоторых отечественных авторов. Это написано, действительно, путешественником, но итальянским, посетившим Англию в 1497 году. Здесь нечему удивляться. Итальянские государства были тогда одними из самых развитых и динамичных в Европе, а Англия — одной из самых отсталых стран. И соответственно в природной лености крестьянства как национальной черте английского народа видит автор причины плачевного положения дел.

Однако итальянский автор не ограничивается этим замечанием. Будучи наблюдательным человеком, он уточняет проблемы английского крестьянства: «Они предпочитают превратить свои земельные угодья в пастбища для овец, которых они разводят в огромных количествах»¹⁷. Это высказывание заслуживает особого внимания. Путешественник упрекает ленивых крестьян в недостаточном внимании к хлебопашеству — ключевой, как тогда представлялось, отрасли сельскохозяйствен-

17. Цит. по: Coleman D. C. The Economy of England. L., Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1977. P. 32.

ного труда (напомним, что этот сектор в то время абсолютно доминировал). От лени-де крестьяне занимаются разведением овец, которые требуют гораздо меньших затрат труда. Весь опыт, накопленный *к тому времени*, свидетельствовал, что для сокращения отставания Англии от развитых европейских стран необходимо больше внимания уделять земледелию, выращивать и продавать зерно. Но ленивые крестьяне не хотели этого, что вызывало презрительную усмешку представителей более развитых стран.

Между тем сейчас нам ясно, что именно этот структурный сдвиг, осуществленный в Англии, создал важнейшие предпосылки для будущей промышленной революции и вывел эту страну в лидеры индустриального мира. Хотя для практической реализации новой модели развития потребовалось порядка трех сотен лет.

Подобный пример приведен не для оправдания лениности и не для посрамления высокомерия. В каких-то случаях то, что кажется ленью, может дать выдающиеся результаты. В каких-то — привести к разложению (последнее бывало в истории гораздо чаще). Я лишь хотел подчеркнуть ограниченность возможностей человека делать однозначные выводы стратегического характера, основываясь на собственном опыте и здравом смысле. Мы не знаем и принципиально не можем знать, какой порок или какая добродетель окажутся источником прорыва в будущем или приведут к гибели. Более того, мы далеко не всегда можем знать, какой кризис послужит во вред, а какой во благо¹⁸.

18. Кстати, обо всем этом надо помнить авторам разного рода стратегических программ и долгосрочных планов, разра-

Что мы можем сказать о России? Пока не так уж много. Существует немало разного рода «твердых выводов», какие секторы российской экономики могут обеспечить исторический прорыв. Если послушать «экспертов», то можно все отрасли и секторы отнести к приоритетным: космос и связь, сельское хозяйство и самолетостроение, жилищное строительство и дороги. «Разве нам не надо накормить народ?» — говорят одни. «Какие замечательные у нас военные технологии!» — резонно утверждают другие. «Связь относится к важнейшим секторам постиндустриального мира», — повторяют третьи. Все эти аргументы имеют свои резоны. Однако за всеми ними с очевидностью проступает стремление представителей соответствующих групп интересов получить дешевые ресурсы для своих отраслей и предприятий.

Тем более трудно согласиться с поиском источника социально-экономического прорыва в «исконных чертах» российского общества вроде пресловутого коллективизма, общинности, государственничества. Причем сам факт наличия этих и подобных черт нуждается в специальном обосновании и доказательстве, подчас они существуют не в реальности, а в воображении политиков и идеологов. А ведь в нашей истории (как, впрочем, и в любой другой) политические потрясения не раз случались как раз тогда, когда вожди слишком уж полагались на то, что они считали глубинными настроениями народа. Будь то «православие и исконный монархизм» русского мужика времен Николая II или «социалистиче-

ботка которых становится в последнее время (после примерно десятилетнего перерыва) опять очень популярной.

ский выбор» советского народа времен М. С. Горбачева, вера в которые дорого обошлась обоим лидерам.

И сейчас нам нередко предлагают аргументы подобного рода. Говорят о коллективизме, общинности, природной склонности к сильному государству. Однако никто всерьез не аргументирует подобные выводы. В лучшем случае аргументы берутся из истории, да и они зачастую могут интерпретироваться по-разному. (Вообще-то при хорошем знании истории и некотором опыте интеллектуальных спекуляций можно построить и обосновать практически любую картину системы национальных ценностей и традиций.)

Скажем, нам нередко говорят о коллективизме нашего народа и тяге к колхозному типу труда. Однако реальное поведение российских крестьян показывает, что коммунистический период практически полностью уничтожил здесь коллективистское начало. Во всяком случае, безуспешными оказываются попытки создания кооперативных организаций в российской деревне 1990-х годов. Другое дело — ностальгия по колхозному прошлому как тоска по безответственности за результаты своего труда, как тоска по устойчивости и гарантиям. Однако вряд ли эффективно отождествлять исконный коллективизм с безответственностью.

Есть, впрочем, некоторые особенности нашего развития, которые могут рассматриваться в качестве специфических особенностей России. Они могут быть более строго оценены и на самом деле сформировать базу сравнительных наших преимуществ. Главным является высокий уровень образования населения. Именно это и, в более широком плане, развитие «человеческого капитала»,

а отнюдь не приоритеты отдельных отраслей, является важнейшей сферой заботы власти. Это и достаточно ясно, и не связано с примитивным лоббизмом.

Ни в приведенном мной примере об Англии XV века, ни в рассуждениях о том, что наши проблемы примерно соответствуют проблемам западных стран соответствующего уровня экономического развития, ни в констатации высокого уровня образования россиян нет никакого исторического оптимизма. Ведь именно отсутствием оптимистической предопределенности реальная жизнь отличается от марксизма и других претендующих на прогностическую ценность моделей. Все страны проходили через кризисы, одним странам удавались рывки в будущее, а другим — нет или не всегда. Результаты кризисов, как и вообще результаты развития, оказывались совершенно различными. Ничего в истории не предопределено. Из того, что мы не уникальны, вовсе не следует, что «все будет хорошо». Вынесенные в эпиграф слова А. Шлезингера заканчиваются предостережением: «История идет по лезвию ножа»¹⁹.

19. Шлезингер А. Циклы американской истории. С. 12.

Очерк третий Революция, о которой так много говорили²⁰

Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время, век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежд, стужа отчаяния, у нас было все впереди, у нас впереди ничего не было.

Ч. Диккенс. Повесть о двух городах

Для адекватного понимания характера и динамики нынешних наших проблем недостаточно принимать во внимание лишь общий уровень социально-экономического развития России. Современная ситуация действительно весьма специфична, если сравнивать Россию не только с развитыми странами Запада, но и с подавляющим большинством других посткоммунистических стран. Но специфика эта — отнюдь не в истории и культуре, а в революционном типе переживаемых Россией преобразований.

Революция и слабое государство

Вывод о том, что последнее пятнадцатилетие было периодом революционной трансформации в России, вызывал многочисленные возражения и только в самое последнее время начинает получать осторожное признание²¹. Осмысление того,

20. В настоящем очерке используются материалы из книги: Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции. От Кромвеля до Путина (Мау В. А. Собр. соч. Т. 3. Гл. 7 «Экономический цикл революции», гл. 9 «Экономические проблемы революции». М.: Дело, 2010).

21. Впервые о перестройке как о первой фазе полномасштабной революции Ирина Стародубровская и я написали

что с нами произошло и происходит, сквозь призму опыта великих революций прошлого позволяет увидеть и понять реальную логику событий 1985–2000 годов. И дает неплохой инструмент для того, чтобы заглянуть немного вперед.

Революция — это прежде всего острейшая борьба, столкновение социальных сил, результатом которого становятся коренные, системные преобразования в обществе. Таково обычное понимание революции, и вряд ли стоит доказывать, что именно такие преобразования происходили в 1987–2000 годах в России. Однако это определение не является достаточно полным. Необходимы уточнения.

Не всякие системные изменения могут рассматриваться как революции. Сильное правительство может осуществлять глубокие, радикальные преобразования, имеющие несомненно революционные последствия, но остающиеся по сути своей реформой (иногда говорят «революция сверху»). Примерами здесь являются реставрация Мэйдзи в Японии и реформы Бисмарка в Германии. Радикальные, системные изменения могут происходить и в результате поражений в войнах и иностранной

в журнале «Коммунист» в 1990 году (См.: *Мау В., Стародубровская И.* Перестройка как революция: опыт прошлого и попытка прогноза // *Коммунист.* 1990. № 11). Анализ был основан на аналогии развития ситуации в СССР с ранними фазами Великой французской революции и российской революции 1917 года. Фазы и отдельные эпизоды были удивительно похожи, и на этой основе мы попробовали сделать определенный прогноз — о радикализации (даже «большевизации» режима), неизбежности лобовых столкновений консерваторов и радикалов, о неизбежности крушения горбачевской попытки держаться посередине все более поляризующегося общества. Тогда подобные взгляды воспринимались многими как экзотическое, хотя и элегантное, теоретизирование.

оккупации (как это было, скажем, в Пруссии после наполеоновских войн или в Японии и Германии после Второй мировой войны).

Революционная трансформация обусловлена внутренними кризисными процессами в той или иной стране. Она не может быть навязана извне. Это формирует определенную политическую и идеологическую среду революции, когда вместе с разрушением государства рушатся и казавшиеся незыблемыми ценности (будь то святость монархии, единство нации или мессианская роль мирового коммунизма). Поэтому национально-освободительные движения как правило не являются революциями — в них всегда имеется стержень, служащий важнейшим фактором объединения разрозненных сил нации.

Подлинная полномасштабная революция происходит в обществе, расколотом на множество противоборствующих социальных сил (групп интересов), которые не имеют общих ценностей и интересов. Одним из любимых слов М. С. Горбачёва было «консенсус», который президент СССР постоянно искал, но так и не смог найти. И неудивительно, поскольку социальной основы для консенсуса к концу горбачёвского периода уже не существовало. Различные социальные группы и различные представители элиты видели свое будущее в принципиально разных общественных системах — от северокорейского социализма (с туркменским акцентом) до интеграции с Европой (в Балтии). Россия же, как наиболее пестрая и наиболее крупная часть бывшего СССР, оказалась в наиболее противоречивом и потому неустойчивом положении.

Отсутствие консенсуса по базовым ценностям предопределяет резкое ослабление государственной власти. Правительство быстро теряет контроль

над экономической и социальной жизнью, борьба за власть между представителями различных общественных сил оказывается особенно непримиримой, подчиняя себе экономические процессы. И это естественно: в условиях отсутствия базового консенсуса потеря политической власти может привести к полному уничтожению той или иной группы интересов, и потому борьба за власть приобретает самодовлеющий характер, подчиняя себе все другие сферы жизнедеятельности общества.

Утрата государством контроля над основными социально-экономическими процессами проявляется и в постоянных колебаниях экономического курса, и в возникновении множества центров власти, которые к тому же начинают конкурировать между собой, и в отсутствии сложившихся политических институтов, в результате чего функции политических посредников могут выполнять самые разнообразные организации (включая предприятия), и в отсутствии сколько-нибудь понятных и устоявшихся «правил игры». Высказывание Робеспьера о том, что конституцией революции является соотношение социальных сил, оказывается актуальным в любых революционных катаклизмах.

«Бархатные революции» в Восточной Европе не были революциями в полном смысле слова. Эти страны освобождались от режима, навязанного извне, и при всех глубоких разногласиях в обществе и в элитах здесь существовало базовое понимание цели развития — движение (возвращение) в Европу. Непонимание этого коренного отличия стран Центральной и Восточной Европы от России оказывается источником неадекватной оценки стартовых условий и перспектив нашего развития, комплекса неполноценности части отечественной интел-

лигенции и презрительного отношения к результатам наших реформ.

Правда, иногда приходится слышать сомнения относительно революционного характера происходящих в России изменений. Возражения касаются глубины произошедших изменений, включая радикальность смены элиты и ограниченной роли в них насилия. Подобные оценки носят в значительной мере субъективный характер. Радикальными приносимые революцией изменения представляются обычно лишь потомкам. Тогда как общество, выходящее из революционных катаклизмов, воспринимается большинством современников скорее как пародия на старый режим, нежели как принципиально новое слово в развитии страны. То же можно сказать и о радикальности смены элит. При серьезном анализе революций прошлого выясняется, что представления о радикальности этого процесса были сильно преувеличены в общественном сознании потомков. В конце концов одинаково верными являются утверждения о том, что значительная часть новой российской элиты вышла из номенклатуры КПСС и ВЛКСМ, как и о том, что вожди французской и большевистской революций были в основном из дворян.

Что же касается насилия, то вряд ли можно всерьез рассматривать революцию как синоним гражданской войны. Урбанизированное и высокообразованное население (а именно такова современная Россия), которому, в отличие от малообразованной крестьянской бедноты прошлых революций, есть что терять, гораздо менее склонно к массовым стихийным выступлениям²².

22. Мне приходилось сталкиваться с еще одной, довольно любопытной точкой зрения. Один наш видный по-

Главным последствием резкого, качественно-го ослабления государственной власти является то, что в жизни страны резко усиливаются элементы стихийности. Ход общественного развития на протяжении двенадцати-двадцати лет (а именно такова продолжительность полномасштабной революции) гораздо меньше зависит от конкретных решений властей, чем при нормальной эволюционной жизни. Эта стихийность в свою очередь делает революции удивительно похожими между собой — как в смысле фаз их развития, так и по характеру возникающих проблем.

За 1987–2000 годы Россия прошла те же фазы революции, что проходили все великие революции прошлого. Фазы революции хорошо изучены в западной литературе²³, и здесь мы не станем подробно рассказывать о них. Основными фазами являются:

– «Розовый» период, когда у власти находится первое революционное (умеренное) правитель-

литический деятель, один из «отцов перестройки» категорически возражает против трактовки посткоммунистической трансформации как революции, полагая, что подобный вывод есть оправдание насилия и призыв к гражданской войне. Поистине, переосмысление советского опыта и отказ от восхваления «гражданской» (чаша сия не миновала даже тонкого и мудрого Булата Окуджаву) привел интеллектуалов старшего поколения к мистическому восприятию слова «революция», как будто бы даже само использование его может привести к кровопролитию.

23. Классической работой является книга Крейна Бринтона «Анатомия революции», первое издание которой вышло еще в середине 1930-х [Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised ed. (N.Y., Vintage Books, 1965). First edition, 1938.—Прим. ред.].

ство, а весь народ сплочен в едином порыве жить по-новому. Кажется, что надо только соединить все лучшее от старого с новыми идеями и новыми людьми, и все будет замечательно. Уверенность в своих безграничных возможностях толкает правительство на экзотические шаги, прежде всего в экономической сфере (антиалкогольная кампания была только первым примером), что становится дополнительным фактором усугубления системного кризиса.

- *Поляризация.* Постепенно обнаруживается, что позитивные цели разных общественных групп существенно различны и даже непримиримы. Нарастает борьба за власть, причем из-за отсутствия консенсуса по базовым ценностям все остальные процессы (прежде всего экономические) оказываются заложниками политической борьбы. Ухудшение экономической ситуации становится лишь аргументом для того, чтобы доказать вредоносность своих политических противников. Экономика все более выходит из-под контроля властей, что особенно наглядно отражается в падении собираемости налогов и резком росте транзакционных издержек (соответственно в снижении экономической активности и объемов производства).
- *Радикальная фаза.* Крушение умеренного режима сопровождается открытым столкновением радикальных и консервативных сил, и если последние не одерживают верх, к власти приходят радикалы, которые проводят глубокие преобразования, разрушающие большинство фундаментальных черт старого режима. Радикальные власти действуют в основном весьма прагматично (хотя внешне идеологически индоктринированно), концентрируя все ресурсы

на сохранении нового политического режима и власти.

- *Термидор и завершение революции.* Тяготы радикализма и постепенное стирание из памяти характерных черт старого режима приводят к накоплению социальной усталости и усилению ностальгических настроений по отношению к прошлому. Тем более что по мере приобретения революцией необратимого характера укрепляются позиции тех элитных групп, которые заинтересованы в сохранении новой системы и стабилизации общественно-политической жизни. Формируется новая конфигурация власти, происходит сближение элит на умеренных основаниях, постепенно складывается новый социально-политический и экономический консенсус.

Подчеркиваю: подобные фазы при всей их узнаваемости не есть характеристика только современной России, они наблюдаются во всех великих революциях прошлого, начиная с Английской в середине XVII в. Для этой последовательности действий характерны и достаточно стандартный набор экономических проблем, и схожие механизмы их разрешения. Ведь на самом деле именно встающие перед данной страной вызовы времени и попытки общества найти адекватный ответ на них делают революционные процессы похожими. Имеют значение механизмы, а не исторические аналогии.

Слабость государственной власти оказывает существенное влияние на ситуацию в экономике и на экономическую политику властей. Неспособность власти обеспечивать исполнение законов приводит к резкому ухудшению условий для бизнеса, что оборачивается спадом производства и на-

растанием социальных тягот. Быстро выясняется, что условия жизни в революционную пору не только не лучше, но откровенно хуже, чем при старом режиме²⁴.

Деньги и собственность — извечные проблемы революции

Ключевая характеристика революционной власти — ее неспособность собирать налоги, а значит, выполнять свои финансовые обязательства. Финансовый кризис быстро нарастает, проявляясь прежде всего в форме кризиса бюджетного (невозможность правительства оплачивать свои счета) и денежного (падение доверия к национальной валюте). Для своего выживания (не только политического, но и физического) новым руководителям приходится принимать экстраординарные меры. История свидетельствует, что в распоряжении революционного правительства оказывается два основных варианта действий. С одной стороны, печатный станок или другие нетрадиционные

24. Не могу удержаться от того, чтобы привести пример из истории Великой французской революции. Вот как писала тогда «Французская газета»: «Часть народа, к сожалению, слишком многочисленная, не привыкшая заглядывать дальше завтрашнего дня, лишь бы были средства прожить сегодня, не видит в отмене этого абсурдного закона ничего полезного, никаких причин, побудивших к ней. Особое недовольство проявляют женщины, большая часть которых не помнит о вчерашнем дне и которые не примечают завтрашнего дня, начинают проявлять недовольство». Отсюда было недалеко и до политико-экономических обобщений — «пока не обуздают свободы, мы будем оставаться несчастными». А несознательные женщины в это время нередко откровенно заявляли: «Пусть дадут нам короля, лишь бы мы имели хлеб» (*Добролюбский К. П. Экономическая политика термидорианской реакции. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 25; 164; 166*).

способы извлечения бюджетных доходов. С другой стороны, манипуляции с собственностью как источник обеспечения социально-политической и финансовой поддержки революции.

Эти два механизма тесно взаимосвязаны. Французские бумажные деньги (ассигнаты конца XVIII века) выпускались под обеспечение земельных ресурсов из государственного (или национализированного) фонда. И, напротив, свидетельства на получение в будущем конфискованных земельных наделов в Англии 1650-х годов использовались как средство платежа солдатам революционной армии.

Инфляционный механизм финансирования революции впервые был опробован в массовом масштабе во Франции 1790-х годов. Здесь неспособность правительства собирать налоги привела к тому, что выпуск бумажных денег (ассигнатов) стал важнейшим источником финансирования нового режима. Первоначально ассигнаты рассматривались как свидетельства государственного долга и должны были идти на покупку недвижимости у государства, однако по мере нарастания финансового кризиса революционные правительства все более активно использовали их в роли бумажных денег.

Инфляционное финансирование государственных расходов повлекло за собой стандартную (но тогда еще неизвестную) цепочку экономических последствий. Увеличение предложения бумажных денег вызвало быстрый рост цен и вытеснение из обращения металла. Правительство ответило введением принудительного курса, в результате чего торговцы стали отказываться принимать бумажные деньги вообще. Тогда правительство приняло решение о государственном регулировании цен (установление «максимума») и о запрете

использования металлических денег, что должно было также поддержать курс ассигната. Нарушителям этих установлений грозила смертная казнь.

Последствия оказались стандартными — с прилавков исчезли товары, страна столкнулась с угрозой голода. Смертная казнь за припрятывание продуктов питания была подкреплена запретом на вывоз потребительских товаров и введением фактической государственной монополии на ввоз продовольствия. Однако внутреннее производство продуктов под воздействием законов о «максимуме» катастрофически падало. Не только лавочки, несмотря за грозившие им суровые наказания, устанавливали цены в золоте (у. е. в тогдашнем понимании), но и законодательный корпус, принимая решения о своем жаловании, также ориентировался на золото.

Печатный станок был важнейшим фактором финансирования бюджетных расходов и в других революциях, прежде всего американской, русской (1917–1922), мексиканской²⁵. Очевидны и аналогии с ситуацией в России на протяжении большей части 1990-х годов.

Важное макроэкономическое следствие такой политики — демонетизация народного хозяйства. У нас сейчас модно указывать на резкое снижение уровня денег в ВВП в постсоветской России, одна-

25. Впрочем, использовались и другие нетрадиционные способы пополнения государственного бюджета. Скажем, в эпоху Английской революции бумажно-денежная эмиссия еще не была известна европейским правительствам и соответственно этот механизм не был доступен антироялистскому правительству. Зато доступным оказался морской разбой, и нападения патриотически ориентированных пиратов на иностранные суда (прежде всего испанские) стали дополнительным финансовым ресурсом революции.

ко этот процесс имел место во всех известных революциях прошлого. Причем инфляция становится только одним из факторов сжатия реальной денежной массы. (Речь идет именно о реальной, а не о постоянно растущей номинальной денежной массе: с увеличением тиражей печатных станков стоимость денег все более падает.) Демонетизация происходила и в революционной Англии, правительство которой не прибегало к эмиссии. Дело в том, что политическая нестабильность сама по себе приводит к падению деловой активности, к усилению сбережений в твердой форме. Поэтому даже при сохранении металлического денежного обращения благородные металлы уходят в сокровища, и экономика сталкивается с «денежным голодом».

Несмотря на катастрофические экономические последствия подобного экономического курса, политические последствия его были вполне удовлетворительные — революционные режимы смогли окрепнуть, что со временем позволило отказаться от инфляционных методов. Однако для этого политический режим должен был стать достаточно сильным, чтобы иметь возможность отказаться от популистских решений, обеспечивающих решение сиюминутных проблем, проблем выживания.

Другим механизмом выживания революционной власти является перераспределение собственности. К этому прибегали все революционные власти, мотивируя свои действия высокими идейными соображениями, вроде передачи земли (заводов, фабрик) народу, наказания контрреволюционеров, формирования прогрессивной и справедливой социально-экономической структуры. Однако реальной целью всех этих действий всегда было решение задачи укрепления позиций нового режима. Причем здесь неважно, осуществлялось ли это в форме

секвестра королевской собственности, национализации или приватизации.

Две характеристики революционной трансформации собственности, хорошо известные из истории, особенно важны для понимания происходящих в современной России процессов. *Во-первых*, соотношение краткосрочных и долгосрочных целей этого процесса. *Во-вторых*, механизмы перераспределения собственности. Эти вопросы заслуживают того, чтобы остановиться на них чуть более подробно.

Впервые в истории Нового времени эти механизмы были использованы в революционной Англии. Ограниченное в финансовых ресурсах и ищущее политической поддержки правительство Долгого парламента, а затем Кромвеля решило использовать в своих интересах земельные владения, принадлежавшие ирландским повстанцам, роялистам, церкви и короне. Частично это было сделано путем прямой продажи земель за деньги, отчасти — путем выпуска ценных бумаг, дающих право на приобретение собственности в будущем.

Как показывают современные исследования, первый вариант стал откровенным способом покупки политических союзников и обслуживания интересов предпринимательских групп, обеспечивавших революционным властям финансовую и социальную базу. Первичными покупателями конфискованных земель стали финансирующие правительство лондонские купцы, обеспечивавшее парламентскую армию силой местное дворянство, депутаты и чиновники парламента, генералы революционной армии²⁶, — то есть продажа земель

26. См.: *Thirsk J. The Sales of Royalist Land during the Interregnum // The Economic History Review. Vol. 5. 1952. No. 2; Ap-*

осуществлялась в интересах лондонской политической элиты, а также ее финансовых и политических союзников.

Аналогичные сюжеты возникали и при продаже ирландских земель. Правда, в процесс их перераспределения был встроен своеобразный стимулирующий механизм: под земли были выпущены ценные бумаги, которыми расплачивались с солдатами экспедиционного корпуса. Тем самым правительство укрепляло свои политические позиции, а у армии появлялся прямой стимул подавить ирландское восстание.

Особенностью французских событий конца XVIII столетия стало наличие более жестко выраженного конфликта между финансовыми и социальными целями продажи земель. Острый финансовый кризис подталкивал к необходимости продавать земли как можно дороже. Однако ради обеспечения поддержки со стороны широких масс крестьянства власть пошла на ускорение продаж и удешевление земли. Дискуссии на эту тему велись постоянно. Поначалу, при всеобщем энтузиазме и популярности нового режима, условия продажи недвижимости были сформулированы с акцентом на финансовые результаты — было решено продавать землю крупными участками, с весьма ограниченным периодом рассрочки и при максимальной уплате «живыми деньгами». Позднее же, по мере обострения социальной борьбы, после череды политических кризисов и «изобретения» механизма инфляционного финансирования госбюджета заметно ослабла значимость фискальной цели

хангельский С. И. Распродажа земельных владений сторонников короля // Известия Академии наук СССР 7 серия (Отделение общественных наук). 1933. № 5.

приватизации. На первый план вышли социально-политические проблемы: были приняты решения о поощрении приобретения земель мелкими собственниками, о резком увеличении периодов расщепки (что с учетом инфляции делало распределение земли близким к бесплатному), об усилении роли ассигнагов в процессе передачи собственности в частные руки²⁷.

В условиях большевистской и мексиканской революций социально-политический аспект трансформации собственности приобрел решающее значение. Национализация проводилась в целях выживания революционного режима — сначала для обеспечения поддержки со стороны миллионов крестьян, а затем, в промышленности, для концентрации сил и средств в гражданской войне. Достаточно известным является тот факт, что немедленная национализация не была программным требованием большевиков и еще накануне революции не рассматривалась в качестве краткосрочной меры экономической политики. Однако складывавшиеся обстоятельства политической борьбы подтолкнули к реализации комплекса соответствующих мероприятий, которые к тому же соответствовали общим идеологическим настроениям эпохи вообще и коммунистической идеологии в частности.

27. Впрочем, как отмечают историки французской революции, и здесь аргументы социальной целесообразности естественным образом переплетались с личными интересами представителей революционной власти, и особенно депутатского корпуса. Поместья и дома в провинции продавались за чеки («территориальные мандаты») по цене, в десятки раз ниже их дореволюционной стоимости, причем за сделками нередко прослеживались интересы депутатов и чиновников.

Революционная трансформация собственности имеет ряд общих черт и последствий. Прежде всего реализация собственности всегда дает гораздо меньший фискальный эффект, чем от нее ожидают. И дело здесь не только в конфликте между фискальной и социальной функциями перераспределения собственности, в результате чего стоимость сделки на определенной (радикальной) фазе революции всегда приносится в жертву ее темпу, а фискальный результат — политическому. Проблема также в том, что при оценке фискальных перспектив продажи недвижимости расчет всегда основывается на дореволюционной, то есть более высокой ее стоимости. В революционных же условиях эта цена оказывается значительно ниже: дает о себе знать политическая неопределенность (ведь в случае поражения революции результаты сделок с недвижимостью будут пересмотрены), да и сам по себе факт массированных распродаж раздает создает избыточное предложение, что соответственно ведет к занижению цены. (Разумеется, удлинение сроков реализации госимущества, постепенность продаж могли бы дать больший фискальный эффект, но для власти, решающей задачи своего выживания «здесь и сейчас», реальный временной горизонт чрезвычайно узок.)

Есть еще один исключительно важный для революционного этапа феномен: само использование ценных бумаг ведет к занижению цен на недвижимость. Испытывающее финансовые трудности правительство не может удержаться от избыточной эмиссии этих бумаг, а получающие их граждане склонны быстро от них освободиться со значительным дисконтом (что естественно в условиях революционной политической неопределенности). В результате недвижимость в годы революции

не только продается дешево, но и в значительной мере попадает в руки спекулянтов и в дальнейшем используется для перепродажи. Разница в ценах попадает отнюдь не в руки государства.

В этом отношении особенно показателен ирландский опыт. Те самые свидетельства на получение земель повстанцев, розданные английским солдатам, в основной массе были немедленно проданы нескольким финансистам, активно «работавшим» в это время с солдатами. И то правда, земли можно было получить после военной кампании, а «живые деньги» за бумажки-ваучеры давали немедленно. Разумеется, со значительным дисконтом. А когда ирландское восстание было подавлено, выяснилось, что большая часть земель находится уже не в руках революционных солдат, а у кучки богатей, причем скуплена ими по дешевке.

Как свидетельствует опыт, значительная часть недвижимости может оставаться в руках старой политической элиты, которая способна откупиться от новой власти. Это особенно характерно для революций, в которых политическая компонента доминирует над социальной и соответственно финансовые вопросы для революционной власти не заслоняются в полной мере политическими. Англия XVII столетия является в этом отношении наиболее типичным примером.

Как и в других революциях, в современной России в проблеме собственности концентрируются различные вопросы экономического, социально-политического и финансового характера. От приватизации ожидали, что она сможет обеспечить резкое повышение эффективности отечественной экономики, преодоление разрыва с индустриально развитыми странами мира. Однако реальность оказалось иной. Если рассуждать вне историческо-

го и политического контекста, такое развитие событий может вызвать разочарование. Однако понимание российской трансформации как процесса революционного привносит в этот анализ существенные уточнения.

Действительно, помимо социально-экономической функции (формирование эффективного собственника) приватизация должна решать и другие, не менее важные с точки зрения революционного процесса задачи — формирование политических коалиций в поддержку революционной власти и пополнение государственного бюджета. Более того, пока государственная власть остается слабой, решение именно последней задачи особенно важно, а формирование эффективного собственника становится актуальным только после преодоления политического кризиса. Этот тезис может быть пояснен и по-другому — с точки зрения интересов не власти, а бизнеса: пока политическая ситуация не стабилизируется и власть не окрепнет, серьезные предприниматели не станут вкладывать свои средства, а значит, не будет и эффективного собственника.

Из всего сказанного становится ясно, почему на первых этапах приватизации решались преимущественно задачи укрепления социально-политической базы рыночной демократии в России. Ваучерный механизм не был и не мог быть эффективным, что признавали сами реформаторы. Однако он в краткосрочном плане обеспечивал поддержку власти, а в среднесрочном способствовал формированию нового класса собственников, заинтересованных в устойчивости новой российской экономики²⁸. Именно ваучерная приватизация

28. Наиболее наглядно это было продемонстрировано состоявшимися в конце 1995 года «залоговыми аукционами»,

дала возможность сформировать антикоммунистическую и антиинфляционную коалицию, которая обеспечила решение первоочередных задач макроэкономической и политической стабилизации.

В середине 1990-х годов по мере укрепления новой власти и обострения бюджетного кризиса акценты в приватизации были перенесены в фискальную область. Правительству, лишившемуся инфляционного налога, нужны были деньги, и приватизация могла стать их важным источником. Такое изменение ситуации дестабилизировало сложившуюся ранее коалицию. Но правительство почувствовало себя уже достаточно сильным, чтобы противостоять новым группам интересов, и это стало источником обострения политической борьбы на протяжении 1997–1998 годов. Именно в ходе этой борьбы происходило формирование политических условий для перехода к следующей фазе развития — выходу из революции, политической стабилизации и формированию со временем эффективного собственника.

в ходе которых банки давали правительству кредиты под залог государственных пакетов акций привлекательных в стратегическом отношении предприятий. Фактически это была продажа, причем по весьма низкой цене. Нередко подчеркивают, что в тех условиях власти были жизненно необходимы деньги, а политическая ситуация была такова (победа коммунистов на парламентских выборах и высокие шансы появления в России президента-коммуниста), что никто из зарубежных инвесторов не был готов вкладывать сюда деньги. Сказанное, разумеется, справедливо, но не менее очевидно и другое: «залоговые аукционы» проводились в декабре 1995 года, а переход в собственность мог осуществиться только осенью 1996 года. В середине же этого срока — в июне 1996 года — должны были состояться президентские выборы. Причем было ясно, что условия «залоговых аукционов» будут соблюдены только в случае победы на них совершенно определенного кандидата.

Какими бы острыми ни были политические дебаты, какими бы своеобразными ни были идеологические построения революционеров, облик выходящей из революции страны предопределяется в конечном счете именно тем, как решались ее финансовые проблемы и какие удавалось создавать социальные коалиции. Ведь именно здесь складывается новая структура собственности, формируется новая конфигурация групп интересов, определяется положение государства по отношению к этим группам, складывается новый политический режим.

Завершение революции

В стране завершается революция. После падения правительства радикалов сформировался режим, основанный на компромиссе бывших радикалов и умеренных, достаточно циничных и прагматичных, а потому выживших в бурные годы революционного подъема, сумевших сохранить себя во власти или рядом с властью. Наступает время циничных компромиссов, циничных политиков, многие из которых не просто выжили, но и неплохо обогатились, погрев руки на перераспределении собственности — процесса, который бурно шел на протяжении почти десяти лет.

Постепенно успокаивалась и финансовая ситуация. Инфляция была подавлена. Практически одновременно государство объявило дефолт по значительной части внутреннего долга, причем само указало, какую часть своего долга и кому оно готово продолжать выплачивать, а какую — нет. Однако социальная ситуация оставалась неблагоприятной, в народе усиливалась ностальгия по старому режиму, когда все было устойчиво и спокойно. Все хотят стабильности, все ждут сильного и популярного лидера. В парламенте идут бурные дебаты,

однако острейшая политическая борьба не приводит к зримому улучшению ситуации и вызывает у народа нескрываемое раздражение.

Все это не о сегодняшней России, а о Франции 1795–1799 годов. О режиме Директории, сложившемся в стране после падения якобинского правительства, и о постепенном формировании предпосылок для знаменитого переворота 18 брюмера, завершившегося падением Директории и формированием режима Консулата, а фактически режима личной власти Наполеона Бонапарта — первого консула, позднее провозгласившего себя императором.

Процесс выхода из революции есть процесс укрепления государственной власти. Это предполагает постепенное сближение позиций различных элитных групп, формирование консенсуса по базовым ценностям общественной жизни. Разумеется, степень этого консенсуса не следует преувеличивать, как и скорость продвижения к нему. По мере исчерпания революционного потенциала нации происходит постепенная консолидация правящей элиты, которая укрепляет свои позиции и получает более широкое поле для маневра. Консолидирующаяся власть находит в себе силы к принятию болезненных, непопулярных, но необходимых для финансово-экономического оздоровления мер.

По сути это означает возвращение к нормальной экономической политике, без революционных эксцессов и чрезвычайщины. По форме это выражается в стремлении правительства жить по средствам и обеспечить устойчивость финансовой системы страны. Поэтому характерной чертой последней фазы революции является депрессивное состояние производства и недофинансирование отраслей бюджетной сферы. Причем чем активнее революционными правительствами использовались ранее

инфляционные механизмы, тем острее следующий затем бюджетный кризис.

Можно сказать иначе. Позднереволюционное обострение экономических проблем вообще и бюджетного кризиса в частности связано со своеобразным положением консолидирующейся элиты и восстанавливающей свои силы политической власти. Власть уже оказывается достаточно сильной, чтобы не заигрывать с группами интересов и не идти на экстравагантные популистские меры. Но она (власть) еще достаточно слаба и бедна, чтобы решить весь комплекс стоящих перед ней задач.

Депрессия в Англии середины 1650-х годов во многом стала тем фактором, который привел страну к реставрации. Однако ограниченность инфляционных источников финансирования, с одной стороны, и относительная неразвитость бюджетной сферы — с другой, способствовали относительной мягкости бюджетного кризиса времен Протектората. Основной проблемой для правительства была вышедшая из революции армия, необходимость финансирования которой во многом и предопределила склонность Кромвеля к ведению войн на континенте²⁹.

Преодоление революционных последствий во Франции было гораздо более болезненным с макроэкономической точки зрения. Одним из первых шагов, сделанных с началом укрепления политической власти, стало оздоровление государствен-

29. «Одинаково опасными были как долги бюджета перед армией и флотом, так и недовольство сквайров и купцов. Единственно возможное решение Кромвеля в такой ситуации состояло в жесткой внешней политике... которая сама могла стать источником бюджетных доходов» (*Ashley M. Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Protectorate. L.: Frank Cass, 1962. P. 17*).

ных финансов путем волевого отказа от значительной части (двух третей) внутреннего долга. Спад революционной волны сделал такое решение возможным, а обострение экономического кризиса — необходимым. За этим последовало дальнейшее ужесточение бюджетной политики в период Консулата. Хотя многие финансовые проблемы удавалось решать с помощью победоносных войн, бюджетная сфера на провинциальном уровне долгие годы продолжала пребывать в глубоком кризисе³⁰.

Понятие «сильное государство» нуждается в пояснении. В современной России в силу понятных традиций сильное государство отождествляется с дорогим и (или) интервенционистским, то есть с возможностью власти активно вмешиваться в хозяйственную деятельность фирм, перераспределять значительную долю финансовых ресурсов через бюджет. Между тем в действительности сильное государство — это нечто существенно иное.

Мне представляется уместным сравнить сильное государство с Королем из «Маленького принца». Тот, как известно, мог приказывать солнцу восходить и заходить, однако делал это лишь в минуты восхода и заката. И совершенно справедливо замечал, что великий монарх должен быть умным, то есть способным трезво оценивать свои возмож-

30. Вот как характеризуют некоторые авторы наполеоновский период в истории Франции, причем в приводимой ниже цитате речь идет о периоде несколько более позднем и потому более благополучном, чем конец 1790-х: «Если бы мы посетили любой крупный провинциальный город во Франции между 1808 и 1815 годами, то увидели бы голодающих учителей и священников, перебивающихся на скудном жаловании, пустые школы, больницы без медперсонала и без лекарств, городские власти, пребывающие в апатии и лишенные всякой инициативы» (цит. по: *Henderson W. O. The Industrial Revolution on the Continent*. L.: Franc Cass, 1961. P. 81).

ности и возможности своих подданных. А теперь представим, что было бы, если бы по просьбе одних приближенных государь потребовал бы от солнца взойти на полчаса раньше, а другая близкая группа подсунула бы указ об отмене заката на ближайший год. Кончено, абсурд. Но ничуть не больший абсурд, чем требования аграриев, промышленников, регионов и т. п. включать новые и новые расходные статьи в бюджет безотносительно к объему доступных источников финансирования.

Итак, принципиальной характеристикой сильной власти является ее способность реально оценивать свои возможности, доступные ресурсы. И говорить «нет», когда требуют чего-то нереального. Разумеется, формирование сильного государства не происходит одномоментно. Это процесс, требующий времени и проходящий через определенные фазы.

Государство преодолевает характерную для революционной эпохи слабость постепенно. Сначала речь идет лишь об ограничении лоббистов, об ограничении расходных обязательств доступными власти здоровыми финансовыми источниками. Это способность государства не прибегать к услугам печатного станка несмотря на возможные социальные и политические конфликты. А позднее — не расширять налоговое бремя сверх разумного уровня.

Сильное государство предполагает и наличие определенной личности. Впрочем, здесь важна не только личность, но и механизм прихода к власти. Дело в том, что расколота, имеющая существенно различные цели элита не может объединиться сама. Практически невозможно сформировать компромиссную программу: цели зачастую диаметрально противоположны, и каждая попыт-

ка объединения «за» сталкивается с более мощным объединением «против». Каждая группировка в элите опасается усиления влияния другой. Поэтому каждый потенциальный кандидат в вожди находится под пристальным вниманием и при попытке вырваться вперед попадает под жесткий огонь своих коллег-конкурентов. Именно поэтому лидером завершающей фазы революции всегда оказывался политик всем известный, но от которого подобных политических амбиций никто не ждал.

Теперь еще немного о Франции при переходе от Директории к Консулату. К власти пришел человек, которого ждали. Это был широко известный и популярный деятель, от которого, однако, никто не ждал, что он станет мощным политическим лидером. Он смог объединить элиты, но, так сказать, негативно. Лидеры враждующих группировок ненавидели друг друга, но каждый из них полагал, что новый популярный генерал станет их шпайгой в деле реализации их политических амбиций и в борьбе с их политическими противниками. Потом, правда, выяснилось, что никто из героев Директории новому лидеру не нужен: все они были быстро отстранены от реальной власти и отправились в политическое небытие, хотя с одними поступили грубее (удалили из столицы), а другим дали почетные титулы и награды. Но политические последствия для тех и других были одинаковыми.

Сказанное в значительной мере объясняет тот феномен, что политики, метившие у нас на протяжении последних лет в президенты, за считанные месяцы теряли свой шарм. В расколотом обществе элиты не могут объединяться вокруг позитивной цели, но легко это делают в ситуации «против». Всякий кандидат на верховную власть в России второй половины 1990-х оказывался под

огнем объединенной критики, и счастье В. Путина, что поначалу его всерьез никто не воспринял как преемника. Это в совокупности с его очевидным политическим чутьем позволило успеть сформировать новую политическую ситуацию, в которой каждый, затаив дыхание, ждет от нового лидера реализации их планов.

Понимание революционного характера нынешней российской трансформации представляется особенно важным для адекватной оценки развития России в конце XX в. и перспектив по крайней мере следующего десятилетия. То и дело приходится слышать окрик: почему не гладко, почему не по плану? Надеюсь, что изложенные здесь соображения позволили кое-что прояснить в этом отношении. Ведь на самом деле произошедшее хотя и является довольно редким феноменом, но отнюдь не уникально и вполне вписывается в опыт западной цивилизации.

И, наконец, заключение. Как говорили раньше, о текущем моменте

Россия пережила революцию. Эта революция не дала того, чего от нее ожидали. Положительные приобретения освободительного движения все еще остаются, по мнению многих, и по сие время по меньшей мере проблематичными.

*С. Н. Булгаков. Героизм и подвижничество*³¹

Реальные результаты развития России за первое посткоммунистическое десятилетие не могут не по-

31. Вехи. Интеллигенция в России. С. 43.

ражать. Стоит только вспомнить, что к 1992 году страна подошла без основных институтов государственной власти и практически без традиций демократических принципов ее организации.

Главным итогом этого десятилетия является, несомненно, создание основ демократического строя и его сохранение, несмотря на все тяготы революционной поры. У нас есть демократическая Конституция, гарантирующая права и свободы, которых никогда не имели российские граждане. Именно этой Конституции мы обязаны той относительной политической стабильностью, которую обрела страна после декабря 1993 года. Именно эта Конституция позволила всю острую политическую борьбу последних лет ограничить рамками элиты и удерживать ее в пределах демократических механизмов и процедур.

Мы смогли создать основы рыночной экономики, формируются ее основополагающие институты. Впервые с середины 1920-х годов мы имеем конвертируемую валюту. Рубль недостаточно устойчив, но это реальные деньги, на которые можно купить любые товары без многочасовых, а то и многолетних, очередей.

В России проведена невиданная по масштабам приватизация. Ее результаты вызывают острейшую дискуссию в обществе, однако сам факт осуществления приватизации создал принципиально новый экономический и политический климат. Частная собственность вновь стала легальной, и это служит залогом того, что при ответственной политике властей страна получит импульс экономического и социального прогресса.

Не будем забывать: все эти процессы развиваются практически с чистого лица, без опыта и без исторической памяти, которая вытравлялась на про-

тяжении большей части XX века. Не будем также забывать, что при всех тяготах и жертвах последнее десятилетие несопоставимо со всеми предыдущими периодами отечественной истории, когда Россия решала задачи радикального обновления экономико-политических условий своего существования. Нам удалось совершить практически бескровный (в прямом и переносном смысле) демонтаж прежней политико-экономической системы, причем в исторически короткие сроки, при обеспечении преемственности реформ и постепенной консолидации политической элиты страны.

Более того, характер проблем и даже кризисов, с которыми России приходится сталкиваться сегодня, свидетельствует о нашем существенном продвижении вперед. Это уже не экзотические кризисы пустых прилавков и всеобщего товарного дефицита, которые свойственны странам низкого уровня развития или архаичным хозяйственным системам. Наши сегодняшние проблемы при всей их болезненности и неприятности являются кризисами, типичными для современных рыночных экономик. И пути преодоления этих кризисов достаточно хорошо известны.

При оценке итогов 1990-х годов можно прийти к одному исключительно важному выводу. За это время нам удалось покончить с негативным наследием коммунистической эпохи, с «родовыми пятнами» коммунизма. Три важнейшими характеристиками той эпохи, без которых немыслим коммунизм как экономико-политическая система, являются следующие.

Во-первых, тотальное огосударствление собственности, недопущение частной собственности и частнопредпринимательской активности граждан, жизнь и труд которых должны полностью

зависеть от государства и определяться государством. Эта черта естественным образом связана с отсутствием рыночной экономики, независимых от государства хозяйственных агентов.

Во-вторых, принципиальное отсутствие демократии, политический тоталитаризм, основанный на тоталитарной идеологии. Такое политическое устройство является следствием отсутствия рыночной мотивации. Рыночные стимулы роста эффективности подменяются внеэкономическим, государственным принуждением.

Наконец, *в-третьих*, товарный дефицит как результат отсутствия рыночных стимулов и механизмов. Товарный дефицит той или иной степени интенсивности является неотъемлемой чертой коммунистической системы во все времена и во всех странах.

Всех трех названных элементов в современной России более не существует. И это позволяет сделать вывод: *переходный период в России практически завершен. Россия стала страной с рыночной экономикой и демократической конституцией.* Дальнейшее развитие России, ее успехи или трудности, прорывы и кризисы будут определяться этим фундаментальным результатом последнего десятилетия XX в.

Конечно, перед Россией стоит множество непростых экономических, политических и социальных проблем. Кризис еще не преодолен, экономическое оживление остается неустойчивым. Предстоит закрепить стабильность макроэкономической ситуации, сформировать благоприятные условия для инвестиционной активности и роста, создать современную социальную сферу и т. д. Однако все эти задачи не являются уже такими уникальными,

как выход из коммунизма. Схожие задачи стояли и сейчас стоят перед многими странами мира.

Начался процесс консолидации элиты. Если в 1995–1996 годах программы ведущих партий и кандидатов в президенты расходились радикально и были принципиально несовместимы, то теперь этого сказать уже нельзя. Если оставить в стороне маргиналов, то можно утверждать, что программы основных политических сил уже не являются абсолютно несовместимыми. Конечно, видение реалий в них существенно различается. Но программные документы написаны уже в рыночной парадигме, различия между ними уже не напоминают дискуссию слепого с глухим (точнее, здорового человека со слепоглухонемым), а стали похожи на острейшие дискуссии британских лейбористов и консерваторов примерно рубежа 1940–1950-х годов (времени, когда лейбористы были очень красными, а консерваторы очень консервативными, однако ни те ни другие не собирались строить ленинско-сталинский социализм).

Действительно, все признают уже важность частной собственности, и никто всерьез не говорит о необходимости масштабной национализации. Вопрос о пересмотре итогов приватизации практически всеми сводится к судебной процедуре и на основании несоблюдения исходных условий приватизации. Конечно, к этому можно поставить много вопросов (например, о независимости судов в условиях «диктатуры пролетариата» или авторитарном лидере регионального масштаба), однако сама по себе такая постановка вопроса существенно отличается от заклинаний о грабительской приватизации.

Все признают важность макроэкономической стабильности, нсинфляционной денежной поли-

тики, сбалансированного бюджета. А расхождения по вопросам организации валютного контроля при всей экзотичности предложений о запрете на конвертируемость рубля не столь уж нетипичны для западных демократий середины XX в. Близки позиции по налоговой политике, нет непреодолимой пропасти в вопросах внешнеэкономической деятельности.

Еще более ярким свидетельством сближения позиций стали первые дни работы Государственной думы (январь 2000 года). Буквально в момент ее открытия выяснилось, что проправительственные силы и коммунисты не имеют серьезных расхождений и легко могут договариваться между собой. Попутно обнаружилось, что главным фактором, разделявшим «партию власти» и КПРФ, была сама личность Б. Ельцина как главы государства, острая взаимная ненависть между ним и коммунистическими вождями. С уходом Ельцина стало ясно, что других серьезных различий, пожалуй, и нет. Дискуссии, конечно, будут, и весьма острые. Но они будут носить, скорее, «ролевой характер» — по принципу «правительство предлагает, оппозиция критикует, а после все вместе, обнявшись, идут пить пиво».

Разумеется, такая ситуация не может внушать восторга идейным сторонникам демократии или коммунизма. Однако именно так происходит постреволюционная консолидация, и нам остается только мечтать, чтобы она происходила в том же естественном и относительно мирном ключе.

В первой половине 1920-х годов, в самый разгар нэпа, один сознательный (то есть рефлексирующий) рабочий так охарактеризовал ситуацию в письме к знакомому: «...*правильно, но противно*». Тогда «правильный, но противный» ход событий

был нарушен теми, кто захотел сделать жизнь лучше и веселее, сломав социально-экономическую систему нэпа и открыв эпоху «больших чисток» и большой крови.

Перспективы социально-экономического и политического развития России вполне отчетливо просматриваются сквозь призму опыта последней трети XX в. вообще и опыта завершения революций в частности.

Кризис советской системы произошел в рамках определенного мирового социально-экономического тренда. Суть его состоит в преобразовании индустриальных систем в постиндустриальные. Советский Союз, соревнуясь с Западом, не смог адаптироваться к постиндустриальным вызовам и пал под тяжестью собственной индустриальной системы, ориентированной на производство чугуна и стали, а не на электронику и информатику, на потребности производства, а не на потребности современного человека (без которого нет и современного производства). Советская система сформировала образованного человека, ориентированного на постиндустриальные ценности, но не смогла создать адекватные условия для реализации им этих ценностей.

Поэтому при благоприятном развитии событий (то есть без политических катаклизмов и популистских экспериментов) производственные перспективы развития страны прорисовываются достаточно отчетливо. Будут происходить структурные изменения, характерные для трансформации индустриального общества в постиндустриальное. В 1990-е годы, несмотря на состояние тяжелого кризиса, уже начались стихийные сдвиги в направлении пропорций, характерных для постиндустриализма.

Доля сферы услуг увеличилась с 37% в 1980 году до 49–51% к концу 1990-х. Увеличение доли услуг и сокращение доли промышленности является важнейшей характеристикой современной экономики.

Несмотря на общую негативную экономическую динамику, продолжали расти показатели автомобилизации и телефонизации, по которым отставание СССР в 1970-е годы от общемировых тенденций было наиболее значительным. Обеспечение населения телефонными аппаратами возросло в 2,5 раза (или в 3 раза из расчета на 100 семей), а протяженность междугородных телефонных каналов — в 50 раз (в 5 раз по сравнению с 1985 годом). За 1990-е годы с 2 тыс. до 111 тыс. увеличилось количество только зарегистрированных факсовых аппаратов (понятно, что в реальности их гораздо больше), а число сотовых телефонов с 1994 по 1998 год выросло почти в 30 раз. (В конце 1999 года прирост числа абонентов сотовой связи составлял порядка 100 тыс. в месяц.) Количество телевизионных станций за тот же период увеличилось почти в 3 раза. В 3,5 раза с 1980 года выросло количество легковых автомобилей (в 2 раза только за 1990-е годы).

Очевиден быстрый рост компьютеризации. По результатам опросов населения, в 1997 году 3% семей в стране имели домашние компьютеры, в Москве же компьютером обладала каждая десятая семья³².

Наблюдаются и довольно важные структурные сдвиги в традиционных секторах промышленности. Характерно в этом отношении положение в черной металлургии. На протяжении примерно двух десятилетий (1970–1980-е годы) мы слы-

32. См.: Общественное мнение (ВЦИОМ). 1997. № 6. С. 15.

шали жалобы высоких руководителей о том, что прогрессивные технологии здесь не внедряются, и даже те изобретения, которые были сделаны в СССР (вроде непрерывной разливки стали), широкое распространение получили в США и Японии, но не у нас. И лишь в кризисные 1990-е наметился перелом: удельный вес производства электростали и кислородно-конверторной стали (то есть прогрессивных технологий) в общем объеме выплавки возрос с 47 до 72%, с помощью машин непрерывного литья заготовок — с 23 до 47%, а отношение готового проката к выплавке стали (показатель, характеризующий эффективность производства) выросло с 71 до 78%.

В химической промышленности также наблюдается рост многих видов современной продукции, отражающий важное изменение структуры и приоритетов во всем народном хозяйстве и потребительском секторе. За 1990-е заметно возросло производство шин, видеокассет (в 10 раз), компакт-дисков (в 2 раза). Удельный вес производства прогрессивных лакокрасочных материалов увеличился в общем объеме с 64 до 81%.

Средняя обеспеченность жильем на одного жителя — 16,4 кв. м в 1990 году и 18,6 в 1997 году, жилой фонд возрос с 2425 млн кв. м до 2715 млн кв. м.

Несмотря на тяжелый финансовый кризис, заметно возросло количество музеев, театров, спортзалов, бассейнов.

Очень важны и происходящие в настоящее время изменения в трудовой ориентации работников, все более отражающие мотивацию, характерную для постиндустриального общества. Исследования жизненных стратегий молодежи показывают, что молодые люди все менее готовы жертвовать во имя работы своим здоровьем, выполнять низкоквали-

фицированные функции, ниже своих способностей и умений, делать однообразную работу, трудиться в условиях сурового климата. Они настроены преодолевать трудности, связанные с учебой в «трудном» институте, выполнять работу с повышенной ответственностью, переучиваться и осваивать новые профессии, не заводить семью до достижения определенного уровня образования, материального и социального положения. Повышается внимание и к качеству жизни: обеспеченности жильем, экологическим условиям³³.

Свои жизненные установки молодежь строит на отрицании как наиболее характерных черт труда многих категорий работников в зрелом индустриальном обществе (низкая квалификация, однообразность), так и принципов социальной стратификации, характерных для советской системы. Причем установки молодежи существенно отличаются от позиции населения в целом, в массе своей воспитанного еще при советской системе, для которого, согласно исследованиям, ценности активной самоотдачи, трудовых и статусных достижений, ответственности не играют существенной роли.

Я привожу эти примеры не для того, чтобы доказать, что все у нас стало хорошо. Ситуация на протяжении 1990-х годов была и еще сейчас остается очень тяжелой, и на каждый положительный пример можно найти десяток отрицательных. Однако наблюдающиеся у нас положительные сдвиги отражают важную тенденцию: происходит не вос-

33. См.: *Магун В. С.* Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г. // *Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства* / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 306–317.

становление объемов производства вообще (этого и не нужно), а увеличение доли тех секторов в производстве и потреблении, которые связаны с выходом за рамки индустриального общества. И было бы, по крайней мере, странно не замечать эти тенденции.

Подобным тенденциям можно найти аналог и в современных западных странах. Для лучшего понимания предстоящих нам структурных сдвигов стоит обратить внимание на опыт таких стран, как Испания и Португалия последних 20–25 лет. В середине 1970-х годов эти страны освободились от диктатур и находились по показателю среднедушевого ВВП примерно на уровне России. Им также предстояло адаптировать структуру своих экономик к новейшим вызовам времени, и путь этих стран показывает и наши примерные перспективы. (Разумеется, с соответствующими поправками, главными из которых являются две: во-первых, советская экономика была значительно больше перегружена традиционными индустриальными гигантами, что усложняет процесс трансформации; и, во-вторых, позитивным фактором является более высокий уровень человеческого капитала, которым обладает современная Россия.)

Для реализации позитивного сценария в предстоящие годы важнейшим фактором будет способность элиты к консолидации, результатом чего должно быть укрепление государства. Это, как мы уже видели, вообще характернейшая проблема завершающей фазы революции. Неудивительно, что с необходимостью укрепления государства согласны сейчас все — как говорится, от коммунистов до либералов. Однако смысл в это понятие вкладывается совершенно различный, если не противоположный. Для одних укрепление государ-

ства означает восстановление советской практики масштабного вмешательства в экономику, в функционирование конкретных предприятий и производств, проведение частичной национализации и установление государственного контроля за всеми финансовыми потоками. Для других укрепление государства есть усиление способности власти принимать только те решения, которые она способна реализовать и проконтролировать.

Из всего сказанного выше нетрудно понять, что автор этих строк разделяет второй подход. В самом деле, до того как заниматься прямым регулированием экономики, раздачей денег на сельское хозяйство, угольную промышленность, машиностроение и т. п., государству надо быть уверенным, что деньги эти не будут разворованы. А для этого следует укрепить правоохранительную систему, силовые структуры, суды, разобраться с соответствием регионального законодательства федеральному. Необходимо провести реформу государственного аппарата, сократив его численность и резко повысив привлекательность (в том числе и в финансовом плане) труда чиновников. Без всего этого многочисленные контролирующие инстанции так и останутся конторами по выколачиванию взяток. А все попытки усиления госвмешательства в экономику будут вести лишь к росту транзакционных издержек (на «улаживание» отношений бизнеса с чиновничеством).

Иными словами, пока у государства не хватает денег на достойное финансирование силовых структур, судебной системы и собственно госаппарата, пока недофинансированной остается социальная сфера (прежде всего образование и здравоохранение), по крайней мере странно выглядят попытки раздачи денег отраслям и предприятиям.

Во-первых, социально-политические функции власти являются первичными по отношению к экономическим, поскольку обеспечивают само существование государства. *Во-вторых*, без эффективности государственных институтов власть принципиально не способна обеспечивать рациональность расходования ресурсов в других сферах. Перефразируя известные слова К. Маркса, можно сказать: прежде чем финансировать отдельные отрасли народного хозяйства, власть должна быть способна финансировать на достойном уровне армию, полицию, суды и управленческий аппарат.

А когда будет создана надежная структура власти, когда слово «государство» в народе перестанет ассоциироваться со словом «взятка», когда права граждан будут надежно защищены полицией и судами, когда сверх этого в руках государства окажутся дополнительные финансовые ресурсы, можно будет заняться и экспериментами над экономикой. Впрочем, может оказаться, что при здоровых институтах власти особого вмешательства в экономику уже не потребуются. Политическая стабильность, честность госслужащих и благородство милиционеров сделают Россию раем для инвесторов, и капиталы потекут сюда полноводной рекой. А дополнительные ресурсы можно будет тратить на развитие социальной сферы, на вложения в «человеческий капитал».

Однако есть один фактор, который является критическим для осуществления эффективного экономического курса. И фактор этот находится не в экономической, а в политической сфере. Я твердо убежден, что главным является сохранение и упрочение в России режима политической демократии, и особенно свободы прессы. Перефразируя выражение из нашего советского позавчера,

можно сказать, что демократия является сейчас «основной производительной силой».

При всей ограниченности набора реалистичных решений в экономической сфере всегда остается риск непродуманных, непрофессиональных действий, ошибок, ведущих к ухудшению социально-экономической ситуации. Но и это еще полбеда. Гораздо хуже, что логика ошибочных действий при определенных политических обстоятельствах приобретает самораскручивающийся характер. Усугубление кризиса подталкивает недостаточно опытных политиков к принятию внешне эффективных решений, от которых околоэкономические шаманы обещают наступление немедленного чуда. В итоге получается «как всегда», но нежелание принимать сложные решения приводит к появлению новых заклинателей. В результате страна попадает в западню.

Важно не допустить возникновения таких политических обстоятельств. Я знаю только один способ против этой опасности — политическая свобода. О ее роли в экономике мы можем судить даже по итогам 1999 года. Сейчас модно говорить о мудрости Е. Примакова, чья политика привела к экономическому росту. Но мало кто помнит, что исходные программные документы и заявления его правительства были такими, что многие сограждане стали уже закупать продукты и предметы первой необходимости. Но обошлось: телеканалы и газеты в течение нескольких недель ежедневно объясняли, что произойдет, если планы неосоветского реванша будут осуществляться на практике. Руководители резко пеняли на СМИ, но объяснения поняли и скорректировали свои действия. Но это стало возможно, потому что Б. Ельцин был реальным гарантом политических свобод и пра-

вительство не могло остановить критику в свой адрес.

Таким образом, политические свободы, и особенно свобода печати, являются на сегодня не только важнейшим идеологическим приоритетом, но и ключевым фактором устойчивого экономического развития России.

* * *

В начале статьи я задал вопрос, находимся ли мы на развилке или в тупике, в начале большого пути или в его конце. Сейчас я должен ответить. Мы находимся в конце туннеля и видим свет. Окажется ли это светом дня или светом паровоза, зависит от нас самих.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

«Революция каузальна,
но не телеологична...»

Истоки, последствия и сущность
революционных процессов
современности

БЕСЕДА ВЛАДИМИРА МАУ
И БОРИСА КАПУСТИНА

Модератор¹: Давайте начнем с того, что такое, на ваш взгляд, революция.

Владимир Мау: Существует достаточно большое количество подходов к определению революции и, соответственно, к ее анализу. В моем понимании, с учетом накопленного исторического и экономического опыта революций, этот феномен характеризуется двумя принципиальными чертами.

Это радикальная трансформация общественно-экономического, идеологического, политического устройства общества, осуществляемая при сломе государственной власти. То есть два элемента существенны — радикальная трансформация и слом, крах государства.

Отдельный вопрос — что считать радикальным сломом, и в какой мере в процессе революционной трансформации сохраняется преемственность с *ancient regime*, в какой мере сохраняется непре-

1. Модераторы Валерий Анашвили и Артем Смирнов.

рывность, то есть связь до- и послереволюционных систем. Это уже отдельный сюжет. Тем не менее общество до революции существенно отличается от общества после революции.

Аналогично, специального внимания заслуживает вопрос о причинах и формах краха государственной машины, а также о путях ее восстановления. Разумеется, возможны два варианта. Во-первых, возможна радикальная трансформация без слома государства. И это не есть революция. Или, может быть, по другим определениям, это политическая революция. Примером здесь служит реставрация Мэйдзи. И во-вторых, возможен крах государства без системной трансформации.

Мне представляется, что данное определение революции является наиболее общим, охватывающим практически все известные нам исторические события. Другие характеристики революции уводят в частности, хотя и важны для понимания отдельных исторических явлений. Как, например, насилие, которое при несомненном его наличии в революциях, является все-таки функцией от уровня социально-экономического развития — в более богатых странах насилия, как правило, меньше — в том числе и в ходе революционной трансформации. Поэтому ни насилие, ни какие-то другие дополнительные факторы, которые могут быть важны для той или иной революции, не являются существенными для ее определения.

Впрочем, вряд ли возможно и целесообразно стремиться к тому, чтобы дать абсолютное, точное и окончательное определение революции. Но в данном случае это общее определение описывает практически все глубокие общественные трансформации (революции), происходившие в странах, среднедушевой ВВП которых находился примерно

в интервале от 1200 до 1400 долларов (по расчетам А. Мэдисона). Причем это касается и так называемых оборванных (abrupt) революций, по определению Баррингтона Мура. Такой, например, была германская революция 1848 года. Но эти же базовые характеристики революции прослеживаются и применительно к посткоммунистической трансформации России, которая находилась на совершенно ином уровне экономического развития.

Б. К.: Владимир Александрович, может быть, разумнее поступить таким образом. До того как я изложу мою версию оптики, сквозь которую мы рассматриваем и распознаем революции, хотелось бы задать некоторые уточняющие вопросы.

Вы упомянули революцию 1848 года, так называемую европейскую «Весну народов», которая вообще-то признается революцией, потерпевшей поражение.

В. М.: Точнее, это была abrupt revolution, оборванная революция. Аналогичной была и революция 1905 года в России.

Б. К.: Да, таких побежденных или оборванных революций в истории было немало, и, может быть, даже больше, чем так называемых победивших революций. Слома государственной машины такие побежденные революции не производят, сколь бы сильные сбои в работе этих машин они ни вызывали. Но ведь слом государственной власти Вы считаете одним из ключевых признаков революции. Коли так, то что дает право рассматривать потерпевшие поражение революции в качестве революций (как ту же революцию 1848 года)? Не ведет ли Ваше рассуждение к тому, что революциями могут

называться только победившие революции? Хотя о критериях «победы» или «поражения» революций нам, видимо, следует поговорить особо.

В. М.: Здесь есть еще один пример революции, относительно которой тоже следует задать вопрос, революция ли это. Я имею в виду Американскую войну за независимость.

Б. К.: Да.

В. М.: В моем понимании это именно война за независимость, а не революция. В ней не было системной трансформации. Было изменение политического режима, причем вынужденное, поскольку изначально Соединенные Штаты не хотели этой смены.

Модератор: Трансформация произошла.

В. М.: Да, произошла трансформация в условиях дееспособного, хотя и только что появившегося, государства. А за государством стоит способность элиты. Но революция — это всегда крах, это банкротство элиты, на что обращал внимание Егор Гайдар. Революция не является неизбежной, и элита имеет достаточно возможностей не допустить развала страны, потери контроля над ситуацией — при достаточной гибкости этой элиты и готовности принимать ответственные решения. В общем, элиты, как правило, все-таки способны удерживать ситуацию под контролем.

Правда, я здесь сделаю одну оговорку. Это может быть важно для логики нашего разговора. В моем понимании, 1848 год — это наложение нескольких процессов. При исследовании эмпи-

рического материала нетрудно заметить, что после великой революции раз в 15–20 лет происходят политические революции. В течение столетия волны политических потрясений угасают и осуществляется переход к сбалансированности. И если мы посмотрим в этом отношении на 1848 год во Франции, то это, конечно, очередной этап постреволюционных колебаний начиная с Реставрации: 1830 год, 1848 год, и все кончается событиями 1870–1971 годов.

В 1871-м система приходит в равновесие и, в общем, становится «нормальным», достаточно стабильным политический режим республиканцев — республика с бесконечной сменой правительства. Но при внешней неустойчивости она оказалась крайне устойчивой, потому что ни одна французская республика не продержалась столько, сколько Третья республика, хотя многие прогнозировали крах уже в первые месяцы ее существования.

В этом смысле 1848 год — не просто «Весна народов», это и переплетение разных социально-политических процессов. Это попытки революций в Германии и Австрии, которые были остановлены. Это и очередной постреволюционный цикл развития Франции. А в Великобритании уже ничего подобного не происходило — здесь революционные циклы были завершены примерно столетием ранее: последним, немного карикатурным, этапом постреволюционной стабилизации была попытка захвата власти Bonnie Prince Charlie (1745–1746). Но там тоже наблюдались постреволюционные политические циклы, включавшие реставрацию (1660), затем Славную революцию (1689), наконец, приход на трон Ганноверской династии (1714), что свидетельствовало о достижении элитами стратегического консенсуса.

Б.К.: Прежде всего, я согласен с тем, что ни одна революция не была плодом одной причинно-следственной цепи, в каких бы терминах — экономических, классовых, этнических или иных — мы бы ее ни описывали. Именно поэтому революции не predetermined «железными законами» истории. Даже если верить в схему стадияльного прогресса человечества (цивилизации или какой-то иной единицы общности людей), то нетрудно «эмпирически» признать то, что революции вообще-то — большая историческая редкость, и многие общества претерпевали фундаментальные преобразования своего устройства без чего-либо, напоминающего «революцию». Этим я, конечно, вовсе не хочу сказать, что революции, при всей их редкости, не имели всемирно-исторического значения и не оказывали воздействия на политические и духовные практики в самых удаленных от их эпицентров уголках нашего мира. Однако же и эти всемирно-исторические революции всякий раз оказывались следствиями специфического стечения обстоятельств, и в этом смысле они были контингентными, а не «неизбежными» — даже с точки зрения предполагаемых «законов» стадияльного прогресса. Это-то и побуждает некоторых весьма серьезных авторов даже такую «образцовую» «великую революцию», как Французская, считать «ненужной»². Но коли контингентными оказываются победившие революции, то не следует ли считать столь же контингентными и поражения проигравших революций? Можем ли мы, скажем, из законов развития капитализма (или либераль-

2. См., напр.: *Runciman W.G. Unnecessary Revolution: The Case of France // European Journal of Sociology. 1983. Vol. 24. No. 2. P. 291-318.*

ной демократии) во Франции вывести неизбежность разгрома пролетарского восстания в Париже в июне 1848 года генералом Кавеньяком, убежденным республиканцем, между прочим, как и то, что эта кровавая баня аукнулась ему позднее поражением в борьбе за президентское кресло, которое ему нанес политический проходимец и шут Шарль-Луи Наполеон, вскоре после этого установивший, кажется, самый отвратительный режим в истории Франции нового времени?

Модератор: Очень интересная ситуация была в Вене, конечно.

Б.К.: Да, нечто схожее произошло и в Вене, и в Берлине, и в Праге... Разве что крови было поменьше. И итогом подавления революции там были все же не столь позорные режимы, как во Франции. Но интересно вот что, если я могу ненадолго вернуться к обозначенному мной ранее вопросу о критериях «победы» и «поражения» революции. С одной стороны, ни одна революция не осуществляла на деле лозунгов, под которыми она происходила и за которые люди отдавали жизни, своим самопожертвованием обещивая ее победу. Вспомним кромвелевскую «революцию святых»³, «Новый Иерусалим», идея которого не только двигала «отцами-пилигримами», переселявшимися в Новый Свет, но и вдохновляла формирование новой национальной идентичности («нации чистых») в ходе Американской революции, «свободу, равенство, братство» Французской

3. См.: *Walzer M. The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.*

революции (и это в условиях формирования общества капиталистической конкуренции и в преддверии возникновения монстра наполеоновской бюрократии!), не говоря уже о коммунистических идеях большевиков, конденсированно изложенных в ленинской книге «Государство и революция», которая ошеломляет современного читателя прежде всего тем, насколько мало она имеет общего не только с реальностью сталинского СССР, но и с действительностью «военного коммунизма», возникшей буквально через год после ее написания. Воистину Энгельс прав: «Люди, хвалящиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать»⁴. Но коли так, то каковы критерии победы революции? Считать ли таким критерием приход к власти «новых людей» и сам по себе крах старого государства? Но революции очень различаются между собою по масштабам «оборота» элит (в нашей недавней антикоммунистической революции, если ее можно считать таковой, к примеру, этот «оборот» был весьма незначительным), а крах государства сам по себе, если он не сопровождается чем-то возвышенным и «оправдывающим» его, есть катастрофа и трагедия народа в самом, пожалуй, чистом ее виде. Что же касается изменений общественного устройства, то, как мы говорили и как свидетельствует история, они могут производиться и без уплаты той высокой цены, которую назначают революции. Что же вообще их оправдывает,

4. Энгельс Ф. Письмо Вере Ивановне Засулич, 23 апреля 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1964. С. 263.

если такое оправдание может быть найдено? Хотя, возможно, найти «объективный» и приемлемый для всех ответ на этот вопрос нельзя совсем, и его следует заменить другим, ницшеанским по своему характеру и «перспективистским» вопросом — для кого или с точки зрения кого революции имеют оправдание? Но и это не всё. Вернемся к побежденным революциям и вновь воспользуемся примером 1848 года. Как пишет авторитетный историк, «ход событий после поражения революции показал, что победоносная контрреволюция оказалась не в состоянии восстановить дореволюционные порядки и была в конечном счете вынуждена во многом уступить тому, к чему стремилась либеральная буржуазия. <...> Это означало то, что несмотря на бесспорное военное и политическое поражение [революции] были произведены перемены, которые стали равнозначны революционной трансформации феодального общества...»⁵ Так в каком же смысле потерпела поражение революция 1848 года, если ее-то лозунги и устремления были осуществлены на деле, пусть с некоторой «задержкой» и руками не ее лидеров, а их заклятых противников? Как говорил архистратиг контрреволюции князь Бисмарк, «если суждено быть революции, то лучше мы ее будем делать, чем терпеть»⁶. Но разве такие «нюансы» имеют принципиальное значение для хода истории (в отличие от судеб и амбиций непосредственных участников событий)? Есть ли вообще существенные и «объек-

5. Klima A. The Bourgeois Revolution of 1848–49 in Central Europe // *Revolution in History* / R. Porter et al. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 97–98.

6. Цит. по: *Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи*. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 658.

тивные» различия между победившими и потерпевшими поражение революциями? Или же опять нам нужно преобразовать этот «объективистский» вопрос в «перспективистский» — для кого и с чьей точки зрения одни революции побеждают, а другие терпят поражения? И к этому добавляется еще один вопрос, который Эрик Хобсбаум вообще считал самым трудным и «заброшенным» (neglected) вопросом теории революции — «когда и как революции заканчиваются»⁷. В значительной мере трудность этого вопроса (и нежелание им заниматься) объясняется, видимо, тем, что все — не только контрреволюционеры, но и оказавшиеся (в данный момент) у кормила власти революционеры спешат с революцией покончить. Собственное пребывание у власти обычно и служит критерием объявления революции закончившейся для тех, кто такое объявление делает. Комичным примером этого стало постановление Национального собрания Франции, с некоторым запозданием признавшего в штурме Бастилии 14 июля «законное» выступление народа против деспотизма и даже «революцию», прекратить все дальнейшие беспорядки как «противозаконные» и тем самым остановить революционную самодеятельность парижан. Конечно, остановить ее не удалось, и к ней вскоре добавились мощные выступления в сельской местности, которые Жорж Лефевр окрестил «крестьянской революцией», и все это толкнуло революцию дальше — непосредственно к знаменитым декретам «ночи 4 августа». И так далее⁸. Зна-

7. См.: *Hobsbawm E. J. Revolution // Revolution in History. P. 7.*

8. Подробнее об этом см.: *Капустин Б. Критика политической философии. Избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010. С. 152–153.*

менитое изречение Наполеона Бонапарта, сделанное им после прихода к власти: «Мы закончили роман революции: теперь следует начать ее историю, видеть только то, что является реальным...»⁹, — выступает блестящей квинтэссенцией того, о чем я сейчас веду речь. Революция как неконтролируемое верхами политическое творчество низов, как «роман» оставлена (режимом Бонапарта) позади. Она превращена в историю как *прошлое*. В этих условиях важно то, что *есть*, а не то, что *может стать* или случиться. Становление замирает в наличном бытии. Это и есть тот «реализм» («видеть только то, что является реальным»), который знаменует собой окончание революции. Или нам следует как-то иначе понять завершение революции?

В. М.: Экономистский ответ очень простой. Завершение революции означает и завершение финансового кризиса революции, то есть стабилизация финансов и денежной системы.

Б. К.: Да, с экономической точки зрения это, вероятно, так. Хотя хорошо бы уточнить, чем именно финансовый кризис революции лучше или хуже — с точки зрения народа — постреволюционных финансовых кризисов, типа того, который вызвал в 1786 году восстание ветеранов Американской революции в Массачусетсе, известное как Shay's Rebellion, или схожих явлений в других постреволюционных ситуациях.

В. М.: Это можно очень подробно объяснять, просто тот момент, когда перераспределение собствен-

9. Цит. по: Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. Т. 1. С. 685.

ности перестает определяться политическими факторами — задачами удержания власти, а то и физического выживания конкретных ее представителей, и становится экономической рутинной. Я специально говорю о перераспределении собственности, а не о приватизации. Чаще это была приватизация, но иногда и национализация, как в большевистском случае. Перераспределение собственности является важным инструментом восстановления политической стабильности путем покупки лояльности отдельных социальных групп. Это передел собственности в интересах тех, кто в данную минуту поддерживает власть. Вторым инструментом поддержки является денежный печатный станок (во всяком случае, когда существует развитое бумажно-денежное обращение).

Поэтому с экономической точки зрения завершение революции — это завершение экономического цикла революции, когда государство ставит под контроль денежную эмиссию и бюджет и перестает использовать перераспределение собственности исключительно в политических целях.

Б. К.: Ваше освещение экономического аспекта революции — это то, с чем я был согласен больше всего, читая Ваши работы. Хотя порой у меня возникала мысль о том, можем ли мы и в этой сфере обнаружить универсальные «законы» и «правила». Скажем, тем же монтаньярам на пике революции, в условиях жестоких войн внутри страны (Вандея, в первую очередь) и с внешним противником удавалось контролировать инфляцию и не злоупотреблять печатным станком. Состояние финансов резко ухудшилось уже при Директории, когда пик революции был пройден, а сами вожди монтаньяров сложили головы под ножом гильотины.

В. М.: Якобинцы удерживали экономическую ситуацию под контролем в течение нескольких месяцев и преимущественно политическими методами. Например, введя Максимум и смертную казнь за его нарушение. Несколько месяцев удержать можно.

Б. К.: Да, они делали это суровыми методами.

В. М.: Да. Но, как говорится, на штык можно опираться, но на нем нельзя сидеть.

Б. К.: Да, верно, только я думаю, что якобинцы удерживались у власти не только на штыках. До определенного момента, обернувшегося для них личной трагедией, они опирались на мощную поддержку низов. Нужно было разгромить «бешеных» Жака Ру, затем — эбертистов, подорвать самостоятельность Парижской Коммуны и т. д. (это в своей истории Французской революции прекрасно живописует князь Петр Кропоткин), чтобы оказаться сидящими на штыках. Да ведь и штыков в реальности не оказалось — ничего, кроме очень длинной и полной одновременно трагизма и занудства речи Робеспьера в Конвенте, противопоставить термидорианскому перевороту якобинцы не смогли. Но в связи с этим эпизодом мне бы хотелось еще раз вернуться к тому, о чем мы говорили ранее, — к проблеме завершения революции и прохождения ею (будто бы) необходимых фаз на пути к такому завершению. Режим Директории — это если и не конец революции, то решительный шаг к ее завершению. Такие шаги к завершению революции, заключительные ее фазы нередко ассоциируются со стабилизацией, с консолидацией постреволюционного режима. Применима ли логика таких рассуждений к Франции, которая, вообще-то говоря,

дала «классическую» модель «великой революции» как таковой?

В. М.: Но это фазы революции, проанализированные Крейном Бринтоном. И они удобны для анализа.

Б. К.: К сочинению Бринтона у меня весьма скептическое отношение, но я не хотел бы его сейчас обсуждать. Лучше порассуждаем сами. Итак, пик революции пройден, утвердился режим Директории, вроде бы наступила стабильность, какой бы гнусно коррумпированной она ни была. И вот тут-то и разворачиваются так называемые события из вандемьера. Слыханное ли дело — Наполеон из пушек палит по людям в самой просвещенной столице мира! И только этим чудовищным варварством — и почти чудом! — спасает революцию, до которой рядовым французам (той же Парижской Коммуне), кажется, уже нет никакого дела. Безразличие, напоминающее то, с каким 19-миллионная КПСС отреагировала на августовские события 1991 года в нашей стране, оказавшись не способной мобилизовать и горстку граждан на «защиту завоеваний социализма». Так на волоске Французская революция не висела и в трагическом и героическом 1793 году! И это нужно считать «стабилизацией»? И не было ли «спасение революции» из вандемьера справлением тризны по ней, пушечным заупокойным салютом, покончившим с единственной оставшейся политически активной группой населения, которой на этом этапе были уже контрреволюционеры, а не революционеры?

В. М.: Революции вообще представляют собой череду печальных событий, что бы там ни изобража-

ли художники и поэты революций. Но при всем том революция завершается достижением финансовой стабильности. И это можно измерить, зафиксировать.

А политически она кончается, конечно, реставрацией. И точно не термидором, и даже не империей. Термидор — это естественная, завершающая фаза революции. Помня об историческом опыте событий 1793 года и французского термидора, было особенно интересно перечитывать в 1993 году «Девяносто третий год» В. Гюго. Это ведь тоже танками по парламенту.

Б. К.: Да, танками по парламенту. Убедительная параллель.

В. М.: И, конечно, революция — это не однократный акт, она предполагает достаточно длительный, примерно 12-летний период. В моем понимании, большевистская революция завершилась все-таки в 1928–1929 году. Хотя, кстати, с финансовой точки зрения она могла бы завершиться уже к 1926 году, когда произошла стабилизация и экономика вернулась на дореволюционный уровень.

Б. К.: Это интересно понять — когда был и в чем заключался термидор большевистской революции. Мне вспоминается, что при введении политики нэпа Ленин писал о необходимости самотермидоризации...

В. М.: Он об этом пишет уже с началом введения нэпа, что большевики оказались умнее якобинцев, поскольку они «самотермидоризовались».

Б. К.: Да, конечно.

В.М.: Но на самом деле о термидоре рассуждали уже летом 1917 года. То есть на волне революции ее участники ожидали будущего термидора. Тогда уже в Корнилове многие увидели душителя революции или лидера термидорианского режима. Этот кошмар термидора (или надежда на него) — висел над русской революцией постоянно.

Б.К.: Да, кошмар термидора. Но ведь вот что интересно: революция не бывает социально гомогенной, она — очень сложносоставное явление. Для разных участвующих в ней сил «термидор» имеет совершенно различные значения. Наверное, для Ленина «термидором» был нэп. А для людей типа Александра Чаянова с нэпа, видимо, только и начиналось осуществление революционной крестьянской мечты. А для Троцкого «термидором» была сталинская «революция сверху» 1928 года (условно).

В.М.: Хотя сталинская революция (великий перелом) — это уже была реставрация. Революция закончилась. Кстати, дискуссии о термидоре в раннесоветской литературе, действительно, очень интересны, включая рассуждения на эту тему Н.Устрялова.

Б.К.: Я хочу сказать, что «термидор», «завершение революции», как и все остальные приложимые к ней понятия, не могут быть «научно-объективными» и универсально применимыми. Они всегда — проекции воли, устремлений, надежд и разочарований разных, причем сталкивающихся друг с другом социальных сил. Этот «перспективизм» нельзя устранить никакой фактографией, никаким «научным» подходом и тем более никакой историософией. И от этого позвольте мне перейти

к изложению моего понимания оптики, при помощи которой мы распознаем революции — в их фундаментальном отличии от других, даже «эпохальных» явлений, глубоко преобразующих общества.

Начнем, пожалуй, с того, что отметим: революции опознаются в качестве таковых, так сказать, задним числом, когда они уже «сделаны» или находятся в активной фазе «делания». На той же их стадии, которая ретроспективно признается начальной, люди не «делают» революцию, а протестуют против каких-то конкретных сбоев в функционировании привычного им общественного устройства, против «эксцессов» «нормальных» форм угнетения и господства, требуют восстановления попранных их «исконных» прав и привилегий и т. п. Взглянем, к примеру, на сохранившиеся *Cahiers de doléances*, которые по приказу самого короля собирались по всей Франции в марте-апреле 1789 года накануне созыва впервые более чем за полтора столетия Генеральных штатов (что делало сам этот созыв чрезвычайным событием, вызванным, в первую очередь, именно финансовым кризисом монархии). В них вы найдете жалобы всякого рода — от мздоимства власть имущих и чрезмерности государственных и церковных налогов до злоупотреблений благородными сеньорами их «охотничьими правами». Чего вы не найдете совсем, так это требований республики, упразднения сословий как таковых, отделения церкви от государства и всего прочего, что составило саму «суть» революции. И ведь такие требования не выдвигались и после взятия Бастилии. Они появились позже и шли по нарастающей — через «ночь 4 августа», восстание 10 августа 1792 года, установление якобинской диктатуры... Не буду приводить примеры, взятые из истории других революций. Отмечу главное:

силы, «делающие» революцию, сами есть важнейшие продукты ее (непреднамеренного) «делания». Более философским языком можно сказать, что «субъект» революции не предшествует (оказавшейся впоследствии революционной) деятельности в ясном осознании своей миссии и в решимости ее выполнить, а спонтанно, противоречиво и «нелинейно» образуется в ходе этой деятельности. Но именно его образование на некотором этапе развивающегося процесса распада «старого порядка» и возникновения новых форм общественной (само-) организации превращает этот процесс задним числом в «революцию». Иными словами, к ее составляющим, элементам, тенденциям начинают относить все то, что в конечном счете слилось в появлении «революционного субъекта» — скажем, «французского народа» (в который ведь преобразовало себя «третье сословие» и некоторые перебежчики из других сословий), «патриотов» американской революции (которые ведь тоже были лишь частью обитателей тринадцати североамериканских колоний), «союз рабочего класса и крестьянства» (в действительности некоторой части и рабочего класса, и крестьянства) большевистской революции и т. д. На мой взгляд, революцию делает революцией именно возникновение этой уникальной политической формации — «революционного субъекта», и продолжается она до тех пор, пока сохраняется эта формация (разумеется, претерпевающая в ходе революции метаморфозы). Именно по этому признаку и победившие, и потерпевшие поражение революции опознаются в качестве таковых, и по этому же признаку они отличаются от всех других общественных трансформаций, в том числе тех, которые включают в себя и крах старого государства, и глубокое преобразо-

вание общественного устройства. Именно на этом основании, к примеру, мы не можем считать революцией установление диктатуры Пиночета в Чили в 1973 году, хотя оно круто изменило социально-экономическое устройство страны и ознаменовало крах прежнего (демократического) государства. В то же время гражданская война в Сальвадоре есть революция, даже если приход к власти Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти (уже после переговорного процесса и мирных соглашений) дал весьма и весьма скромные результаты в плане социально-экономических преобразований. Возникновение «революционного субъекта» (в действительности, конечно, «субъектов» — во множественном числе, причем борющихся между собою) и есть явление свободы как характернейшей черты революции.

В. М.: Да, но можно говорить и о стихийности. Субъект, реализующий свободу, реализует ее в стихийных условиях. Можно даже сказать, что это свобода войны всех против всех, порожденная крахом государства. То есть именно крах государства приводит к свободе. Свобода — к стихийности. Стихийность порождает закономерности революции.

Б. К.: Давайте проясним, что мы понимаем под «стихийностью». Или, может быть, лучше сказать — «спонтанностью» — как практикой свободы. Имеем ли мы под этим в виду нечто вроде того, что традиционный либерализм называет экономикой *laissez faire*? Индивид вроде бы сам принимает решения о том, что и как ему делать, но характер и направленность его решений и действий диктуются «железной» необходимостью структурных условий, в которых он находится. Или же мы имеем в виду

что-то типа того, что Кант называл «причинностью через свободу»? Конечно, у Канта такая причинность предполагает независимость от природного, «эмпирического», чувственного, и потому она улетучивается в умопостигаемый мир. Но представим себе нечто прямо противоположное: мы остаемся в природном, «эмпирическом», чувственном мире, но у этого мира рушится организующая его причинно-следственная детерминация, конечно, не вся и не целиком, но в какой-то важной ее части — скажем, разваливается государство или сильно сбоит экономика. Мы бы, возможно, и хотели по-прежнему подчиняться государству — при условии, что оно гарантирует нашу минимальную «безопасность». Но его гарантия оказывается липовой, и мы, кляня все на свете, вынуждены сами озаботиться обеспечением своей «безопасности». Скорее всего, подвергаясь при этом опасностям, неслыханным в том мире, в котором старая причинно-следственная детерминация более-менее надежно работала. Мы *вынуждены* экспериментировать с формами общежития потому, что старые формы затрещали по швам. Мы вынуждены отказаться от устоявшихся ритуалов повседневности не потому, что мы такие — по нашей природе — дерзкие новаторы, к тому же обладающие ясным планом конструирования «светлого будущего». Напротив, мы не знаем, как жить дальше, а знаем только то, что жить, как раньше, уже не получается. А ведь как-то жить (или хотя бы выживать) нам нужно. Вот тут и наступает момент спонтанности и свободы, которые предстают (на этом начальном этапе революции) вовсе не вожделенным благом, а, скорее, бременем. И тем не менее это будет кантовская «причинность через свободу» — только без благородных морально-рациональных одеяний: свобо-

да как нужда, абсолютная необходимость свободы, которая устанавливается невозможностью сохранения прежней несвободы, прежних ритуалов жизни, в рамках которых мы, конечно, никакой практической «субъектностью» не обладали. Это уже потом из нужды сделают добродетель. И это прекрасной и возвышенной формулировкой фиксирует Токвиль, причем именно в книге о великой революции: «Тот, кто ищет в свободе что-либо иное, кроме ее самой, создан для рабства»¹⁰. Иронизировать по поводу этой формулировки, избобличать ее «низменную подноготную», демонстрируя знание «реальной жизни», было бы, конечно, верхом пошлости. Хотя бы потому, что те, кто отдавали свои жизни в революциях, творивших наш нынешний мир, в самом деле, *не* «искали в свободе что-либо иное». Ибо для «всего иного» собственная жизнь — слишком высокая цена. «Все иное» — в отличие от свободы и собственной жизни — имеет стоимостные выражения, находится в отношениях эквивалентности друг с другом и потому приобретает и сохраняется более прозаическими методами и средствами. Превращение свободы-нужды в свободу-добродетель есть, пусть и весьма редкое, но реальное и чрезвычайно политически важное явление. По существу оно совпадает с превращением растерянных, испуганных, вынужденных экспериментировать обывателей начальной стадии революции в «революционных субъектов».

В. М.: А в чем тогда разница между свободой и анархией? Если переводить сказанное вами на экономический язык, то «уход ритуалов» и есть слом

10. Токвиль А. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 135.

институтов, слом государственной машины. Ведь институты — это не только писанные, формальные, но и неписанные правила. Если институты сломаны, естественно, это можно расценивать как повышение уровня свободы, но можно и как ограничение свободы, потому что институты дают определенную свободу. Что дает свобода? Определенность и неопределенность. Институты и ритуалы дают определенность. И в этом смысле они дают больше свободы, чем их отсутствие.

Б. К.: Это — тонкое замечание, которое побуждает нас двинуться вглубь проблемы. Да, неписанные правила, а еще важнее — правила, вошедшие в нашу «плоть и кровь» так, что мы о них даже не думаем, принимаем их за «естественные» и «само собой разумеющиеся», автоматически выполняем их, есть самая фундаментальная основа любого общества. То, о чем общество говорит и пишет, включая писанный Основной Закон, есть нечто вторичное и второстепенное по сравнению с ними. Все это имеет чрезвычайную важность для хода и исхода революции, что, кстати, отлично понимал тот же Токвиль. Описывая характер архирадикальной Французской революции, он подчеркивал: «...Сами того не сознавая (*sic!*), они [французы] заимствовали у Старого порядка большинство чувств, привычек, даже идей, с помощью которых и совершили Революцию, разрушившую Старый порядок»¹¹.

В. М.: Подам реплику: точно так же, как самая надежная Конституция, это ненаписанная, поскольку ее труднее всего отменить, или изменить.

11. Токвиль А. Старый порядок и революция. С. 3.

Б. К.: Да, это так. И вместе с тем, рассуждая о революциях, мы должны иметь в виду и то, что весьма пронизательно отмечал Бурдьё, в частности, в «Паскалевских размышлениях». При крупных общественных пертурбациях, к числу которых, несомненно, относятся революции, значительные пласты социального бессознательного («доксы», по его терминологии) поднимаются на уровень сознания и становятся предметами критического вопрошания. Неписанные, неререфлектируемые ранее, принявшие облик естественности правила общественной жизни оказываются, таким образом, хотя бы потенциально, податливыми для политических преобразований. Это — ключевой момент политической борьбы и условие эмансипации. Хотя очевидно, что эмансипация никогда не приведет в «царство свободы», никогда не будет полной и окончательной, поскольку ни в какой исторической ситуации социальное бессознательное всей своей массой не предстанет в свете критической рефлексии. Более того, каждое вновь возникающее общество будет давать свой, специфический для него «осадок» социального бессознательного, представляя собственные основы в качестве естественных и «само собой разумеющихся». В этом смысле современное общество мало чем отличается от своих предшественников, включая древнейших.

М.: Хотелось бы все же большей ясности относительно того, чем именно свобода спонтанно действующих «революционных субъектов» отличается от анархии.

Б. К.: Я бы не хотел уходить сейчас в анализ теорий анархизма. Давайте ограничимся, так сказать, бы-

товым пониманием анархии как низовой самодеятельности (в идеале) в условиях безгосударственности. С последней противники анархизма ассоциируют хаос в общественной жизни. Какое отношение это имеет к революции? По поводу хаоса я ограничусь известным афоризмом из книги нобелевского лауреата Жозе Сарاماго «Двойник»: «Хаос есть всего лишь порядок, ожидающий своей расшифровки». Хотя, конечно, такая расшифровка может явить нам весьма отталкивающий, по нашим понятиям, порядок. Однако важнее другое. Революции, достойные так называться, действительно, обнаруживают высокие степени низовой самодеятельности. Именно поэтому они были для Ханны Арендт равнозначны мерцанию политики в собственном смысле слова в истории — Афинский полис, ренессансные города-государства (в некоторых фазах их развития), городские собрания и советы в качестве колыбели Американской революции, собственно Советы на ранней стадии русских революций 1917 года, Ноябрьской революции в Германии 1918 года, Венгерского восстания 1956 года и т. п. Конечно, ничего общего с хаосом и безгосударственностью вообще такие формы самоорганизации низов не имели. Они формировали или стремились сформировать организацию власти, альтернативную бюрократической вертикали, в которой побуждения к деятельности идут преимущественно или даже исключительно сверху вниз. Лишь адептам или апологетам бюрократических вертикалей организация власти по схеме снизу вверх может показаться хаосом. Теоретически довольно странно, хотя идеологически вполне объяснимо то, что такой же она кажется многим либералам, в то же время выступающим поборниками «свободного рынка», который в идеале тоже антитетичен построен-

ным по принципу сверху вниз схемам регуляции общественной жизни. Но, как говорится, что позволено Юпитеру (собственникам производственных ресурсов в экономической деятельности), то не позволено быку (демократическим низам в политической деятельности). Однако при рассмотрении революций важно понять то, что нередко они на определенных своих этапах делают низовую самодеятельность и самоорганизацию элементарным условием самосохранения общественной жизни. Да и как может быть иначе, если по факту рушится та самая построенная по принципу сверху вниз бюрократическая вертикаль, которая вроде бы ответственна за сохранение общества? Если перестают функционировать привычные экономические механизмы, призванные обеспечивать общество средствами существования? Вот и пришлось, к примеру, санкюлотам в 1793 году организовываться в отряды «революционной армии» для обеспечения снабжения городов продовольствием.

И еще важно вот что. Раньше или позже такие формы низовой самоорганизации и самодеятельности угасают (как городские собрания — советы в Американской революции), или их подминает под себя новая бюрократическая вертикаль, возникшая из самой революции (история Советов в России — нагляднейший тому пример), или уничтожает контрреволюция (как в Германии в 1918—1919 годах). Вместе с этим чахнет и «революционный субъект», рассыпаясь обратно в массу обывателей (возможно, уже в политико-экономическом и культурном плане в чем-то иных, чем их предреволюционные предшественники). Что остается? В чём долговременное значение этих опытов революционной свободы? Если ответить кратко, то можно сказать, что остается память о, не-

сомненно, трагическом, но и героическом порыве к невозможному, о невозможном ни в предреволюционном, ни в постреволюционном обществе опыте свободы, который есть в то же время опыт практического «суверенитета народа» (в отличие от юридического отпечатка его в постреволюционных конституциях и его фикции в избирательной машинерии представительных демократий). Эту память Ален Бадью назвал «верностью» революции. Такая «верность» — нечто совсем иное, чем бесплодная и компенсаторная (по отношению к нынешнему политическому бессилию) ностальгия. «Верность» определяет то, как мы оцениваем и видим настоящее, против чего в нем мы протестуем, даже если наш протест не может быть достаточно радикальным и действенным, к чему стремимся, даже если наши стремления не могут быть реализованы «здесь и сейчас». Бесспорным свидетельством политической важности и актуальности «верности» революции служит стремление любого постреволюционного режима как охранителя статус-кво погасить ее, подменив официозным почитанием революции, превращающим ее в музейную реликвию (как во Франции или когда-то в СССР), или вообще закамуфлировать ее во что-то неузнаваемое — например, в *Interregnum*, коим именем мейнстримная британская историография именуется «пуританскую» английскую революцию 40–50-х годов XVII века.

Но холодный ум, который всегда должен иметь право голоса в политике, может задать вопрос: какой практический смысл в такой «верности»? В «верности» устремлениям, которые не осуществились, и неосуществление которых, как говорилось ранее, позволяет даже победившие революции в известном смысле считать проигранными. Как считали победившую Французскую революцию

проигранной Гракх Бабеф и его единомышленники, попытавшиеся уже в 1796 году осуществить на деле ее лозунги свободы, равенства, братства посредством своего «заговора во имя равенства». За что некоторые из заговорщиков и поплатились головами. Холодному уму ответ на поставленный вопрос должен быть дан холодный, исполненный в духе *realpolitik*, а не рассуждений о достоинстве человека и его праве на свободу. И ответ этот, если заимствовать его у Макса Вебера, будет таков: «...Весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному»¹². Эту-то тягу к невозможному, без которой не будет и вполне возможного, обеспечивает «верность» неосуществленным нравственно-политическим устремлениям прошлых победивших и проигранных революций. Последние никак не менее важны, чем первые, в этом отношении.

В. М.: То есть как проигранные войны.

Б. К.: Да.

В. М.: Они же гораздо важнее с точки зрения адекватной трансформации. Германия должна была проиграть две войны, чтобы стать современной динамичной и демократической страной.

Модератор: Можно уточнить? Мы Американскую революцию считаем революцией из-за памяти о городских собраниях, о которых говорила Арендт?

12. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Ю. Н. Давыдов (ред.). М.: Прогресс, 1990. С. 706.

Б. К.: Баррингтон Мур говорил, что, поскольку Американская революция не привела к фундаментальным изменениям в структуре общества, само утверждение, что в Америке произошла революция, выглядит «прекрасно с точки зрения пропаганды, но неубедительно с позиции исторической и социологической науки»¹³. Но, по моим критериям, сфокусированным на «политической субъектности», а также с точки зрения ее символического, нравственного и культурного всемирно-исторического значения Американская революция является революцией. Причем — великой.

В. М.: Но к революции Американская революция не имеет никакого отношения. Это война за независимость, здесь не прослеживаются общие закономерности революции (включая прежде всего крах государства).

Модератор: Да. Я имел в виду именно *память* об этих городских собраниях.

Б. К.: А вот о них память вполне жива. То, что когда-то было постреволюционным течением антифедерализма, глубоко укорененная в американской почве традиция местного самоуправления, коммунитаризм как влиятельное направление интеллектуальной и духовной жизни Америки и т. д., в значительной мере восходят к этому элементу революционного опыта (но мы, конечно, должны помнить о том, что и он возник не на пустом месте). Но в свете такой живой памяти о революционных формах низовой самодеятельности и самооргани-

13. Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016. С. 111.

зации любопытно присмотреться к официальным празднованиям годовщин великих революций. Скажем, очень интересно сравнить стилистику и содержание мероприятий, связанных с празднованием 100-летия и 200-летия Французской революции, присмотреться к тому, как по-разному они конструировали предмет торжеств...

Модератор: По нарастающей?

Б. К.: Ну, это с какой точки зрения посмотреть...

В. М.: Еще интереснее про 1917 год. Напомню, что даже в большевистской литературе в течение первого десятилетия события 1917 года рассматривались как переворот. И только по прошествии десятилетия стали говорить о революции.

Б. К.: Да, во Франции во время 100-летия революции пантеон ее главных фигурантов был более-менее сохранен, хотя их «удельный вес» уже заметно перераспределялся от радикалов в пользу умеренных. А вот на 200-летие этот пантеон сильно перетрясли. В центре оказался Кондорсе, а вот про якобинских вождей почти или совсем забыли. Об ультралевых и говорить нечего.

В. М.: История переписывается и должна переписываться каждым новым поколением, которое пропускает через себя накопленный опыт. Поэтому история не является абсолютной. Необходимость переписывать историю не обязательно есть дань политической конъюнктуре. Историю надо переписывать, внося в нее опыт новейших поколений. Конъюнктура — это только небольшая часть процесса. С учетом своего исторического опыта.

И именно поэтому переписывание истории революций, как действительно крупных значимых кровавых событий, естественно было и будет происходить.

Когда у меня спрашивают, трудно ли было быть другом Гайдара, которого ругают, я отвечаю: «Боже мой, Столыпина сперва хвалили, потом 70 лет ругали. Теперь на премьерском въезде в Белый дом стоит ему памятник». История длинная, как, кстати, Гайдар и говорил. Поэтому, тезис первый, — нет окончательной интерпретации революции.

Тезис второй: революция — представляет собой не набор событий, а механизм решения задач. Революция — это определенная форма трансформации. И в этом смысле она не может иметь цели. Это — механизм. Она не может быть успешной или неуспешной. Успешным или неуспешным может быть политическое развитие событий для отдельных ее лидеров. Причем по одному очень простому критерию — выжил ли он в этой революции и с чем он из нее вышел. (Печальное воспоминание на полях. Примерно в 2007 году я говорю Егору Гайдару: «Смотри как интересно. Если считать началом революции 1987–1988 год, то сейчас мы почти в 1937-м году, а ты еще жив. А ведь герои радикальной фазы столько не живут». Грустная получилась шутка — он умер в 2009-м.)

В постиндустриальном мире революционные трансформации происходят не менее драматично, хотя и с меньшими жертвами. Во всяком случае, пока так. Повторю: у революции нет цели. Цели есть у отдельных групп, которые или замышляют революцию, или осуществляют ее, или пользуются ее плодами. Как только революция достигает фазы поляризации и не обрывается на этой фазе, она становится процессом, при котором

главным критерием для всех ее участников выступает выживание — политическое, а то и физическое. А все остальное — успешность, неуспешность, на мой взгляд, оценивается только одним критерием. Выигрывает тот, кто выжил. Естественно, что все эти группы участников революции пытаются ее остановить, потому что остановить революцию — значит выжить. Если тот, кто у власти, может остановить революцию, значит, он выживает, политически или физически.

Критерий выживания, на мой взгляд, это главное, что объясняет ту или иную революционную деятельность, особенно на радикальной фазе. Никакие программы уже не значимы. Больше того, попытка реализации предреволюционной программы является фактором усугубления революционного кризиса, прежде всего экономического кризиса. Так было, когда при бароне Неккере осенью 1789 года фактически отменили налоги. Он реализовывал программу, потому что по физиократической доктрине налоги надо было собирать только с сельского хозяйства, а все остальные сектора, согласно модной (самой передовой) теории, не приносили добавочного продукта. По физиократической доктрине только земельная собственность могла быть источником налогов. И в условиях тяжелого бюджетного кризиса были отменены налоги.

Я, правда, считаю, что это была просто попытка сохранить хорошую мину при плохой игре, поскольку новое правительство в тот период революции уже просто не могло собирать налоги. Но тем не менее это решение полностью вписывалось в физиократическое учение.

Схожие романтические и одновременно разрушительные решения принимало и Временное пра-

вительство России весной 1917 года. Если Неккер отменил налоги, то Временное правительство решило ввести самообложение крестьян, поскольку власть стала народной, а потому крестьяне будут ее финансово поддерживать, платить ей, выбрав вместо налогового инспектора самого трезвого и самого образованного человека из своей общины.

И если теперь обратиться к экономическим идеям 1986–1988 годов (эпоха «раннего Горбачева»), то можно увидеть набор очень странных решений, основанных только на том убеждении, что наконец-то режим стал разумным, с геронтократией покончено, и теперь все пойдет хорошо. Казалось, что все общество объединено единым стремлением к переменам, а частными интересами, группами интересов можно пренебречь. Но именно игнорирование частных интересов и приводит к обострению кризиса. Экономические последствия так называемого ускорения в сочетании с антиалкогольной кампанией были совершенно разрушительными, хотя в их основе лежали, вроде бы, разумные идеи. Понятно же, что в принципе ускорение и антиалкогольная кампания несовместимы: ведь для инвестиций нужны деньги, то есть акцизы. Но кого могла интересовать подобная проза — ведь новая власть была уверена, что она легко победит многовековую проблему алкоголизма и на этой основе обеспечит рост производства.

Впрочем, с самого начала революции предпринимаются попытки остановить ее. Все революционные правительства стремятся остановить революцию — ведь для них это является вопросом выживания. Но в революции доминирует стихия, логика стихийности, а стихийность обуславливает появление закономерностей. Именно стихийность толкает к «самоорганизации масс», о которой Вы

говорите. В моем понимании, это не свобода, а чистая анархия.

В революцию рушатся институты (они же ритуалы, они же правила игры, формальные и неформальные), что внешне выглядит как расширение свободы. Но подобная свобода ведет к чудовищным издержкам, как материальным, так и социальным, человеческим. Конечно, возникают мифы, в том числе о «народном самоуправлении». Но, в общем, это вынужденное самоуправление, обусловленное отсутствием государства. И, соответственно, уход стихийных форм, который выглядит как сужение поля свободы, как поражение революции и активности масс, на самом деле является просто восстановлением нормального порядка вещей, формированием институтов. Опять, в анархо-синдикалистской и левосоциалистической логике можно говорить о попытке создать что-то новое. Но это новое существует только в условиях отсутствия нормальных институтов, нормальных механизмов функционирования общества. И появляются романтические сочинения, которые описывают радикальную (и очень тяжелую) фазу революции как ее «героический период», как «предвосхищение будущего»¹⁴. В этом смысле завершение революции — это, конечно, возврат к нормальности.

Термидор же — это начало возврата к нормальности, но еще не полный возврат. Впрочем, точка,

14. См., напр.: *Крицман Л.* Героический период великой русской революции. М.: Государственное издательство, 1925. Здесь автор описывает институты военного коммунизма не как уродливые формы, порожденные войной и анархией (так о них писал, например, А. Богданов), а как некое предвосхищение будущего, к которому предстоит вернуться (см.: *Богданов А.* Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918).

которую можно обозначить как «завершение революции», — вопрос договоренности исследователей. Это не может быть предметом спора в силу достаточной условности — это проблема определения.

В моем понимании, завершение русской революции, начатой в 1917 году, приходится на конец 1920-х годов. Завершение посткоммунистической революции, мы к этому вернемся, это 1999–2000 годы.

Как соотносятся старая система и новая, постреволюционная? Еще Токвиль замечал, что в итоге революции воспроизводятся многие черты, появившиеся уже при старом режиме. Новая система, как правило, зарождается и может быть прослежена уже внутри старой. В результате революции возникают институты, которые в основном уже присовывались в дореволюционный период. Не все, но многие. Хотя, конечно, важен вопрос степени развития новых институтов до революции.

Очень важно также, что заранее разработанные программы играют ограниченную роль в любой революции. Попытка реализовать какую-то программу характерна только для начального, «розового», периода революции, когда кажется, что все едины, что мы сейчас можем осуществить то, что не смог старый режим.

Это обычно ведет к набору очень странных решений и серьезных ошибок. И в дальнейшем революционный режим никаких программ не реализует — перед ним стоит прежде всего задача выживания (и политического, и даже физического). Понятно, что большевики в 1918–1921 годах делали не то, что они намеревались делать накануне прихода к власти (это видно по работам В. И. Ленина, которые писались до ноября 1917 года, за два-три месяца до революции). По-

нятно, что и в 1992–1993 годы российское правительство шло на компромиссы и не могло последовательно реализовать написанную осенью 1991 года программу.

И в этом смысле радикальная фаза революции не является этапом последовательной реализации какой-то радикальной программы. Прежде всего на этой фазе решается задача прохождения «точки невозврата», задача выживания революции, нового режима. А термидор — это постепенная стабилизация (политическая и экономическая). И новые власти, приходящие на волне термидора и после него, как правило, приобретают популярность, воспользовавшись результатами термидорианской стабилизации. Этим, например, очень эффективно воспользовался Наполеон. Кстати, и в России успехи 2000-х — это результат не только роста цен на нефть, но прежде всего институциональных реформ 1990-х годов, как бы их ни ругали.

Еще раз хотел бы подчеркнуть, что завершение радикальной фазы — это как раз отказ от самоуправления народа. Это восстановление нормальных институтов.

Модератор: Однажды при чтении российского сборника статей о революции, Борис Гурьевич обратил внимание на то, что там ни разу не употребляется одно слово, важное для понимания революции самими революционерами. Это слово «свобода». Как вы думаете, почему для анализа революции в некоторых условиях это слово менее необходимо?

В. М.: Учитывая нечеткость этого понятия, следует сказать, что само слово, конечно, исключительно важно. Но революция предполагает все-таки

анархию, хотя некоторые видят в этом синоним свободы.

Модератор: Имеется в виду свобода как фактор социальной жизни.

В. М.: Вы знаете, та фраза, которую сказал Николай Ильич Травкин, по-моему, в 1988 или 1989 году, очень правильная и очень точно отражает проблему, которую, кстати, обозначил Борис Гурьевич: «Если нет денег — дайте свободу». Свобода появляется тогда, когда у правительства нет денег. Но денег вообще — как концентрации политической воли. Ведь наличие денег (не просто печатных дензнаков) дает свободу от денег, так? Деньги нужны для того, чтобы быть свободным от денег. Поэтому правительство, у которого нет денег, вынуждено покупать лояльность какими-то иными способами.

Б. К.: Еще до сегодняшней беседы — во время чтения работ Владимира Александровича, я обнаружил, что по вопросам революции у нас существует весьма обширная зона согласия.

В. М.: Я тоже это увидел.

Б. К.: Да, по ряду проблем полемики между нами нет. В данном случае я полностью принимаю важный тезис о том, что революция не может иметь окончательной и единственно верной интерпретации. Вообще революция продолжает жить — даже после ее завершения! — до тех пор пока о ней продолжают спорить. Когда перестают спорить — она превращается в «факт» истории. Так сказать, в музейный экспонат.

В. М.: Можно на эту тему еще одну реплику? Кстати, это очень важно. Революция — это самокорректирующийся процесс. Если вы анализируете, рассматриваете Английскую гражданскую войну, сопоставляя с Францией и Россией, очень четко видно, как они учились друг у друга. Как якобинцы пытались не повторить ошибок Кромвеля. Как Ленин однозначно, прямо говорил о важности не повторить судьбу якобинцев. Это не всегда получается, по сути — не получилось, но получилось по форме. И в этом смысле революция вбирает опыт прошлой революции.

Скажем, для современной России фундаментальной проблемой был вопрос о том, как не допустить или ограничить насилие. Об этом нам говорили практически все, кого мы с Ириной Стародубровской интервьюировали при работе над книгой «Великие революции. От Кромвеля до Путина».

Б. К.: Итак, революция есть политический конфликт, стороны которого обретают «субъектность». И они могут — подчас совершенно непредвиденным для них образом — изменять устои существовавшего до революции общества. Но в общем-то они барахтаются в спонтанно возникшей, неприятной и опасной для них ситуации, пытаясь, как могут, выпутаться из нее. При этом, конечно, совершается много героического и романтического.

И революция бесцельна. В том смысле, что в ней нет аристотелевской телеологии, нет «объективной» цели, которая в качестве причины ведет и направляет ее. У ее лидеров, как и у их оппонентов, конечно же, полно всяких целей. И не все они сводятся к индивидуальному стяжательству, тщеславию и властолюбию. Но эти цели годятся толь-

ко на то, чтобы поднимать людей и подталкивать их к действиям, но никак не на то, чтобы определять ход революции. Напротив, ее ход аннигилирует индивидуальные и групповые цели. Нередко в самой варварской форме «пожирания революцией своих детей». И, конечно, «никто не хотел умирать» (помните великолепный литовский фильм под этим названием?). Но ведь шли на смерть! Если верно то, что высшим показателем подлинности политического — в отличие от экономического, морального и всего остального, что мы можем найти в общественной жизни, — является его способность побуждать людей идти на смерть и требовать от них этого, то революции, конечно, парадигмальные политические явления. Я не уверен в том, что стремление выжить, сколь бы оно ни было распространенным, есть то, что определяет *differentia specifica* революции.

В. М.: Вы имеете в виду, что быть убитым — это профессиональный риск и государя, и революционера?

Б. К.: Наверное, для власть имущих — это профессиональный риск, признание и серьезное отношение к которому есть свидетельство их профессионализма. Поэтому Сальвадор Альенде, погибший в президентском дворце с автоматом в руках, — настоящий профессионал политики (если ее отличать от политиканства), а Виктор Янукович — жалкий дилетант. Но я сейчас все же в первую очередь говорю не о политических профессионалах из числа власть имущих, а о рядовых обывателях, немалое число которых в удивительных условиях революции превращается в граждан, оказывающихся способными вопреки инстинкту выживания идти

на смерть. Такое массовое превращение, а не политический профессионализм отдельных представителей власть имущих есть *differentia specifica* революции. Ее-то гениально и отразила «Марсельеза».

В. М.: Но я все-таки говорю о политическом и о физическом выживании. Робеспьер идет в революцию не потому, что хочет, понимая, что в конечном счете его гильотинируют. Идя на это он, может, думает, что повторит путь Кромвеля. (Напомню, что, по словам Ф. Энгельса, Кромвель «...совмещал в одном лице Робеспьера и Наполеона» английской революции¹⁵. То есть в некоторых ситуациях эти роли совместимы.

Большевики вовсе не хотели повторить печальный опыт предшественников. Они отлично понимали, что играют роль якобинцев, и вовсе не хотели повторить их судьбу. Явно не хотели. Просто помимо политической славы есть проблема физического выживания. Все не сводится к банальному физическому выживанию.

Б. К.: Да.

В. М.: А вот Фуше или Талейран вполне себе приспособились. Фуше играл видную роль при всех режимах и даже голосовал за казнь короля.

Б. К.: Да, конечно. Ни Робеспьер, ни Ленин, ни Че Гевара и так далее самоубийцами не были, смерти не искали. Но для них было нечто, от чего они не могли отказаться даже под угрозой гибели. Поэтому они не банальны, поэтому их масштаб

15. Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 602.

иной, чем тот, который устанавливает политика, осуществляющаяся в логике (по Гарольду Ласвеллу) «кто получает, что, когда и как».

Помнится, была телепередача, в которой рассуждали примерно так: «Ну, что оставалось делать Януковичу? Бежать, его все предали». Да, в логике политики «кто получает, что, когда и как» ему не оставалось ничего другого. Вот только эта тривиальная логика накладывается на события, развертывающиеся в совершенно иной логике. И от такого наложения возникает нечто жалкое, трагикомическое и даже мерзкое. Этого-то наложения одной логики на другую Альенде не допустил. Он ясно понимал их различие.

В. М.: Сальвадор Альенде не брал взятки.

Б. К.: Это совершенно точно!

Постараюсь подытожить сказанное тем, что в данном случае прозвучит антитезисом к тезису Владимира Александровича о революции как специфической игре групп интересов. Без учета интересов никакую политику, включая революционную, понять нельзя. Если так можно сказать, именно конфликт интересов «запускает» революцию. Но будучи «запущенной», она включает интересы в собственную логику и подчиняет их ей. И коалиции групп интересов преобразует в нечто качественно новое, в то, что я назвал «революционными субъектами». А они в своих действиях — в логике революции — могут идти дальше интересов тех групп интересов, которыми ранее являлись, или даже поступать вопреки им. И это не «иррационально», это только другая рациональность по сравнению с «экономической», высшей мудростью и организующим принципом которой остается

ся калькуляция вероятных издержек того или иного действия и ожидаемых от него выгод.

Иеремия Бентам в раннем произведении «Фрагмент о правлении» в своем специфическом стиле убедительно объясняет то, что я только что сказал. Здравомыслящий утилитарист пойдет на «сопротивление власти» только в том случае, если будет уверен, что выгоды от этого действия перевесят сопровождающие его издержки. В статичной ситуации, параметры которой (институциональные и иные) не меняются, такой расчет выгод и убытков от предполагаемого действия возможен с удовлетворительной степенью надежности. Но в том-то и дело, что «сопротивление власти» меняет эти параметры, оспаривает сами правила, по которым в настоящем идет игра, то есть оно делает ситуацию динамичной, а будущее (во всяком случае, для нашего калькулирующего утилитариста) в принципе непредсказуемым. Бентамовский здравомыслящий утилитарист, конечно, не принципиальный консерватор, осуждающий «сопротивление власти» как таковое. Он просто не знает, как применить свои схемы мышления к тому, о чем ему приходится здесь рассуждать, и поэтому признает, что (на основе его типа рациональности) нельзя найти ответ на вопрос, вступать или нет в открытый конфликт с властью¹⁶. Иными словами, революция — это не для утилитаристов. Почти два века спустя Вацлав Гавел обнаружит справедливость этих бентамовских рассуждений в Чехословакии периода застоя после «Пражской весны». «Рассудительный человек», последовательный утилитарист (по Гавелу это — «деморализованный человек») никогда

16. См.: *Bentham J. A Fragment on Government. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 96–97.*

не примкнет к антикоммунистической борьбе, разве что тогда, когда ее победа будет уже совершенно очевидна. И отсюда его важный вывод: коммунизм позднего периода застоя держится не на штыках и тем более не на силе коммунистических убеждений. Он держится на апатии, на широкомасштабной деполитизации населения, основанием и оправданием которой и является утилитаризм¹⁷.

В.М.: Но Вы в революцию закладываете телеологию. Революция каузальна, но не телеологична. Она не имеет цели, она имеет причинно-следственные связи, которые выявляются постфактум. Вы ее не можете представить, кроме крупных мазков, потому что там нет цели. Там есть движение.

Б.К.: Это почти афористическая формулировка, Владимир Александрович, с которой я согласен, — революция каузальна, но не телеологична. Только мне кажется, что под ее каузальностью я понимаю не совсем то, что Вы.

В.М.: В конечном счете выяснится, что одно и то же.

Б.К.: Может быть, но, во всяком случае, это стоит прояснить. Собственную причину революции я вижу в том, что она «отменяет» причинность, детерминировавшую ход событий до возникновения революции. Она кладет в свою основу собственную причинность — «общую волю» (в руссоистском смысле *volonté générale*, только появляющаяся не так, как это описано у Руссо) «революционных

17. См.: Гавел В. Сила бессильных // Мораль в политике. Хрестоматия. М.: КДУ, 2004. С. 244 и далее.

субъектов», а это и есть кантовская «причинность через свободу». Это есть та самая причинность, та «общая воля», которую Мишель Фуко полагал «политическим мифом», с которым возятся только философы и юристы, — до тех пор пока не увидел ее перед своими глазами «живьем» на улицах Тегерана на пике Иранской революции¹⁸.

В. М.: Знаете, проблема в том, что это только определенный момент психического и социального состояния общества. Потому что, скажем, в начале нэпа один сознательный рабочий, это где-то в середине или осенью 1921 года на вопрос приятеля «Как дела?» ответил: «Все правильно, но противно». В начале революции — порыв и *volonté générale*, а в термидоре все правильно, но противно.

Б. К.: Да, я, наверное, с этим соглашусь.

В. М.: Но ведь это с точки зрения психического ощущения почти одно и то же.

Б. К.: Да, «кушать хочется» и в начале революции, и в ее термидорианском конце. Разница лишь в том, что в ее начале «общая воля» не столько «заглушает» голод, сколько конвертирует его в гражданский порыв. А в термидорианском конце не остается ничего другого, кроме «кушать хочется». При этом, разумеется, у одних это желание удовлетворяется — и даже с большими излишествами, а у других — по-прежнему нет. Но подняться на борьбу они уже не могут.

18. См.: *Foucault M. Iran: The Spirit of the World without Spirit // Foucault and the Iranian Revolution. Chicago: The University of Chicago Press, 2004. P. 253.*

В. М.: Именно поэтому при военном коммунизме мешочников приказано было расстреливать, но их берегли. Потому что без них правительство не способно накормить город, а это крах власти. В. А. Базаров написал в 1918 году, что мешочник — главная социальная опора большевиков.

Б. К.: Вроде как цеховики были главной опорой...

В. М.: Да.

Б. К.: Если Вы с этим согласны, Владимир Александрович, то возникает замечание относительно Вашего общего понимания революции, ключевой элемент которого — кардинальная трансформация устоев «старого общества» (в условиях краха государства). Если мешочники спасали советский строй на раннем его этапе, а цеховики — на позднем, стало быть, они и есть одна из опор этого строя (как бы идеологически те и другие ни изображались носителями власти). Но эта опора свидетельствует о преемственности со «старым порядком», а не о разрыве с ним. В свете этого (и в той логике анализа революции Токвилем, о которой я говорил раньше), видимо, нужно уточнить то, что именно имеется в виду под «кардинальной трансформацией устоев», каковы критерии «кардинальности» и так ли уж важна эта «кардинальность» для революции, если одни элементы «старого порядка» сохраняются, а другие — нет. И, как Вы, конечно, понимаете, круг сохраненных большевистской революцией элементов «старого порядка» много шире, чем те два экономических явления, о которых мы сейчас говорим. Конечно, в связи с этим можно было бы поставить и более общий вопрос о том, что мы понимаем под «си-

стемностью» и «системой», — нечто качественно гомогенное или же некую функциональную целостность, воспроизводство которой обеспечивается разнокачественными элементами, причем некая их часть вообще создана не ею, а, так сказать, кооптирована ею из исторической среды и унаследована от более ранних социальных формаций. Речь идет о подходе, который, в частности, с такой ясностью продемонстрировал Шумпетер в его исследовании капитализма (ставя вопрос о том, являются ли «пережитки прошлого» преградами развития капитализма или его опорами¹⁹). Но этот вопрос может увести нас слишком далеко от нашей темы, поэтому лучше сосредоточиться непосредственно на проблеме «кардинальности» революции.

В. М.: Убираются некоторые внутренние ограничители и возникают новые. Но дальше уже нужен гораздо более тонкий анализ. Внутренние ограничители на какое-то время снимаются. Опять же, там начинаются более интересные процессы: А. Гершенкрон обратил внимание на то, что А. Тюрго разрушал общину, а С. Ю. Витте сохранял ее. Потому что перед Тюрго не стояла задача ускоренной индустриализации, а перед Витте стояла²⁰. И это очень интересный феномен догоняющего развития, что влияет на предпосылки революций и сказывается на их последствиях, — возможность использования старых форм в новых целях.

Ведь появление колхозов объясняется как раз необходимостью использования их как института

19. См.: *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 193.

20. *Gershenkron A.* Continuity in History and other Essays. Cambridge, MA: The Belknap Press, 1968. P. 276.

фискальной консолидации. По этим же причинам С. Ю. Витте пытался сохранить общину.

Через общину было проще собирать налоги. Через колхозы было проще изымать доход и передавать его на цели промышленности. И вот Тюрго, который не решал задачи догоняющего развития, мог себе позволить разрушить общину, а Витте уже не мог себе этого позволить, пока не возникли другие институты перераспределения прибыли в пользу промышленности. Собственно, он их создавал.

Восстановление старых форм — не есть результат ошибок революции. Это процесс, существующий сам по себе. Колхоз можно рассматривать как форму самой передовой коллективной организации сельского хозяйства, отрицающей частную собственность. А можно видеть как фискальный инструмент, который просто позволит продолжать решать те задачи по индустриализации, которые, собственно, и решало правительство в конце XIX — начале XX века.

А что делало сталинское правительство? Оно также проводило ускоренную индустриализацию. Формы были использованы те же, только более зверские. Просто один министр финансов — И. А. Вышнеградский — честно сказал: «Не доедим, а вывезем», а другой политик, сказав, что «мы никогда не пойдем по пути Вышнеградского», это реализовал в буквальном смысле. Не просто недоедим, а умрем с голоду, но вывезем.

Важно, однако, то, что одним из источников революционного процесса является распад классов на группы интересов, фрагментация общества. А фрагментация является следствием потери государством и элитой контроля в обществе. Это важный момент. И это совершенно противоречит традиционному пониманию марксизма. Но клас-

совый анализ не объясняет революции. Даже если он что-то объясняет, он не объясняет революции.

Можно ли вывести логику революции из анализа групп интересов — это для меня старая методологическая проблема экономической истории. То есть можно, но постфактум, причем с достаточно дальнего расстояния.

Но мы понимаем, что бессмысленно обсуждать действия Робеспьера как выражение интересов мелкобуржуазной городской массы и вообще чьих-либо интересов. Поведение героя — это поведение героя, и оно значимо с точки зрения революции. Значимо с точки зрения физического выживания его друзей и оппонентов, и его самого. Значимо ли это с точки зрения постреволюционных процессов? Мне кажется, не очень.

Б. К.: С точки зрения постреволюционных процессов, вероятно, это неважно.

Б. К.: Но у меня есть замечание, относящееся к тому раунду нашей дискуссии, в котором Вы говорили о возврате к нормальности при завершении революции. Мне кажется, я догадываюсь, что Вы имели в виду, говоря это, но все равно хочу уточнить один момент.

Сама нормальность исторична. Нет нормальности вообще, но есть нормальность, присущая данному контексту: нечто нормально для него и только для него. Постреволюционная нормальность может быть дикой аномалией для предреволюционного контекста.

В. М.: Важно, на каком этапе? Нэп? Нет. Сталинская индустриализация? Да. Дальше же мы начинаем обсуждать вопросы, выходящие за рамки ре-

волюции и не имеющие решения: на протяжении какого времени после революции система развивается под воздействием этой революции.

Б. К.: Это хороший вопрос — насколько революции определяют траектории исторического движения обществ.

В. М.: Это другой вопрос, какой вектор они могут определять. Но в какой мере Маркс несет ответственность за репрессии Сталина? Политически, наверное, сталинский режим был результатом боязни большевиков уступить власть мелкобуржуазным группам. Ведь нэп показал, что в отличие от прогнозов «единственно верной теории» частная экономика оказывается эффективнее государственной. А экономическая победа рынка, опять же если верить теории, должна была привести к политической победе буржуазии. Собственно, на этом основывались надежды на буржуазное перерождение советского строя. Но Сталин ответил на это сломом рыночной системы и сломом той тенденции, которая, как казалось, намечалась нэпом с его относительной рыночной свободой. Мы опять видим животную боязнь потерять власть. Откуда возникла ускоренная индустриализация? Из исключительной веры большевистского руководства в марксизм, и в теорию, которую они определенным образом понимали.

Устрялов, с одной стороны, и Троцкий — с другой, утверждали, что режим идет к термидорианскому перерождению. Большевики с самого начала революции панически боялись термидорианского перерождения, поскольку считали, что термидор их уничтожит. В 1921–1922 годах большевики считали, что госсектор демонстрирует низкую не-

эффективность просто потому, что они не вполне овладели экономикой, но были абсолютно уверены, что крупные государственные предприятия будут более эффективными, чем мелкие частные.

К 1926 году становится понятно, что крупное производство, государственное производство не может победить частный бизнес в свободной конкуренции. И дальше встает вопрос: или политический режим трансформируется под экономические основы, в соответствии с марксистской доктриной, или политическая надстройка трансформирует экономику таким образом, чтобы сохраниться, сохранить власть правящей группы.

В этом смысле великий перелом, коллективизация и ускоренная индустриализация — это не что иное, как последний раунд борьбы за выживание. В какой-то мере Сталин это сказал открыто, апеллируя к будущему. Он сказал в 1930 году, что мы отстали от Запада на пятьдесят-сто лет, или мы пробежим этот путь за десять лет, «или нас сомнут». И здесь, наверное, имелись в виду не только риски внешней войны, но и перспективы внутренней войны, перерождения.

Б. К.: Хочу привести одну иллюстрацию историчности нормальности. С точки зрения вандейцев, отраженной в документах их Католической королевской армии Вандеи, деяния революции и сами провозглашенные ею принципы были чистым безумием и, хуже того, — святотатством. «Нормальность» — это монархическая, воцерковленная, сословная Франция. Наоборот, с точки зрения революционного Парижа все это, пользуясь излюбленной лексикой эпохи Просвещения, — фанатические суеверия. (Просвещенная) «нормальность» может быть достигнута только путем их искорене-

ния. Если нужно, то и силой оружия, и, как считают сейчас некоторые историки, натурального геноцида. В революции вопрос о «нормальности» решается только бескомпромиссной борьбой.

В. М.: Вы описываете наши с вами последние пятнадцать лет.

Б. К.: Не уверен, что готов проводить такую параллель, но борьба за «нормальность», конечно, не уникальна для Французской революции.

В. М.: Если бы ГКЧП просуществовал чуть дольше и у него была бы идеология, он говорил бы в этих терминах.

Б. К.: Но идеологии у него не было.

В. М.: Ну, просто не успели.

Б. К.: Борьба за «нормальность» — это прежде всего борьба за господство того или иного мировидения. Скажем, того, в котором священной является собственность, или того, в котором священным будет совсем другое.

В. М.: Однако Эдмунд Берк, который вполне мог бы быть идеологом Вандеи, писал нечто противоположное. Он критиковал Французскую революцию, прежде всего, за нарушение священного права частной собственности. Причем таким нарушением он считал даже не конфискацию каких-то земель, а сам факт введения бумажных денег. Он считал, что ассигнат — это подрыв основ частной собственности. Нестабильная валюта — есть подрыв частной собственности.

Б. К.: А это уже взгляд из постреволюционной Англии.

Модератор: Давайте тогда перейдем к следующему вопросу, который было бы полезно обсудить сегодня. Поговорим про 1990-е годы и про современные революции.

Что Вы считаете предвестием современных и в особенности недавних революций в Восточной и Центральной Европе? Можно ли описать признаки надвигающейся революции? Ждут ли нас еще какие-либо революции? Вообще предоставляет ли понимание прошлых революций возможность опознания революции в будущем?

Б. К.: Получается новый вопрос.

Модератор: Это контекст.

В. М.: Это, может, контекст, а, может, и новый вопрос: возможна ли революция в будущем. Не знаю. Может быть поговорим об антикоммунистических революциях?

Б. К.: Давайте для большей конкретности я сделаю некоторое вступление к разговору именно об антикоммунистических революциях в Центральной и Восточной Европе. В западной литературе по этой теме я могу вычленить четыре основных подхода, по-разному рассматривающих и оценивающих эти революции. Их я охарактеризую чуть позже, а сейчас подчеркну: далеко не все исследователи считают возможным описывать падение «реального социализма», как этот строй называли в брежневскую эпоху, в понятиях теории революции. С точки зрения многих, произошедшее

в 1989–1991 годах есть «реформа» или серия «реформ», или просто *die Wende* (полный разворот), как падение ГДР окрестили в Германии. Я не могу сейчас останавливаться на таких подходах и сосредоточусь на тех, которые описывают коллапс «реального социализма» в понятиях теории революции, конечно, интерпретированной по-разному.

Первый подход описывает падение «реального социализма» как революцию снизу, осуществленную массовым «революционным субъектом». В качестве классического кейса здесь используется Польша с ее «Солидарностью», которая, конечно (вместе с аффилированными с ней «Студенческой Солидарностью», «Крестьянской Солидарностью» и другими структурами), была чем-то много бóльшим, чем профсоюз.

Второй подход представляет те же явления и процессы в качестве революции сверху. Да, некоторые движения низов имели место в ряде бывших «социалистических» стран (хотя не везде), но сами по себе они не могли изменить систему. Эпицентр коллапса «реального социализма», как пишет, к примеру, Стивен Коткин, локализовался в самом коммунистическом истеблишменте, а отнюдь не в «оппозиции», которая грезил о себе как о «гражданском обществе»²¹. В принципе анти- и посткоммунистическая трансформация описывается здесь в логике сговора и борьбы элит (ключевую роль среди которых играли фракции самой коммунистической номенклатуры).

Третий подход усматривает в падении «реального социализма» *контр*революцию, но, если так

21. См.: *Kotkin S. Uncivil Society: 1989 and the Implosion of the Communist Establishment*. N.Y.: The Modern Library, 2009. P. XIV ff.

можно сказать, идущую во благо народам и обществам Восточной и Центральной Европы. В ходе этой контрреволюционной трансформации они *возвращаются* — к господству частной собственности, капитализму, верховенству права и т. д., ко всему тому, чего их лишили коммунистические революции. В этой же логике говорят об их возвращении на «магистральный путь» развития цивилизации, в «Европу» и т. д. и т. п. Такие взгляды характерны в основном для теоретиков правого толка.

Для ряда левых теоретиков события 1989–1991 годов — тоже контрреволюция, но со знаком минус, а не плюс. Конечно, советский социализм признавался ими дегенеративным, диктатурой номенклатуры над пролетариатом, а не диктатурой пролетариата и т. д., и все же в его основе, как считалось, лежала «обобществленная» собственность, а она сдерживала формирование полномасштабного капитализма (и возврат к нему) и в то же время сохраняла хотя бы некую возможность прорыва к «истинному» социализму. Контрреволюция 1989–1991 годов, покончив с «обобществленной» собственностью, убила эту возможность. Какие новые перспективы борьбы за социализм могут открыться в этих условиях, — особый остро дебатруемый вопрос²², однако со старыми условиями борьбы за него покончила именно антикоммунистическая контрреволюция²³.

22. См., напр.: *After the Fall: 1989 and the Future of Freedom* / G. Katsiaficas (ed.). N.Y.; L.: Routledge, 2001; *Каллиникос А. Антикапиталистический манифест*. М.: Практикс, 2005.

23. Подробнее об этих четырех подходах см.: *Kapustin B. Violence and Post-Communism // Theorising Social Change in Post-Soviet Countries* / B. Sanghera et al. (eds.). Oxford: Peter Lang, 2007.

Может быть, мы начнем новый раунд нашего разговора с того, что обсудим эти четыре версии объяснения анти- и посткоммунистических трансформаций?

В. М.: Если исходить из понимания революции как системной трансформации в условиях краха государства, то так называемые антикоммунистические революции в Центральной и Восточной Европе, конечно, не были революциями. Больше того, я бы сказал, даже во всем Советском Союзе все происходящее нельзя назвать революцией. Революция произошла в России. Но применительно к странам Центральной и Восточной Европы, равно как и Центральной Азии эти события не являлись революцией. В обоих случаях это можно назвать аналогом войны за независимость — освобождением от режима, навязанного извне.

Большевицкий режим не был навязан извне России, если мы не будем останавливаться на истории с опломбированным вагоном. Он явился порождением собственного исторического пути и краха собственной элиты. Так же, как большевистской революции не было в Финляндии и Польше. Просто их элита смогла консолидироваться. Маннергейм в мемуарах очень четко написал, как следовало действовать в Петрограде, чтобы не допустить революции. И когда он приехал, понаблюдал за происходящим в Петрограде в 1917 году, еще до большевиков, он понял, что это путь в никуда и надо ехать, спасти Финляндию, — к вопросу о роли личности в истории.

Итак, в странах Центральной и Восточной Европы имело место нечто вроде национально-освободительного движения. Дело в том, что ни в Центральной и Восточной Европе, ни в Цен-

тральной Азии элита не была расколота. В Европе они все хотели в ЕС и НАТО. Дискуссия шла не о целях и ценностях, а о темпах, механизмах. Имелся консенсус — освободиться от советского влияния и вступить в европейские институты.

В Центральной Азии тоже, в общем, имелось универсальное понимание того, к чему стремиться: к модели, схожей с южнокорейской времен диктатуры. Перефразируя слова Н. И. Бухарина на XV съезде ВКП(б), можно сказать, что элита хотела двухпартийную систему, но когда одна партия у власти, а другая в тюрьме. В обеих названных группах стран режим консолидировался вокруг тех ценностей, которые он считал правильными.

А в России было иначе. Россия оказалась расколота между движением на Запад и отказом от такого движения, а российская элита — фрагментированной. Россия в конце 1980-х — 1990-х годов освобождалась от системы, созданной ей самой. Это дает основание охарактеризовать те события как полномасштабную революцию.

Триггером стало падение цен на нефть, что разрушило основу бюджетной стабильности. На это наложилось меры экономического популизма в виде антиалкогольной кампании и политики «ускорения», которое финансировалось за счет быстрого роста внешнего долга и бюджетного дефицита. Результатом стал бюджетный кризис, за которым последовали финансовый и политический. Все это очень точно описано Е. Гайдаром в книге «Гибель империи»²⁴. И начался революционный цикл.

Интересно, как пойдет трансформация на Кубе. Хотя посткастровское развитие Кубы не должно

24. Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.

стать сложной задачей, требующей каких-то больших изысканий. Это ведь too small to fail. Кубинская элита во Флориде вполне может позволить себе купить экономическую и политическую стабильность в случае посткоммунистических реформ на Кубе.

Б. К.: Я не уверен, что буду убедителен, рассуждая на эту тему.

В. М.: Я тоже чувствую свою полную неубедительность.

Б. К.: Тем не менее, поскольку — как Чжоу Эньлай говорил о французской революции, — рановато судить, может быть, и об этой-то вдвойне.

В. М.: Но предыдущий цикл нашего развития все-таки привел к тому, что с каждым новым поколением можно переписывать историю революции заново.

Б. К.: А мы сейчас этим и занимаемся.

В. М.: Да, поэтому я и говорю, не рановато, а никогда не поздно.

Б. К.: Совершенно верно. Это обратная сторона афоризма Чжоу Эньлая.

Модератор: Вы знаете, что Чжоу Эньлая спрашивали о французских событиях 1968 года?

Б. К.: Нет, я думал, что его спрашивали о революции 1889-го.

Модератор: На самом деле, нет.

В. М.: А я думал, что он это сказал к 150-летию Французской революции.

Модератор: Нет, нет. Это было в 1972 году, когда Никсон посещал Китай²⁵.

Б. К.: Ну, хорошо. Я все же вернусь к тем четырем подходам к событиям 1989–1991 годов, о которых говорил раньше. Почему я амбивалентен в отношении того, можно ли квалифицировать антикоммунистические трансформации в качестве революций?

С одной стороны, да, и это «да» имеет малое отношение к масштабам низовых протестов в тех или иных бывших социалистических странах. Мы помним классическую схему анализа «уровней политических решений» Дэвида Истона, адаптированную непосредственно к антикоммунистическим преобразованиям Клаусом Оффе²⁶. На первом, самом глубинном уровне принимаются «решения» о том, «кто мы есть», о нашей идентичности, а также о социальных и культурных границах, отделяющих нас от всех других, о территории нашего обитания, о том, что составляет наше гражданство и каковы его критерии... На втором уровне устанавливаются базисные правила, процедуры и права, образующие нашу «конституцию» и институциональный каркас нашего режима. Лишь на третьем, самом поверхностном уровне протесты

25. "Zhou's Cryptic Caution Lost in Translation." // *Financial Times*, June 10, 2011. <https://goo.gl/vZoGxj>

26. См.: *Easton D. A Systems Analysis of Political Life*. N.Y.: Wiley, 1965 (ch. 10–13); *Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe* // *Offe C. Varieties of Transition. The East European and East German Experience*. Cambridge: Polity Press, 1996.

кает обычная политика в духе того, «кто получает, что, когда и как», то есть происходит (пере-)распределение политических и экономических ресурсов. Так вот, характерная черта революции — это «принятие решений» на двух глубинных уровнях, до которых «обычная политика» не доходит и дойти не может. У целого ряда бывших социалистических стран, особенно у тех, которые возникли в результате распада СССР, Югославии, Чехословакии, «принятие решений» на этих двух глубинных уровнях вышло на первый план и до сих пор во многом определяет их политическую жизнь. Все это и говорит в пользу того, что антикоммунистические преобразования, особенно в указанной группе стран, можно считать революциями.

Но против этого взгляда можно выдвинуть очень веские аргументы. Один из них состоит в том, что все революции, особенно так называемые великие, делали что-то беспрецедентное, они были в полном смысле творением истории. По сравнению с этим и в противоположность этому антикоммунистические преобразования в Центральной и Восточной Европе абсолютно ничего нового — ни в духовном, ни в практическом плане — не сделали. «Рыночная экономика», «права человека», «европейский дом» и все прочее, что они начертали на своих знаменах, — очень старые идеи. Есть те на Западе, которые даже считают их несколько пережившими свой век. Эта удивительная для революций интеллектуальная банальность антикоммунистических преобразований нередко считалась правыми (состарившимся Ральфом Дарендорфом, к примеру) даже добродетелью — в смысле того, что боится от новых экспериментов и позволяет вернуться (опять — «вернуться»!) к некоей «нормальности». Попытка Хабермаса как-то примирить эту

банальность с верой в то, что на Востоке Европы все же произошло нечто *типа* революций, заставила его произвести очень неуклюжий термин — «исправляющие революции»²⁷.

И где великие политические конфликты между большими группами людей, которые всегда были «плотью и кровью» революций? Я вовсе не имею в виду то, что для доказательства свершения революции должны пролиться моря крови. Если «насилие» отождествлять с кровопролитием, я готов сказать, что оно не есть определяющий признак революции (в этом я согласен с Владимиром Александровичем). Но принципиальное противостояние мощных общественных сил должно быть, и на него никак не похожа возня тех, кого в те годы трансформаций именовали «ортодоксами» и «реформаторами». Да и возня эта порой напоминала борьбу нанайских мальчиков. Что можно сказать, допустим, о тайных переговорах главного полицейского тогдашней Польши генерала Кищака с главным польским революционером Лехом Валенсой на вилле МВД Магдаленка, на которых отрабатывались самые принципиальные решения, утвержденные позднее знаменитым «круглым столом»? Кстати, против этих переговоров, когда о них стало известно, протестовало и абсолютное большинство воеводских организаций (номинально) правившей тогда ПОРП, и большая часть членов «Солидарности»²⁸. Но что они мог-

27. См.: *Habermas J. What Does Socialism Mean Today? The Rectifying Revolution and the Need for the New Thinking on the Left // New Left Review. 1990. No. 183. P. 3–21.*

28. См.: *Osiatynski W. The Roundtable Talks in Poland // The Roundtable Talks and the Breakdown of Communism / J. Elster et al. (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1996 (особенно p. 29).*

ли поделаться? Воистину, суть посткоммунистических транзитов, в кристально ясном виде явленная именно «круглыми столами» (и польским, в первую очередь) в том и состояла, чтобы не допустить самодеятельности низов в политике. Как изящно выразил это Стивен Холмс, «парадоксальным образом элиты должны одновременно представлять и не представлять свои массовые базы (their constituencies). Они должны удерживать лояльность своих последователей, но не воспроизводить их бескомпромиссность в ходе общенациональных переговоров»²⁹.

Является ли это чем-то уникальным для посткоммунистических трансформаций? Отнюдь нет — в этом они тоже крайне неоригинальны. Более того, это — характернейшая черта всех революций сверху, классическую и замечательно бескровную модель которых дала так называемая английская «славная революция» 1688 года. Чем она была? Сговором верхушек тори и вигов, подкрепленным приглашением иностранных (голландских) интервентов, для свержения законного, хотя непопулярного монарха и перестройки системы правления под свои интересы. С народом никто ни о чем не консультировался. Давид Юм с присущим ему юмором потом напишет об этом — «это изменение [произведенное «славной революцией». — Б. К.] для почти десяти миллионов человек было определено только большинством в семьсот человек»³⁰. Известный историк «славной революции» живо-

29. *Holmes S. Gag Rules or the Politics of Omission // Constitutionalism and Democracy / J. Elster et al. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 30.*

30. *Юм Д. О первоначальном договоре // Юм Д. Соч. в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 662.*

писует состояние апатии и безразличия, в котором пребывали рядовые англичане в ее кульминационный период осенью 1688 года, понимая, что речь идет о (не зависящем от них) выборе одного из двух зол — «папистского короля или голландского». Но это-то состояние народа вожди тори и вигов сознательно поддерживали, стремясь предотвратить появление «энтузиазма», могущего, как они опасались, вновь ввергнуть страну в «гражданскую войну» (как синоним кромвелевской «пуританской революции») ³¹. Одним словом, революции сверху характеризуются отсутствием «революционного субъекта» как отличительной черты революций снизу. И это же в большой степени характерно для антикоммунистических трансформаций.

Наконец, третье. Революции — это всегда взрыв, разрушающий существующий порядок (или хотя бы его существенную часть). Жан Бодрийяр, *enfant terrible* постмодернизма, как-то очень точно написал о том, что произошло на востоке Европы в 1989–1991 годах: коммунизм не уступил в борьбе какому-то врагу, внутреннему или внешнему, он саморастворился, убежденный в собственном не-существовании ³². Это — не взрыв, а имплозия. Может ли имплозия считаться революцией? В условиях Современности, конечно же, нет. А если уже нет Современности? Или скажем так: если имплозия есть разворот (*die Wende*) от Современности и всего, что двигало ею и воодушевляло ее, то нужно ли ее считать революцией?

31. См.: Prall S. E. The Bloodless Revolution: England, 1688. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1985. P. 223–224.

32. См.: Baudrillard J. The Strategy of Dissolution // Baudrillard J. The Illusion of the End. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. P. 37–38, 40.

В.М.: Если вернуться к Вашему второму пункту, то ведь «круглостольные переговоры» есть проявление политической ответственности. Это же и есть ответственность.

Б.К.: А элита ответственна за что? И перед кем? Только ли за собственное самосохранение?

В.М.: Нет, не только. Я понимаю под ответственностью элиты способность перейти к другому режиму без войн и революций. Делили они там собственность или нет, уже не важно, это уже вторично. Важно, что они смогли договориться и не допустить революции, не допустить краха государства.

Б.К.: Получается так, что революция — заведомо худшее из зол, которое может приключиться и которого следует избегать любым способом. Заведомо хуже того угнетения, от которого многие поколения людей могут страдать и гибнуть до революции. Я совсем не уверен в этом. И ведь, кроме того, как мы говорили, важен исторический след, оставляемый революцией. Если его нет, если раж угнетателей не тревожит даже историческая память о том, что произошло с их предшественниками, то положение народа будет много хуже. В наш век политической корректности это может прозвучать чрезмерно брутально, но я верю в справедливость следующего вывода Томаса Джефферсона (представленного в письме Уильяму Смиту от 13.11.1787): «...Какая страна может сохранить свою свободу, если ее властители время от времени не получают предупреждение о том, что их народ сохраняет дух сопротивления? <...> Что значит потеря нескольких жизней за один-два века? Дерево свободы должно время от времени оро-

шаться кровью патриотов и тиранов»³³. Что касается Польши...

В. М.: В случае Польши это не было революцией. У них никакого settlement быть не должно, кроме того, что забудем советскую эпоху.

Б. К.: Давайте воспользуемся польской мифологией. Она гласит, что в Польше была великая антикоммунистическая революция.

В. М.: Но, извините, переговоры на вилле ничего не значат, ведь Мирабо переписывался с королем, за что его, когда вскрылось, выкопали из могилы. Но это не помогло. А в польском случае помогло.

Б. К.: Есть важное различие. Мирабо в сношениях с королем готовил почву для остановки революции на ранней ее стадии. У него не получилось — революция двинулась дальше, вычеркнув Мирабо из своего пантеона. А в польском случае остановить революцию — или даже предотвратить ее возникновение удалось. Предотвращение революции никогда не бывает «разумным компромиссом равных». Это всегда поражение левых и всегда установление фактической монополии на власть правых. Я не говорю о «левых» как «оппозиции ее Величества» (типа той, которую привел в Польше к власти экс-коммунист Квасьневский), а о левых как носителях альтернативы статус-кво.

В. М.: Но мы не можем сказать, что в Польше трудящиеся бесправны. Ведь обеспечение прав трудя-

33. *Jefferson Th.* The Works of Thomas Jefferson. Vol. 5. N.Y.; L.: G. P. Putnam's Sons, 1904–1905. P. 363.

щихся нельзя отождествлять с правом профсоюзов диктовать политику правительству. С точки зрения исторической правды деятельность Маргарет Тэтчер по разрушению британских тред-юнионов имела гораздо большее значение для обеспечения прав трудящихся в условиях беспрецедентного роста британской экономики, который стал результатом реформ, проводимых консерваторами. Это было гораздо важнее для благосостояния людей, чем права трудящихся, борьба профсоюзов, которую они вели в 1970-е годы, разрушая британскую экономику и толкая безработицу вверх.

Модератор: Здесь мы подошли к интересной теме, которую, возможно, стоит обсудить в следующий раз. Это так называемая тэтчеровская революция, которую некоторые называют также «неолиберальной». В том, что это была именно революция, сходятся как ее критики, так и ее сторонники. Тэтчер, по-видимому, действительно совершила революцию. Даже если взять признаки революции по Бринтону (хотя Борис Гурьевич и относится к нему скептически), британская ситуация до прихода к власти Тэтчер внешне соответствует его схеме. Это и финансовые проблемы правительства — дефицит бюджета, жалобы на налогообложение, экономическая политика, учитывающая интересы только одной группы; и социальный застой, и несостоятельность правящего класса. Тэтчер действительно разрушила институты старого, застойного и практически нежизнеспособного лейбористского порядка. Однако это тема для совсем другой дискуссии.

Библиография

- Арендт Х.* О революции. М.: Европа, 2011.
- Архангельский С. И.* Продажа земельных владений сторонников короля // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1933. № 5.
- Базаров В. А.* Анархический коммунизм и марксизм. СПб., 1906.
- Базаров В. А.* Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М.; Л.: Госиздат, 1927.
- Базаров В.* О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1.
- Базаров В.* Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента» // Мысль. 1919. № 10.
- Богданов А.* Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918.
- Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Вайнштейн А. Л.* Итоги и конъюнктура 1925/26 хоз. года // Избранные труды. Советская экономика. 20-е годы. Кн. 1. М.: Наука, 2002.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Ю. Н. Давыдов (ред.). М.: Прогресс, 1990.
- Вульфенсон Дж. Д.* Другой кризис: Выступление перед Советом управляющих. Вашингтон, IBRD, 1998.
- Гавел В.* Сила бессильных // Мораль в политике. Хрестоматия. М.: КДУ, 2004.
- Гайдар Е.* Власть и собственность: развод по-русски // Известия. 1997. 1 октября.
- Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.
- Гайдар Е.* Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995.
- Гершензон М. О.* Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. 1991.

- Громан В.* О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1, 2.
- Далин С. А.* Инфляция в эпохи социальных революций. М.: Наука, 1983.
- Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1960.
- Добролюбский К. П.* Экономическая политика термидорианской реакции. М.; Л.: Госиздат, 1930.
- Законодательство о трестах и синдикатах / А. М. Гинзбург (ред.). М.: Изд-во ВСНХ, 1926.
- Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917–1927. М.; Л.: ЦСУ СССР, 1928.
- Кактынь А.* Очерки по организации народного хозяйства. М.: Экономическая жизнь, 1922.
- Каллиникос А.* Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005.
- Капустин Б.* Критика политической философии. Избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010.
- Киселев С. М.* Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1925. № 12.
- Киселев С. М.* Оценка текущего состояния денежного обращения // Плановое хозяйство. 1926. № 6.
- Ковалевский Н. А.* Назад, к капитализму // Плановое хозяйство. 1926. № 5.
- Кондратьев Н.* Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI.
- Крицман Л.* Героический период великой русской революции. М.: Государственное издательство, 1925.
- Крицман Л.* Три года новой экономической политики пролетариата СССР. М., 1924.
- Крумин Г.* О планировании завоза промышленной продукции // Экономическая жизнь. 1925. № 200.
- Ларин Ю.* 59-головая гидра // Экономическая жизнь. 1920. № 252.
- Ленин В. И.* Задачи русских социал-демократов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. М.: Политиздат, 1967.
- Ленин В. И.* Замечания к проекту тезисов Троцкого «Очередные задачи хозяйственного строительства» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. М.: Политиздат, 1974.
- Ленин В. И.* Замечания на второй проект программы Плеханова // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. М.: Политиздат, 1963.

- Ленин В. И.* Материалы к X Всероссийской конференции. Планы доклада о продовольственном налоге // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. М.: Политиздат, 1970.
- Ленин В. И.* Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. М.: Политиздат, 1969.
- Ленин В. И.* Очередные задачи советской власти // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1974.
- Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Политиздат, 1969.
- Ленин В. И.* Чрезвычайный Всероссийский съезд советов 14–16 марта 1918. Резолюция о ратификации Брестского договора // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1974.
- Магун В. С.* Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г. // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Малле С.* Приватизация в России: особенности, цели и действующие лица // Вопросы экономики. 1994. № 3.
- Маркс К.* Капитал. Предисловие к первому изданию / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.
- Мартов Л.* Ленин против коммунизма // Социалистический вестник. 1921. № 10.
- Мау В. А.* Интеллигенция, история и революция: очерки современной жизни России // Новый мир. 2000. № 5.
- Мау В. А.* Реформы и догмы: Государство и экономика в эпоху реформ и революций. 1981–1929. 3-е изд. М.: Дело, 2013.
- Мау В.* Стабилизация, выборы и перспективы экономического роста (Политическая экономия реформы в России) // Вопросы экономики. 1997. № 2.
- Мау В.* Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М.: Ad Marginem, 1999.
- Мау В., Стародубровская И.* Перестройка как революция: опыт прошлого и попытка прогноза // Коммунист. 1990. № 11.
- Милютин Вл.* Экономическая программа коммунистов // Народное хозяйство. 1919. № 4.
- Минье Ф.* История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М.: ГПИБР, 2006.
- Мур-младший Б.* Социальные истоки диктатуры и демократии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016.

- Новожилов В. В.* Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
- Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ—ВШЭ, 2010.
- Общественное мнение (ВЦИОМ). 1997. № 6.
- О проблеме диспропорции и темпе хозяйственного развития в СССР // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVI.
- О. С.* Неумирающий принудительный ассортимент // Экономическая жизнь. 1925. № 262. С. 3.
- Перспективы хозяйственного развития СССР (Контрольные цифры Госплана): Дискуссия // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII.
- Приватизация в России. Ч. 1. М., 1993.
- Ясный Н. М.* Продовольственный кризис и хлебная монополия. Пг.: Издание Библиотеки Свобода, 1917.
- Репше Я. Х.* Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1926. № 2.
- Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 1999.
- Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 2002.
- Российская Федерация в цифрах в 1993 г. М.: Госкомстат России, 1994.
- Сарабьянов В.* Основные проблемы НЭПа: план, регулирование, стихия. М.; Л.: Московский рабочий, 1926.
- Свяцицкий Н. В.* Организация российской государственной промышленности. М., 1924.
- Сигов И.* Аракчеевский социализм. Доклад о хлебной монополии, заслушанный Вольным экономическим обществом 25 мая 1917 г. Пг.: Вольное экономическое общество, 1917.
- Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Смилга И. Т.* Наши хозяйственные затруднения // Плановое хозяйство. 1926. № 2.
- Сокольников Г. Я.* Пройденный путь и новые задачи // Вестник финансов. 1925. № 10.
- Стародубровская И., Мау В.* Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.
- Степанов И.* От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 10–11.

- Струмилин С. Г.* В защиту контрольных цифр Госплана // Плановое хозяйство. 1925. № 10.
- Струмилин С. Г.* К вопросу о денежной инфляции и дефляции // Плановое хозяйство. 1926. № 6.
- Токвиль А. де.* Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.
- Троцкий Л.* О термидорианстве и бонапартизме // Бюллетень оппозиции. 1930. № 17–18.
- Троцкий Л.* Путь к единому хозяйственному плану // Экономическая жизнь. 1920. № 251, 252, 253.
- Троцкий Л.* Рабочее государство, термидор и бонапартизм // Бюллетень оппозиции. 1935. № 43.
- Устрялов Н.* Под знаком революции. Харбин: Русская жизнь, 1925.
- Финансово-промышленные группы и конгломераты в экономике и политике современной России / Я. Ш. Паппе (ред.). М.: Центр политических технологий, 1997.
- Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.
- Фюре Ф.* Постижение Французской революции. СПб.: Инапресс, 1998.
- Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
- Хиршман А.* Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: ГУ–ВШЭ, 2010.
- Шанин Л.* Экономическая природа нашего бестоварья // Экономическое обозрение. 1925. № 11.
- Шлезингер А. М.* Циклы американской истории. М.: Прогресс-Академия, 1992.
- Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.
- Экономическое положение России перед революцией // Красный архив. 1925. № 3.
- Энгельс Ф.* Письмо Вере Ивановне Засулич, 23 апреля 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1964.
- Энгельс Ф.* Положение Англии. Восемнадцатый век // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1954.
- Юм Д.* О первоначальном договоре // Юм Д. Соч. в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1996.
- Юровский Л. Н.* К пересмотру хозяйственного плана // Экономическая жизнь. 1925. № 262.
- Aftalion F.* The French Revolution: An Economic Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- After the Fall: 1989 and the Future of Freedom / G. Katsiaficas (ed.). N.Y.; L.: Routledge, 2001.

- Alesina A.* Political Models of Macroeconomic Policy and Fiscal Reform. Washington, D. C.: The World Bank, 1992.
- Arendt H.* On Revolution. L.: Penguin Books, 1990.
- Ashley M.* Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Protectorate. L.: Frank Cass, 1962.
- Aslund A.* How Russia Became a Market Economy. Washington, D. C.: The Brookings Institution, 1995.
- Baudrillard J.* The Strategy of Dissolution // Baudrillard J. The Illusion of the End. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.
- Bentham J.* A Fragment on Government. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Blanchard O., Froot K., Sachs J.* (eds.). The Transition in Eastern Europe. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Bottigheimer K. S.* English Money and Irish Land: 'The Adventurers' in the Cromwellian Settlement of Ireland. Oxford: Clarendon Press, 1971.
- Brinton C.* The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N. Y.: Vintage Books, 1965.
- Burdekin R. C. K., Burkett P.* Distributional Conflict and Inflation. L.: Macmillan, 1996.
- Cobban A.* History of Modern France. Vol. 2. Baltimore: Penguin, 1957.
- Coleman D. C.* The Economy of England. L., Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1977.
- Crane B.* The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N. Y.: Vintage Books, 1965.
- Drezen A.* The Political Economy of Delayed Reform // The Journal of Policy Reform. 1996. № 1.
- Dunn J.* Modern Revolutions. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Easton D.* A Systems Analysis of Political Life. N. Y.: Wiley, 1965.
- Fisher S., Sahay R., Vegh C. A.* Stabilization and Growth in Transition Economies: The Early Experience // Journal of Economic Perspectives. 1996. Vol. 10. No. 2.
- Foucault M.* Iran: The Spirit of the World without Spirit // Foucault and the Iranian Revolution. Chicago: The University of Chicago Press, 2004.
- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. L.: Penguin Books, 1992.
- Furet F.* Interpreting the French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Gershenkron A.* Continuity in History and other Essays. Cambridge, MA: The Belknap Press, 1968.

- Godechot J.* Les Institutions de la France sous la Revolution et l'Empire. Paris: Presses Universitaires de France, 1951. P. 440.
- Goldstone J. A.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkley, CA: University of California Press, 1991.
- Habermas J.* What Does Socialism Mean Today? The Rectifying Revolution and the Need for the New Thinking on the Left // *New Left Review*. 1990. No. 183.
- Harris S. E.* The Assignats. Cambridge, Mass.: Harvard University press, 1930.
- Henderson W. O.* The Industrial Revolution on the Continent. L.: Franc Cass, 1961.
- Hobsbawm E. J.* Revolution // *Revolution in History* / R. Porter et al. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Holmes S.* Gag Rules or the Politics of Omission // *Constitutionalism and Democracy* / J. Elster et al. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Jefferson Th.* The Works of Thomas Jefferson. Vol. 5. N.Y.; L.: G. P. Putnam's Sons, 1904–1905.
- James M.* Social Problems and Policy During the Puritan Revolution 1640–1660. L.: George Routledge, 1930.
- Kapustin B.* Violence and Post-Communism // *Theorising Social Change in Post-Soviet Countries* / B. Sanghera et al. (eds.). Oxford: Peter Lang, 2007.
- Klima A.* The Bourgeois Revolution of 1848–49 in Central Europe // *Revolution in History* / R. Porter et al. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Kotkin S.* *Uncivil Society: 1989 and the Implosion of the Communist Establishment*. N.Y.: The Modern Library, 2009.
- Maddison A.* *Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris: OECD, 1995.
- North D. C.* *Understanding the Process of Economic Change*. L.: IEA, 1999.
- Offe C.* *Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe* // *Offe C. Varieties of Transition. The East European and East German Experience*. Cambridge: Polity Press, 1996.
- Osiatynski W.* *The Roundtable Talks in Poland* // *The Roundtable Talks and the Breakdown of Communism* / J. Elster et al. (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Prall S. E.* *The Bloodless Revolution: England, 1688*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1985.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Runciman W.G.* Unnecessary Revolution: The Case of France // *European Journal of Sociology*. 1983. Vol. 24. No. 2.
- Stiglitz J.* More Instruments and Broader Goals: Moving toward the Post-Washington Consensus. Helsinki: UDU/Wider, 1998.
- The Cambridge History of Latin America. Vol. V. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- The Macroeconomics of Populism in Latin America / R. Dornbusch, S. Edwards (eds.). Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1991.
- Think J.* The Sales of Royalist Land during the Interregnum // *The Economic History Review*. 1952. Vol. 5. No. 2.
- Thirsk J.* Sales of Royalist Land during the Interregnum // *Economic History Review*, 2nd series. 1952. Vol. 5. No. 2.
- Walzer M.* The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
- Williamson J.* (ed.) Latin American Adjustment: How Much Has Happened. Washington, D.C.: Institute for International Economics. 1990.
- Zhou's Cryptic Caution Lost in Translation // *Financial Times*. 2011. June 10.

SUMMARY

VLADIMIR MAU

Revolution: Mechanisms, Causes, and Consequences of
Radical Social Transformations

The book focuses on the problems of the theory and history of great revolutions. The patterns of radical social transformations are found through the analysis of the English (the 17th century), French (the late 18th and early 19th century), and Russian (beginning of the 20th century) revolutions. Based on the results of the comparative studies of the past, the author argues that post-communist transformation of Russia had a specific revolutionary character. At the centenary year of the 1917 Russian revolution, particular attention is given to the Russian experience of profound transformations at the beginning and the end of the 20th century. The book is for historians, economists, sociologists and those interested in problems of social and economic transformations.

Научное издание

ВЛАДИМИР МАУ

РЕВОЛЮЦИЯ

**МЕХАНИЗМЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ
И ПОСЛЕДСТВИЯ РАДИКАЛЬНЫХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор издательства АРТЕМ СМИРНОВ
Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА
Корректор НАТАЛИЯ СЕЛИНА
Дизайн обложки и верстка СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Издательство Института Гайдара
125009, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

Подписано в печать 12.10.2017.
Тираж 1000 экз. Формат 84×108/32
Заказ 6798

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
АО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. (499)270-73-59
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1

Владимир Мау — доктор экономических наук, профессор, ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, специалист в области экономической теории, истории экономической мысли и народного хозяйства, главный редактор журнала «Экономическая политика».